

ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ ВОЙНЫ

БЕГЛЕЦЫ ИЗ ПЛЕНА

Воспоминания танкиста
и морского артиллериста

ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ ВОЙНЫ

<http://www.bibliorussia.ru>

Владимир Тутов

Александр Малофеев

ЧЕЛОВЕК НА ОБОЧИНЕ ВОЙНЫ

БЕГЛЕЦЫ ИЗ ПЛЕНА

Воспоминания танкиста
и морского артиллериста

Составители
Н. Поболь и П. Полян

МОСКВА
РОССПЭН
2010

УДК 82-94(082.1)
ББК 63.3(2)622.78
Б37

Серия основана в 2005 году

Редакционная коллегия серии:

Г. Я. Бакланов, Е. Ю. Гениева, Д. А. Гранин, С. В. Мироненко,
П. М. Полян (ответственный секретарь),
А. К. Сорокин, С. Тамм

Составитель серии П. Полян

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда Фридриха Науманна

Составление тома: П. Полян и Н. Поболь

Предисловие: П. Полян

Послесловие: Ю. Тутов

Примечания: А. Апель и П. Полян

Беглецы из плена : Воспоминания танкиста и морского артиллериста / В. С. Тутов, А. С. Малофеев ; сост. Н. Поболь, П. Полян ; авт. предисл. П. Полян ; авт. послесл. Ю. Тутов. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 304 с. : ил. — (Человек на обочине войны).

ISBN 978-5-8243-1401-4

В этой книге под одной обложкой собраны воспоминания двух советских военнопленных — Владимира Семеновича Тугова и Александра Сергеевича Малофеева. Один служил в танковых войсках, другой — в морской артиллерии, у каждого из них своя неповторимая узническая судьба, но вместе с тем их очень многое объединяет. Оба начали воевать в первые же недели войны, попали в плен практически одновременно и умерли в один год. Но главное, что их объединяет, — это жажда свободы, потребность вырваться из плена, бежать: Тутов бежал пять раз, а Малофеев — четыре!

Книга будет интересна как специалистам — историкам Второй мировой войны, так и всем интересующимся данной проблематикой.

УДК 82-94(082.1)
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-8243-1401-4

© Тутов В., Малофеев А., наследники, 2010

© Поболь Н., Полян П., составление, 2010

© Полян П., предисловие, 2010

© Тутов Ю., послесловие, 2010

© Российская политическая энциклопедия, 2010

БЕГЛЕЦЫ ИЗ ПЛЕНА

В этой книге собраны под одной обложкой воспоминания двух советских военнопленных — Владимира Семеновича Тутова (1917–1999) и Александра Сергеевича Малофеева (1921–1999). Один служил в танковых войсках, другой — в морской артиллерии, каждый из них прожил свою неповторимую узническую судьбу, но вместе с тем их очень многое и объединяет. Оба начали воевать в первые же недели войны, оба попали в плен практически одновременно (3 и 5 октября), оба умерли в один и тот же год. Но главное, что их объединяет, все же другое — это жажда свободы, потребность вырваться из плена, императив побега: пусть и не добежать, но все равно бежать! Тутов бежал пять раз, а Малофеев — четыре!

3 октября 1941 года под Ржевом — после хаоса отступления и страха попасть в плен — Тутов и попал-таки в плен: «Нас погнали на запад. Кормежки никакой. Колонна становилась длинней и длинней. Солдаты подталкивали нас стволами автоматов. Кое-кто собирался с силами и брел дальше, а тех, кто уже не мог двигаться, солдаты пристреливали. Просто приставляли автомат к голове, нажимали крючок и шли дальше, даже не вздрогнув, не выразив ни негодования, ни злости».

Ежедневные 40–50 км пешего марша, непредсказуемые ни в каком отношении ночлеги. В одной из деревень, где ночевали, произошла встреча, которую потрясенный Тутов помнил всю жизнь. Местный мужик, ветеран немецкого плена еще по Первой мировой, обвел взглядом пленников-«новичков» со Второй мировой и вдруг указал на Тутова: «Не знаю, ребята, как вы, а вот этот останет-

ся жив». Это предсказание сбылось и стало оберегом: «Каждый раз, как только я выкарабкивался из очередных объятий смерти, я вспоминал этого старика».

Однажды их колонна схлестнулась с другой — точно такой же, но длиною в 10–12 км. Другой раз просвистел эшелон, составленный из открытых платформ: «На них стояли наши военнопленные вплотную, плечом к плечу, и это при морозе 20–30 градусов! К концу пути приезжали промерзшие трупы».

Тутов свидетельствует и о селекциях, происходивших прямо на марше: «Нас выстроили в одну шеренгу. Впереди стояло какое-то немецкое начальство и русские полицаи. Вышел переводчик и закричал: "Жиды и комиссары, выйти из строя!" Нашлось несколько смельчаков, которые подчинились команде. Их тут же избили резиновыми дубинками и заставили до изнеможения бегать вдоль забора кругом лагеря».

Вот лагеря, в которых побывал Тутов. В СССР — это Сычевка, Ржев и Даугавпилс; в Польше — Ламсдорф и Хелм; в Германии — штрафной лагерь Кройцбург и лагерь в Найси; в Чехословакии — Ягендорф (теперь Крнов), в Германии — Вайден, где 22 апреля 1945 года Тутов был освобожден американскими коллегами-танкистами.

Дальше — госпиталь в районе Братиславы (4-я степень дистрофии, угроза ампутации руки), затем «фильтрация» в Будапеште и отправка домой в Тбилиси.

Свой первый побег Тутов совершил с комфортом, на зимних санях, с передышкой в хуторе Барки — и завершил прямым попаданием в руки немецкому патрулю, едва не расстрелявшему его за звездочку на гимнастерке. Ржевский лагерь встретил его виселицами с трупами каннибалов и жестокостью полицаев, увозивших хоронить еще живых доходяг, если только у них шинель или обувь хорошие (чем не разновидность каннибализма?).

Второй тутовский побег — из Ламсдорфа на реке Нейсе, в октябре 1944 года. Транспортные средства — велосипед и ноги. Конечная цель побега несколько удивля-

ет — на юг, в Югославию, к партизанам Тито. Почему не на восток, к своим? Добрался же Тутов только до Южной Моравии, где был схвачен крестьянами и препровожден в тюрьму городка Ягендорф. Третий побег — из поезда, на станции Карловы Вары...

Весьма интересны и страницы, посвященные воровству и черному рынку в лагере, написанные к тому же не без юмора. В какой-то момент начинает казаться, что тема эта заслоняет другие аспекты плена, но автор все же успевает напоминать и о причине этой оборотистости — голоде, холоде, враждебности не только охраны и населения, но и одних пленников по отношению к другим. А голодный, истощенный человек просто не в состоянии совершить побег.

С удовольствием пишет Тутов о своей смекалке, готовности пошутить, а если надо — то и пофантазировать. С таким удовольствием, что о некоторых прочитанных эпизодах, например о подготовке восстания с одним полковником, немного задумываешься: а не плод ли это его фантазии?..

Александр Сергеевич Малофеев родился 20 июня 1921 года на Украине, в селе Пивневка Ворошиловградской (ныне Луганской) области. В мае 1941 года он окончил мореходку — Военно-морское артиллерийское училище в Севастополе и прибыл служить на Балтийский флот, в Таллин.

И уже через месяц с небольшим, не успев толком обмыть свое 20-летие, он был подхвачен и унесен стихией войны. До своего пленения он и его батарея героически обороняли Таллин, Моонзундские острова, дальние подступы к Ленинграду. Дважды попадал в окружение, один раз вырвался, а во второй раз не получилось. 5 октября 1941 года лодка, на которой он и три его товарища пытались уйти на военно-морскую базу Ханко в Финляндии, была перехвачена двумя немецкими сторожевиками и трое из них были взяты в плен (четвертый застрелился).

Его первым лагерем для военнопленных стал шталаг Саласпилс под Ригой (там же находился и концлагерь). В 1942 году он был увезен в Германию — в лагерь IX А в Цигенхайме под Касселем, где впервые получил цифровую идентификацию — № 45645. 16 сентября 1943 года вместе с тремя другими военнопленными офицерами он совершил побег из офицерской рабочей команды в Ляймсфельде, который находился в 7 км от базового шталага. Только в декабре их поймали в лесах Тюрингии около Хемница, почти у самой чешской границы, к которой они так стремились. Вскоре после водворения в шталаг IX А он был арестован кассельским гестапо и направлен в Бухенвальд. Его номер в концлагере — 37117. При росте в 165 см он весил тогда 41 кг.

17 января 1944 года транспортом «К» Малофеева направили в распоряжение 3-й строительной бригады СС Кельн-Дойц в Мессе, в лагерь (кельнский филиал Бухенвальда), располагавшийся на территории бывшей Кельнской международной ярмарки. В Кельне заключенные работали в основном на расчистке завалов, одну бомбу извлекли из собора. Охраняли их эсэсовцы, но иногда и солдаты люфтваффе: в таких случаях местное население нередко подбрасывало им хлеб или хлебные карточки. 19 апреля 1944 года 500 человек погрузили в вагоны и привезли в Северную Францию, в распоряжение 5-й строительной бригады СС. Совершив побег, Малофеев, исполненный ненависти к нацистам, примкнул к движению французского Сопротивления.

Тем сильнее было его разочарование, что освободившие его американцы, не разобравшись, снова бросили его в лагерь для военнопленных, на сей раз — немецких. Вместе с ними его перевезли в Англию, и только здесь, после вмешательства советской военной миссии, Малофеев воссоединился с представителями Красной армии и Красного флота.

...В 2003 году в Луганске удалось разыскать дочь Александра Сергеевича Малофеева — Татьяну. Она со-

общила мне, что отец дожил до 76 лет и умер в апреле 1999 года.

В конверт она вложила прошнурованную тетрадь — правленную машинопись отцовских воспоминаний, написанных в 1982 году. Помимо текста к воспоминаниям относится и один рисунок — чертеж схемы побега Малофеева из каменоломни в Северной Франции.

Воспоминания Малофеева охватывают четырехлетний период — от его первой мобилизации в мае 1941 года до второй в феврале 1945 года. К сожалению, мы ничего не знаем о его послевоенной судьбе.

На момент попадания в плен Малофеев был лейтенантом, а стало быть — офицером. Но в зависимости от обстоятельств он то примыкал к коллегам-офицерам, то к солдатам и старшинам. При необходимости выдавал себя и за гражданского, как, например, во Франции.

А вот выдать себя за еврея никому бы в голову не пришло: военнопленных-евреев и комиссаров расстреливали чуть ли не на месте разоблачения. Честно описывает он не только ужасы лагерной охоты на евреев, но и свои собственные переживания: «Из лагеря забирали политрабников и евреев и уводили. Проходя по территории лагеря, немцы останавливали похожих на евреев, заставляли раздеваться и, "определив", что это еврей, здесь же стреляли. Много таким образом было убито мусульман с Кавказа. Из моряков увели старшего лейтенанта Пожарского и сержанта Молочевского, и они больше к нам не вернулись. В лагере немцы охотились за отдельными евреями. Так было с Мишой Васильевым — военфельдшером с зенитной батареи, которого остановил немец после раздачи пищи, направил на него автомат и приказал снять штаны. Я в это время возвращался со своим супом в барак. Миша позвал меня. Я со страхом подошел. Немец начал меня спрашивать: "Это иуда?" — "Что вы, герр солдат, разве еврей сможет служить во флоте? Они любят более легкую работу. Это флотский доктор", — сказал я солдату, а сам оробел: а вдруг Миша снимет штаны, солдат узнает,

что он еврей и заодно и меня пустит на тот свет. Но солдат, к моему удивлению, внял моим сведениям, ткнул Мишу носком под зад и стал меня расспрашивать, на каком корабле я сдался в плен. Я ему понес такую несуровую, какую мне позволяло знание немецкого. Но Миша был спасен и все время держался со мной».

Особенностью этих воспоминаний является примечательная попытка написать о себе в третьем лице («Малофеев сказал» и т. п.), т. е. создать что-то вроде повести, а не воспоминаний. Уловка эта удалась лишь отчасти, поскольку во множественном числе он всегда писал от первого лица («мы», «нас»), а иногда и вовсе забывал об этом нарочито третьем лице («Ферма на возвышенности, куда должен был добираться Малофеев находилась в стороне от его пути... Моя полосатая форма после путешествия по туннелям топки котельной стала совсем черной...»).

Но сила воспоминаний Малофеева явно не в его литературном таланте, а в искренности и правдивости автора. Некоторые сцены и образы и впрямь поражают, но они просто взяты из жизни. Как, например, сцена самоубийства политрука Жукова в лодке (так, по мнению Сталина, должен был поступать каждый красноармеец!). Лодка, из которой перед пленением перестали вычерпывать воду и на которую Малофеев и два других его товарища оглянулись на прощание, до половины была заполнена водой, красной от крови, сочившейся из виска Жукова. Такое не придумаешь!

Стилистическая правка и разбивка на главки сделана публикаторами. Им же принадлежат название воспоминаний в целом и их отдельных глав.

ВЛАДИМИР ТУТОВ

Воспоминания танкиста

22 июня 1941 г. — 22 апреля 1945 г.

Свобода, Санчо, — это один из самых драгоценных даров, который дан людям. Ничто не сравнимо с ней: ни богатство, что хранит земля, ни то, что укрывают бездны моря. За свободу, так же как и за честь, можно и нужно рисковать жизнью. И напротив, рабство — самое большое несчастье, которое может постичь человека.

Мигель Сервантес Сааведра.

Дон Кихот

22 июня 1941 года, Пятигорск

■ ■ ■ **Н**е помню, с кем из ребят мы спешили к проходной, чтобы не потерять ни одной минуты свободы, а у меня, как отличного младшего командира, увольнительная была с 10 утра до часа ночи — пятнадцать часов свободы! Настроение праздничное, погода отличная, впереди приятная встреча со знакомой казачкой. Ровно в 10.00 мы у проходной с увольнительными в руках, до воли — два шага.

И вдруг... стоп! Полнейшее разочарование, дежурный не выпускает нас в город. Невероятно возмущенные, суем свои увольнительные, но он объясняет нам, что это приказ дежурного по полку капитана Иванова (фамилия другая). А тот был известным перестраховщиком: на всякий случай, чтобы его дежурство прошло благополучнее, без происшествий, как то: опоздания, пьянки, драки с кавалеристами и прочие нарушения, капитан уменьшал до минимума увольнения в город. Мне было совершенно непонятно: при чем дежурный офицер, если нарушитель не из его подразделения? Но дежурный пояснил: в 12 часов будете слушать по радио речь Молотова. Я, как всегда невоздержанный, разозленный крушением своих надежд, заявил: «Еще успеем на политинформации (так назывались очередные 60 минут утренней тоски, во время которых нас пичкали сведениями из истории ВКП(б) и разными политическими бреднями, впадающих в спячку приводили в чувство немедленно) послушать Молотова, и так осточертели эти выступления». В те времена за такое необдуманное заявление можно было поплатиться очень тяжело — тюрьмой или концлагерем. И вот я, наряженный и начищенный как на свадьбу, в «царских сапогах» с квадратным носком из кожи шевро и офицерской фуражке, мечусь по лагерю как тигр. Это было 22 июня 1941 года!

Наконец в 12 часов, столпившись у репродуктора, мы выслушиваем ужасное сообщение Молотова: «ВОЙНА!» Немедленно была объявлена боевая тревога. Мы получили новое обмундирование (вспомнил об этом незначительном факте потому, что не нашлось сапог моего размера и пришлось брать на номер меньше, потом долго мучился, пока не добыл свой размер). Танки и бронемашины заполнили боевыми комплектами патронов и снарядов. Экипажам выдали наганы, и опять моему экипажу не хватило одного нагана. Я был командиром бронюшки БА-6¹. Экипаж — 6 человек, вооружение — пушка 45 мм, два пулемета Дегтярев танковый, один — рядом с водителем, второй — спаренный с пушкой. Отправились на фронт то ли на второй, то ли третий день, не помню.

Много лет прошло после окончания Второй мировой войны, и много забыто, вспоминаются какие-то обрывки, да и писать я не мастер, если засел за непривычный труд, то, как говорится, «по просьбе трудящихся», а точнее по настоянию сына Юрия и друзей-журналистов. То, что я лично видел, пережил и запомнил, — все здесь, выдуманного нет ни одного эпизода. Где уж тут выдумывать, если нет умения истинное событие как следует литературно изложить на бумаге!

На фронте наша бронюшка БА-6, заслуженно прозванная полковыми остряками «гроб с музыкой», была при штабе дивизии в составе танкового разведполка. На вооружении — пушка 45 мм и два пулемета, экипаж четыре человека, командир — я, младший сержант Тутов. Общий вес около семи тонн, и поэтому прозвище вполне при 40-сильном двигателе подходило.

Стояли мы недалеко от передовой, в лесу. Однажды связист оставил свой мотоцикл около моей машины, а сам отправился в санбат на свидание к медсестре. Я, большой любитель быстрой езды, сел на мотоцикл и помчался по лесной дороге. На опушке она резко поворачивала вле-

¹ Бронеавтомобиль.

во и поднималась по крутому холму. Я лихо взлетел наверх, круто развернулся и, газанув, рванул вниз. Перед поворотом хотел притормозить, ищу тормоз и на обычном месте ничего не нахожу, а скорость большая, думать некогда! Сосны с громадной быстротой увеличиваются в диаметре, в последний момент вспоминаю про торможение двигателем и быстро сбрасываю газ, и все это происходит при входе в поворот так, что я почти лег на землю! Тут я газанул снова, мотоцикл взревел, и мы помчались. Но на дороге, расставив руки, выскочил мой командир взвода. Его перевели к нам из пехоты, звание младшего лейтенанта он получил после 15 лет сверхсрочной службы в кавалерии, в танковых делах не разбирался, и фактически взводом, особенно в разведке, командовал я. Поэтому авторитета у нас он не имел, и я, еще прибавив скорость, принудил его отскочить в сторону. На обратном пути возникла другая фигура с поднятой рукой — это был комиссар полка. Я остановился.

— Где взял мотоцикл? — Я сказал. Через 20 минут пришел старшина и приказал сдать бронемашину башенному стрелку Дыненко, моему воспитаннику, а я побрел на передовую в пехоту в разведроту как штрафник. А тормоз я не мог отыскать потому, что мотоцикл был немецкой марки, устройство мне незнакомое.

В разведроту нас измучили. В ее составе были командир роты, политрук, старшина, сержант, я и два солдата, остальные погибли. Ночью мы ходили в разведку под командой старшины, «высший комсостав» спал. Утром пару часов нас донимали политинформацией, затем гнали на завтрак (пара км). Затем были какие-то занятия, только прикорнешь поспать — обед, а там — вечер и опять в разведку. Наконец, через неделю нашего старшего политрука куда-то забрали для воспитания боевого духа у бойцов или что-то в этом роде (я уже забыл), а еще через пару дней мы узнали: нашего бывшего воспитателя за бегство с поля боя трибунал приговорил к расстрелу! Еще через день нас, ввиду громадных потерь, сняли с фронта и от-

правили на переформировку. Наконец, после трех месяцев боев мы попали под горячий душ и получили чистое белье. И здесь была проявлена наша традиционная «забота о человеке»: раздевались мы в одном месте, метров триста голяком по снегу в мороз бежали к душу, а после душа — опять три сотни метров до чистого белья и последние триста — уже в белье — за обмундированием, и все это босиком.

После формирования комбат произвел смотр своих солдат. Подойдя ко мне, он увидел немецкую винтовку, которую я взял во время разведки, потому что она короче нашей и с ней удобней было ходить в разведку. «Что это за безобразие? Советское оружие не нравится? К 13.00 чтобы явился с советской винтовкой! Иначе передам в трибунал». Приказание — явно невыполнимое, т. к. мы находились прямо у линии фронта. Просил я отсрочить доставку оружия, но получил отказ. Пошел расстроенный к своему другу еще по Тбилиси Косте Македонскому, так же как и я, бывшему спортсмену-боксеру. На фронте он служил связистом и разъезжал на «эмке»¹ с радиоаппаратурой. Прислонился к машине и стою с унылым видом. Костя спросил, в чем дело, я рассказал. Ни слова не говоря, он поднял заднее сиденье и вытащил нашу родную, советскую трехлинейку. Ура! Я спасен — ведь трибунал давал только две меры наказания: штрафбат и расстрел!

А бедный Костик так домой и не вернулся, долго я еще ходил после возвращения в Тбилиси к его родным, справлялся о нем, но так мы и не дождались его. Я попал в пехотный батальон, по-моему, 100-й или 101-й дивизии, где-то в районе Смоленской области. Отделение, в котором я был командиром, назначили в караул, но меня скрутила язва желудка, и ребята пошли в караул без меня. Вдруг ночью раздался крик: «Подъем! Тревога!»

¹ Так называли легковой автомобиль ГАЗ-М1.

Я вскочил, смотрю: ребят нет. Взваливаю на себя имущество: пулемет ДП¹, ящик с пулеметными дисками, вещевой мешок с гранатами-лимонками и противотанковыми, мое вооружение, пристраиваюсь к батальону и иду, забыв о боли. Нагрузка чувствительная — пуда три. Пёрлись в темноте пешком до машин километров 8–10, а может быть, и больше. Вдруг, к моему величайшему удивлению, в этой безалаберщине и неорганизованности, да еще ночью, я натыкаюсь на грузовую машину с ребятами моего отделения! Уселись и поехали на восток. Пошел слух, что нас снимают с фронта и повезут в Иран. Но, проехав километров 50–60 (все цифры примерные), мы резко повернули на север и еще махнули какое-то количество верст. Начал сереть рассвет. Нас выгрузили, провели мимо какой-то станции, где стояла цистерна со спиртом, а красноармейцы простреливали ее, подставляли посуду кто какую мог, пили и тут же, опьянев, валились на землю.

Мы шли мимо, пока еще с нами были средние командиры. Завели нас в перелесок, два батальона — 5-й и 6-й, и скомандовали: «5-й батальон роет первую линию обороны, а 6-й — вторую».

После этого все наши средние командиры куда-то испарились. Не было никого, хоть лопни! Мы и не стали ничего рыть, так как не знали, откуда ждать противника, да и указание было настолько непонятное, что о рытье не могло быть и речи.

Да, вспомнил интересную подробность о боевом духе, царившем у нас в батальоне.

Я нес две противотанковые гранаты, а лимонки кому-то отдал. Подзываю двух рядовых из моего отделения и поручаю им нести гранаты. Это были приписники² лет за сорок, а они мне: «А що я буду робить?» Я говорю: «Вот эту штуку дерни и бросай под танк». «Да я не хочу». С трудом заставил взять гранаты. Не прошли и

¹ Ручной пулемет системы Дегтярева.

² Военнослужащие, призванные из запаса.

600–700 м, как они их выбросили. Разбираться на марше некогда было¹. Что я мог сделать? Я их видел в первый раз, как и они меня.

Пленение

Наши отделения были разбросаны в лесу. Посоветовались с младшими командирами, находившимися вблизи. Решили собрать всех. Нашли старшин и старших сержантов (замполитов с четырьмя звездочками не было — эти, как правило, чуть что — лезли в щели). Устроили «военный совет». Решили: примерно десять отрядов послать в разные стороны на разведку. Сидим ждем результатов. Тишина в нашем лесу. Временами с разных сторон слышны редкие выстрелы. Над нами летят боевые эскадрильи немцев на восток и обратно, на запад. Наконец, начали возвращаться наши разведчики и докладывают: «Видели немцев — идут сплошным потоком по дорогам и на машинах, и пешком, на телегах, велосипедах, лошадях...» Разведку мы послали по радиусам в разные стороны. Тогда решили идти и прорываться в том направлении, откуда нас привезли, — это примерно на юг.

Я иду к своему отделению и командую: «Взять вещи, за мной — марш!» Но мои «бравые Швейки» вместо исполнения моей команды преспокойно берут винтовки на изготовку, направляют на меня и заявляют: «Ты иди куда хошь, а нас не тронь!» Вот я и пошел в одиночестве, думаю: пристрелят они меня или нет. Боялся пули в спину, но «добрые» солдаты пожалели меня.

¹ Сообщить «верховному» командованию, я имею в виду командира батальона или роты, означало подвести ребят под расстрел! А я не мог этого сделать, хотя рисковал за укрытие преступления подвергнуться той же участи, что и провинившиеся (Примеч. автора).

Прекрасная осенняя погода, даже птички поют. Только кое-где вдалеке слышны отдельные выстрелы. Тропинка постепенно спустилась к речушке: справа от меня край обрыва с густым кустарником, слева — речка и бревно через нее. Вдруг у меня потемнело в глазах, и я упал. Через мгновение открыл глаза и увидел немцев. Один быстренько сдирал с меня серебряный значок «Готов к труду и обороне» 2-й ступени, другой — мои несчастные треугольники, удостоверяющие принадлежность к комсоставу, третий шарил по карманам. На мою беду у меня были немецкие подсумки — когда ходил в разведку, снял с убитого немца.

Они были плоские, для разведки очень удобные. Наши — грубые и широкие, когда ползешь, цепляешься ими за землю. Немцы схватили подсумки и говорят: «А-а..., немецкий зольдат бум-бум...» Но обошлось. Я сказал: «Война! Немецкий — русский бум-бум, а русский — немецкий бум-бум». Мое красноречивое выступление убедило немцев, и меня оставили в живых. Оказывается, они сидели в кустах у края берега речки и ели. Услышали шум шагов и двинули меня чем-то по голове. А я был без каски, в пилотке. Затем меня вывели на дорогу, и я увидел, что наши разведчики действительно говорили правду: просто страшно было смотреть на этот мощный поток машин, орудий, танков, велосипедов, повозок и пеших немцев, стремящихся на восток. А тут еще вдали мы увидели (нас было человек пять в группе, к которой меня присоединили), как на наши бомбардировщики (пять-шесть штук) налетели «мессершмиты» и один за другим уничтожили. Тяжко было смотреть на гибель наших летчиков.

Еще подвели наших ребят, и стало нас больше. Вдруг видим, в лесу вдоль дороги, буквально в трехстах метрах, а пожалуй, и ближе идут штук пять танков КВ¹. Ну, думаю, сейчас свернут на нас, и мы убежим. Раздались

¹ Тяжелые танки «Клим Ворошилов».

лающие команды, и мы увидели действия немцев наяву, а не в кино. Никакой паники, сейчас же развернули орудия, пулеметы, людей фронтом к танкам, пустили ракеты. Но танки прошли и скрылись в лесу, а с ними и наша надежда на освобождение. Только удивительно: почему они не напали на фашистскую колонну? Ведь КВ для этой группы войск были неуязвимы, и танки могли бы хорошо «поутюжить» немцев.

Нас погнали на запад. Кормежки никакой. Колонна становилась длинней и длинней. Солдаты подталкивали нас стволами автоматов. Кое-кто собирался с силами и брел дальше, а тех, кто уже не мог двигаться, солдаты пристреливали. Просто приставляли автомат к голове, нажимали крючок и шли дальше, даже не вздрогнув, не выразив ни негодования, ни злости. Ничего. В то же время, если крестьянки давали нам какую-то еду, немцы не протестовали. Ночевать нас загоняли по избам. В один из таких привалов хозяин избы оказался участником Первой мировой войны и был в плену. Долго его осаждали вопросами «как и что?», «в каких условиях вы жили в те времена?» Обрадовать он нас не обрадовал, рассказал много страшных вещей о голоде, обращении с пленными и смертях от голода и болезней. Ну, кто из нас пограмотней был, и не ожидал, конечно, ничего хорошего от плена, а впоследствии мы пережили еще худшее. Долго еще тянулась эта «пресс-конференция», и наконец, вопросы иссякли. Мужичок (а он в прямом смысле был мужичок — с бородкой, стрижкой «скобкой») внимательно посмотрел на нас. Сидели мы очень тесно и на лавках, и на полу, и на печи, я — где-то в середине; и вдруг он обвел нас взглядом, указал на меня и сказал: «Не знаю, ребята, как вы, а вот этот останется жив». Это предсказание меня буквально потрясло и запомнилось на всю жизнь; и каждый раз, как только я выкарабкивался из очередных объятий смерти, вспоминал этого старика.

На пятый или шестой день нас, голодных и смертельно уставших, загнали ночевать в очередную избу, и я, не-

смотря на всю свою выносливость, начал сдавать. Кое-как взобрался на горячую русскую печь и свалился в мертвом сне. Утром проснулся, чувствую: болят бока. Когда посмотрел, оказалось, что спал на поленьях, положенных для просушки! На всем теле у меня остались глубокие борозды. Чувствую, и с ногой что-то неладно. Закатил га-лифе, а у меня внизу голени вздулся громадный пузырь от ожога. Вот это был сон! До сих пор виден шрам. Мы так уставали, что шагая в строю, дремали, облокотившись друг на друга. И то, что раньше я читал в книгах о том, как люди спали на ходу, и считал выдумкой Серафимовича в «Железном потоке», оказалось правдой.

В этот вечер, после обычных 40–50 км, нас загнали во временный лагерь: два–три сарая, огороженные проволо-чным однорядным забором. В это время нас уже силь-но мучил голод. В сарае была необмолоченная рожь, и мы стали ее кое-как обмолачивать и есть.

Утром увидели нацизм во всей его первозданной «красоте». Нас выстроили в одну шеренгу. Впереди сто-яло какое-то немецкое начальство и русские полицаи. Вышел переводчик и закричал: «Жи-ды и комиссары, вый-ти из строя!» Нашлось несколько смельчаков, кото-рые подчинились команде. Их тут же избили резиновыми дубинками и заставили до изнеможения бегать вдоль за-бора кругом лагеря.

В это время в лагерь заехала немецкая полутор-ка, из нее вывалился толстенький кругленький штабс-фельдфебель, подошел к переводчику и что-то сказал. Переводчик заорал: «Автомеханики, два шага вперед!» Я подумал-подумал и решил выйти. Все-таки не даром два года прослужил в танковой части, да еще до армии год работал в гараже помощником механика. Народу вышло человек тридцать. Фельдфебель прошел по ряду и за-брал шесть человек, скорее всего тех, кто понравился, в их число попал и я.

Нас посадили в кузов машины и повезли. Приехали в какую-то деревню, подвели к избе. Из нее вышел немец.

Уж его-то национальность нельзя было спутать ни с какой другой. Выглядел он лет на 50. Высокий, представительный, с кайзеровскими усами, аристократического вида. Что-то с приятной улыбкой сказал переводчику. Тот перевел: «Господин главный врач госпиталя сказал: "Вы будете работать у нас в госпитале, и, если будете работать хорошо, мы будем вас кормить"». Тут мы заулыбались, после недельной голодовки это было очень приятно слышать: вот, думаем, хороший человек. Однако быстро наступило сильное разочарование. После первого предложения прозвучало: «А если будете лентяйничать, мы вас расстреляем!» Кто их знает, какие у них будут требования?

Первое время я очень переживал неволю, злился на себя за то, что так, в общем, глупо попал в плен. Конечно, свое самочувствие я скрывал, чтобы избежать неприятностей. Принял решение — не учить «сволочной» немецкий язык! Будто немцы, узнай они о моем решении, очень бы расстроились, им было бы обидно, и, пожалуй, это бы отразилось на их боеспособности! Жаль, что и не посвятил их в свои планы. Так и ходил я «букой». Двух ребят взяли на кухню, а остальных — кто куда пошлет; камеру залатать, мелкий ремонт автомашины произвести и т. д.

Был у нас парень из Москвы по имени Сергей, довольно хорошо владевший немецким языком, и я, видя отношение немцев к нему, постепенно стал убеждаться в своей ошибке — ему знание языка помогало. А тут иду как-то по деревне мимо разгромленной школы и вижу, валяется раскрытый учебник немецкого языка: на одном листе портрет Карла Маркса, а под ним подпись. Я заинтересовался: что там? Оглянувшись, не смотря ли немцы, быстро схватил книгу, спрятался в укромном месте, кое-как перевел, что-то вроде «знание о языке врага это лишнее оружие против врага». И с этого дня, обогатившись знанием марксизма, я стал изучать ненавистный до сих пор язык. Память была у меня великолепная, скоро я обогнал Серегу и стал вести беседы самостоятельно. Думаю, кроме памяти немалую роль в овладении языком

сыграло мое нахальство. Я, беззастенчиво и безбоянно перевирая слова, пытался разговаривать с немцами. Они подшучивали, слушая мой ужасный немецкий, но добросовестно исправляли ошибки, и так постепенно я улучшал свои знания.

Конечно, попасть на работу в немецкий госпиталь в те тяжелейшие времена, когда тысячи умирали от голода, было огромным счастьем для нас. Ведь в лагерях были ужасные условия, тем более что они еще не были оборудованы, пленные спали в бараках без отопления при 40 градусах мороза и плюс жуткий голод. Хотя не надо думать, что в оборудованных лагерях было хорошо, но, по крайней мере, хоть на голову не капало. Но самое главное, в чем нам повезло, — наши немцы были медики и, я думаю, поэтому обращались с нами гораздо мягче, чем охрана лагерей.

Вместе с госпиталем мы ехали на восток. Ехали в автобусах, мерзли здорово, но на ночевку устраивались в избах. Однажды встретила гигантская колонна пленных, затрудняюсь сказать точно длину, но мне казалось — не менее 10–12 км. Это было ужасное зрелище: голодные, в одних шинелях, а морозы были сильные, брели они на запад. Если встречалась убитая лошадь, на нее накидывалась голодная толпа, и не успеет конвой подбежать, как лошадь разорвут на части. Несколько часов шла колонна мимо нас. Упавших пристреливали. Не доезжая Сычевки, мимо нас промчался товарный поезд, составленный из открытых платформ. На них стояли наши военнопленные вплотную, плечом к плечу, и это при морозе 20–30 градусов! К концу пути приезжали промерзшие трупы.

На исходе дня мы прибыли в Сычевку, место расположения госпиталя. В Сычевке немцы заняли центральный квартал города с лучшими домами. Нам отвели большую комнату с печкой. Для госпиталя, штаба и других своих служб, конечно, заняли лучшие помещения. Работы у нас было мало. Нас это обстоятельство не очень волновало,

хотя и привело впоследствии к неприятному окончанию, а нашу четверку за ненадобностью сдали в лагерь, двоих оставили на кухне. Все же примерно около двух месяцев, самый тяжелый период, мы провели в тепле и не умирали от голода. Вначале мы здорово мерзли, но через пару дней я нашел выход.

Поблизости был дровяной склад, куда ежедневно немцы подвозили дрова, а выгружать их приводили десятка три пленных из лагеря. Обычно я, насколько было у меня возможности, старался выглядеть опрятно, а в это время отстегивал хлястик шинели, распускал свой буденовский шлем и присоединялся к работающим. Только они носили дрова налево на склад, а я — направо, поближе к своей «квартире». В результате такой плодотворной деятельности у меня скопился целый подпольный дровяной склад.

Встретился я с штабс-фельдфебелем, привезшим нас из лагеря, вот уж в ком совершенно не было ничего фашистского! Добрейший, культурный и вежливый мужчина, очень похожий на мистера Пиквика¹. Мы подружились с ним. Объединяла нас и общая болезнь — язва желудка. Я стал таскать ему дрова. В благодарность он угощал меня куриным бульоном. Так на почве общего заболевания и замерзания завязалась дружба. В его квартире была русская печь, постепенно я ее завалил дровами до потолка. Пришел к нему унтер-офицер, как увидел он деревянную эту роскошь, буквально остолбенел и стал просить меня снабдить и его топливом. Потом появились еще клиенты. Все они одаривали меня различными подарками, и я угощал своих ребят.

К сожалению, эта сравнительно сытая жизнь скоро прекратилась — нашу четверку бездельников сдали в Сычевский лагерь, а оттуда забрали в команду по очистке дорог от снега.

¹ Персонаж романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837). Благодушный толстяк, чудака, бескорыстный и наивный борец за справедливость.

Вот здесь мы хлебнули горя сполна. Недели две хлеба не давали, варили из картофельных очисток (не мытых) какую-то страшную баланду, и по черпаку один раз в день давали, затем стали выдавать, можно сказать, «символический» паек — одну булку весом в 2 кг на сорок изголодавшихся человек! То есть 50 грамм на душу. Хлеб заключал в себе опилки древесные, желудевую, костяную, каштановую муку и другие примеси, а для связи всего этого мусора добавляли немного муки. Хотя паек был крохотного размера, но все равно есть всю пайку сразу я не мог. У меня была язва желудка, и если я съедал сразу, то появлялась рвота, и поэтому я уничтожал свой паек, отправляя в рот маленькие крошки. Да и крошки не всегда доставались. Обычно мы расходились по группам в 5–6 человек и разыгрывали хлеб в карты — в «очко». Правда, не у всех хватало силы воли перебороть муки голода и вытерпеть до конца игры пытку, и поэтому не все принимали участие в этих живодерских играх, предпочитая проглотить «спокойно» свои 50 грамм. Все это мы могли выдержать, во-первых, по молодости, а во-вторых, потому что внутренние запасы организма еще не были израсходованы.

На работу нас водили группами по двадцать человек — по два конвоира на группу. Выводили примерно после 9 часов, когда совсем рассветало, а кончали работу после, наверное, 16 часов. Вернее, мы работали до 15 часов, а возвращались в деревню до наступления темноты. Наши конвоиры были замечательные немецкие ребята и обращались с нами не как враги, а как друзья. Мы почти ничего не делали: так, ковырялись в снегу помалу, создавая видимость работы. Вначале, правда, дичились друг друга, а через пару дней начали налаживаться товарищеские отношения.

Один из них по наружности был похож на чистокровного, стопроцентного грузина. Я все время говорил ему: «Ты грузин».

Он, конечно, смеялся, а я ему: «Слушай, почему споришь? Ведь я тебя много раз встречал на Земмеле (это у

нас в Тбилиси так назывался кусок проспекта Руставели), ты там стоял с ребятами».

В самом начале нашего общения наши сторожа о чем-то пошептались, а потом «грузин» меня спрашивает: «Какой у вас национальный гимн?» Я этих ребят еще не знал и поэтому подумал, что тут таится какая-то провокация, и начал строить из себя дурачка: да я не знаю, да я не помню. Конечно, они мне не поверили и продолжали приставать, и, наконец, сами сказали: «Интернационал». И вдруг последовало совсем фантастическое предложение, чтобы мы исполнили наш гимн! Ребята спросили меня: что хотят солдаты? Когда я им объяснил, какое нам предъявляют требование, у всех вытянулись лица, все почувствовали провокацию. Я сказал, что гимн мы не знаем и вообще петь не умеем. «Тогда мы отсюда не уйдем, пока не споете! Мы одеты тепло, и сможем стоять долго». Минут пятнадцать мы простояли и стали замерзать. Работали мы хоть, как говорится, не бей лежачего, но все же шевелились и нам было теплей; а без движения стало совсем холодно.

«Грузин» спрашивает:

— Долго будете молчать?

— Мы не знаем слов! — отвечаю.

— Не выдумывайте! Кто поверит, что солдат не знает своего государственного гимна?

Я говорю:

— Ребята! Черт с ними, что будет, то будет! Споем!

Уж как мы вели этот несчастный разговор, представить очень трудно, но вели.

И мы запели. Что это было за исполнение и с каким настроением пелось, легко представить — кто в лес, кто по дрова! Наверное, компания пропойц исполнила бы лучше. Поем и ждем — сейчас начнут стрелять! Пропели два куплета и замолчали.

— Гут, — сказал «грузин».

И мы пошли в деревню. После этого «концерта» художественной самодеятельности Н-ской пленной команды наши отношения стали полностью товарищескими. И ко-

нечно, это отношение как-то смягчало и наши моральные переживания, и голод, и холод.

Как-то смотрю, винтовка у партнера «грузина» грязная и ржавая:

— Эх, вот вы говорите, что ваша армия самая дисциплинированная, а винтовка на что похожа? Да у нас в Красной армии за такую грязь кучу нарядов можно было бы получить!

— А ты что думаешь, немецкий солдат — дурак? Нет! На случай проверки у меня в избе есть другая винтовка в полном порядке, чистая и смазанная! А это — черновая, на каждый день, чтобы таскать в наряд.

Зашел у нас разговор, вернее, полусерьезный, шуточный спор: чей солдат лучше — немецкий или советский? Мы себя расхваливаем, они — себя (и, кстати, не укоряли нас за то, что мы попали в плен). Говорили о знании техники, оружия, строевой подготовки. Дошла очередь до стрельбы, тут уж я не выдержал: в полку я был лучший стрелок из нагана, винтовки, пулемета и пушки 45 мм. Мы выполняли стрелковые задачи из винтовки, ручного пулемета, нагана. Стреляли из танка. Много было разных задач, и все я выполнял на сверхотлично. После каждой стрельбы в ленкомнате¹ вывешивалась «молния» — плакат с моей фамилией и результатом, печатали информацию и в дивизионной газете. Правда, однажды я не выполнил упражнение, но это я сделал умышленно. Незадолго до стрельбы был опубликован указ — младшим командирам служить 3 года. Я решил: буду стрелять плохо, меня выгонят из полковой школы, и я через 2 года вернусь домой! План был составлен гениальный, да не на тех я напал. Каких только хитрецов они не перевидали! И вот я сижу в танке, смотрю в оптический прицел (все тогда было крайне примитивно), прицеливаюсь в самый угол мишени — мне все же было интересно: попаду или нет? Конечно, не попал в мишень, зато после стрельбы попал прямо, безо всяких

¹ Ленинская комната.

субординационных проволочек, к комиссару полка. Получил хорошую взбучку:

— Ты что, нас дураками считаешь? Сколько стрельб выполнил на сверхотлично, а как указ вышел, сразу стрелять разучился? Не будешь стрелять отлично, отправим в дисциплинарный батальон к вам в Грузию, в Вазиани. А потом вернешься доканчивать службу.

Это меня не устраивало, и я опять начал стрелять отлично. Правда, потом еще раз согрешил! Был у нас курсант, кажется, Дарсавелидзе, точно не помню, парень был что надо — высокий, стройный; в город выйдем — ни одна девчонка не проходила, не оглянувшись. Да и по всем видам дела у него были неплохие, кроме стрельбы: еле на тройку вытягивал. Выполнили мы однажды очень трудную стрельбу буквально всем взводом на отлично. Об этом доложили командиру дивизии генерал-майору Кириченко¹. На другой день он приехал нас проверять. Вызвали меня, Дарсавелидзе и еще 2–3 курсантов. Первым поехал наш грузин, отстрелял, вылез из танка, строевым шагом подошел к генералу и лихо отрапортовал об окончании стрельбы. Из окопа сообщают: «10 попаданий». Генерал говорит: «10 суток отпуска! Впервые такой результат!»

А я вчера дал тринадцать пробоин! Ну, думаю, сегодня не меньше 15 должен дать!

Вернулся со стрельбы, доложил не хуже своего друга, а из окопа сообщают:

— Ноль попаданий!

Что говорить, расстроился ужасно. Ведь в те времена отпуск давали в редчайших случаях, а я упустил такую возможность. Правда, на этот раз никто из начальства даже простого замечания не сделал, и генералу сказали обо мне как о снайпере. Поняли, что я, говоря спортивным языком, «перегорел».

¹ Иван Федорович Кириченко (1902–1981) — командир 9-й танковой бригады 33-й армии, впоследствии генерал-лейтенант танковых войск и Герой Советского Союза (1945).

Спорили мы с немцами, спорили, пока я не предложил для разрешения спора провести матчевую встречу. Они отказались вначале, а потом «грузин» посмотрел — деревня далеко — и решился. Хотя ему могло сильно нагореть, а возможно, и нет. У них другие понятия о поведении. Кто-то из ребят побежал, метрах в 40 воткнул лопату вверх штыком, и мы по разу выстрелили. Победила команда СССР. Болельщики, 100 %, т. е. все 19 (не считая меня), шумно меня поздравляли. Ну, а немцы не очень расстроились, посмеялись — и все.

Идем с работы, и вдруг я с ужасом обнаруживаю потерю ложки! Ведь это был предмет личного «вооружения» пленного. Кроме ложки туда входил котелок, нож (при обыске немцы ножи иногда отбирали, но вообще не строго следили, и редко можно было найти пленного без ножа). Все эти три предмета были самыми необходимыми. «Грузин» увидел мою озабоченность и спросил, в чем дело. Я объяснил. «Ерунда, — изрек он — сейчас в деревне зайдешь в любой дом и попросишь ложку». Я же не был так уверен. И когда я, зайдя в дом, изложил свою просьбу, причем подчеркнул, что мне можно дать старую ложку, отслужившую свой срок, в ответ баба захныкала:

— Да нет у нас лишней ложки!

Я долго ее упрашивал, но безрезультатно. Наконец, немцу, наверное, надоело ждать, и он вошел в дом:

— Ну, в чем тут задержка? Никак не можешь выбрать ложку получше?

Когда я объяснил ситуацию, он был поражен:

— Как? Ваши люди жалеют такой пустяк? Не хотят помочь своему солдату? — И он подошел к буфету (он был в ужасно жалком состоянии), выдвинул ящик, а там, по крайней мере, полсотни ложек! «Грузин» схватил одну и дал мне. Я уж не говорю о качестве этой ложки. И я, таким образом, стал причастным, наряду с оккупантами, к ограблению населения.

Забыл в реестр комплекта нашего «вооружения» внести вещмешок и сумку от противогаза, они служили

нам для хранения, а также для транспортировки пищевых продуктов, как то: брюквы, кормовой и обычной свеклы, картошки и всего другого, что удавалось украсть, т. е. экспроприировать. Долго еще возмущался и удивлялся немец жадности этой тетки. Просто невозможно было описать, как нам было стыдно за поведение нашей соотечественницы — так осрамила, можно сказать, весь народ за пустяк!

Первый побег

Выходим утром около 9 часов на работу, как обычно, чистить снег на дорогах. Небо чистое, голубое, солнце, кругом сосновый лес, под ногами скрипит серебристый снег, прямо зимний курорт, все прекрасно. Единственный недостаток — ужасно хочется есть! Но как только возле меня начинались разговоры о том, кто бы да что бы поел, я сейчас же уходил подальше от этих «гурманов». Но в тот день развернулись совершенно неожиданные события. Из домов выходили солдаты и усаживались в деревенские сани, собираясь продолжать путь на восток. Впереди этого обоза стояли легковые санки с хорошим рысаком в упряжке. Сани были нагружены с верхом. Все было тихо, ничто не предвещало бурю.

Вдруг... Что это? Раздалась ружейная трескотня, из леса засвистели пули, затарахтел часто-часто пулемет, кругом стали рваться мины. Часто нам приходилось читать, как в такой момент неуклюжие и трусливые фашисты в ужасе разбегались кто куда, и партизаны освобождали деревню. К сожалению, на этот раз все было по-другому. По крайней мере, то, что я успел увидеть. Офицер прокричал команду, солдаты мгновенно развернулись в цепь, пулеметы открыли огонь по лесу и завязался бой. Меня же заинтересовало другое. Всеобщее внимание было обращено на это событие, и я решил использовать удобный момент. Не торопясь, спокойно я

подошел к передним саням, дернул за вожжи, конь пошел, а я рядом, а сам смотрю назад: не смотрит ли кто в мою сторону. Потом я взобрался в сани и, ударив коня кнутом, поехал вон из деревни. Решил: если остановят, начнут кричать, скажу, что конь пошел сам, а я побежал остановить его. Конечно, вряд ли спасла бы меня эта выдумка, но лучшего не придумал. Итак, я был свободен! Что ждало меня впереди?

Я ехал по проселочной дороге в неизвестность. Хлестнул коня, и мы помчались. Мороз — градусов 25–30, но я был одет довольно тепло и не мерз. Немалую роль играла и закалка — много лет провел на воздухе, когда играл в водное поло, часами не вылезали мы тогда из воды, а в то время не было у нас крытых бассейнов, теплых раздевалок и горячего душа. И мылись мы холодной водой из-под крана после тренировки.

Как назло, ни вправо, ни влево не было дорог, и пришлось ехать только вперед. Если бы немцы организовали погоню, думаю, поймали бы меня без особой затраты энергии. Вот тогда бы я узнал, как говорят, почему фунт лиха! Пару раз я останавливался, прислушивался — были еще слышны выстрелы, а потом уже ничего не слышал. Вдруг за поворотом дороги вижу: деревня. Кто там? Немцы? Наши? Жуткое состояние. Ехать назад — нет никакого смысла, попаду прямо в лапы немцам, у которых увел сани, живого места не оставят за такую проделку! На голове у меня знаменитая буденовка, советская серая шинель, да еще немецкое тавро «SU», что означает «совет унион» — пожалуйста, дорогие немцы, вот он я, забирайте! Шишку, которая торчит у меня на макушке буденовки, я быстро затолкал в середину, получилось нечто подобное немецкой мюце (солдатской фуражки). Деревня пустынная. Радуюсь — проскочу! И вдруг вижу — навстречу мне идет солдат. Скорчился бедняга, на бровях иней, шинелишка тонкая — не греет. Наша русская шинель намного теплей и крепче была. Вряд ли он что-нибудь видел. Проехал я мимо благополучно, на

всякий случай все же сказал «хайль», и руку поднял с фашистским приветом; думаю, черт его знает, а вдруг покажется ему подозрительным, что не поприветствовал. Он мне ответил, и мы разминулись. Я ликовал: ура! Номер прошел! Тем более до околицы оставались какие-то метры. (Забыл упомянуть: на санях лежали две немецкие винтовки, заряженные, я проверял.)

Но рано я торжествовал, очень рано, предстояло еще одно испытание моей нервной системы. Слева от меня, метрах в 30–40 от дороги, стоял большой бревенчатый дом, возможно, это был сельсовет с довольно вместительной открытой терраской. Вдруг открывается дверь и из избы вываливается человек 10 солдат, еще тепленьких, курящих сигареты, о чем-то оживленно болтающих. Помня, что лучшая маскировка — это неподвижность, я не стал вертеться, погонять лошадь, даже голову не повернул, надеясь проскочить и это препятствие так же счастливо, как и первое. Но не помогла моя неподвижность, один из солдат стал внимательно присматриваться ко мне, толкнул соседа, потом другого, и вот уже вся компания уставилась на меня. Вижу, моя наивная маскировка не помогла, я обнаружен, сейчас они начнут принимать меры к задержанию. Решил, как только начнут какие-нибудь действия, ударю коня, лягу в сани и буду стрелять по немцам. Возможно, смогу уйти, если только у них нет транспорта.

После встречи с солдатом я слышал гул самолета, всего за 1–2 минуты до этого, и тут гул самолета усилился, добавился вой летящей бомбы, которая попала прямо в дом! Взрыв! На нас полетели обломки досок, земля, мой конь с испугу помчался, развив рекордную скорость, а я смотрел на звезды бомбардировщика и не верил своему счастью! Наверное, летчик возвращался с задания, осталась одна бомба, видит: выходят солдаты, решил израсходовать эту бомбу, промахнулся и — попал куда надо. И тут я в первый раз вспомнил предсказание старика.

Наконец, показалось ответвление дороги вправо, еле заметная колея. Сворачиваю. Пустынная дорога. Быстро

темнеет. Дорога еще глуше. Густые облака увеличивали темноту. Смутно вижу избы. Кое-где стояли немецкие фуры, но они были завалены снегом и вид имели заброшенный. Подъехал к избе. Темно в окнах, постучал в дверь, на всякий случай держу наготове винтовку. Вышел мужик лет 35. Спрашиваю: «Кто ты?» — в ответ: «Я староста». Ну, вот думаю, и напоролся! Я растерялся и, не найдя ничего лучшего, грозным голосом в стиле политработника задаю вопрос: «Но ты остался советским человеком, не продашь меня?» — «Нет, не продам!» А что он мог еще сказать, видя в моих руках винтовку? Если бы захотел меня выдать, то мог вполне это сделать в продолжение тех трех недель, которые я у них прожил. «Я бежал из плена, и меня нужно спрятать!»

Не теряя времени, мы отвели коня в дальний заброшенный сарай, сани разгрузили и спрятали на хозяйственном дворе. Никто из хуторян ничего не видел. Мужик меня поселил у своих родственников. Это был хутор Барки.

Когда мы разобрали мои трофеи, оказалось, что они очень даже неплохие: пар 15 крепких солдатских ботинок, несколько новых гражданских костюмов, табак, сигареты и еще всякое имущество, видно, отнятое у населения.

Кроме барахла были карты, такие подробные, что нам, советским разведчикам, и не мечталось! Мы ходили в разведку вообще без карт. Все равно, что на вечеринке в жмурки играть. Еще были разные документы. Ну, думаю, не дай бог, если меня поймают — изрежут на мелкие кусочки! Все, что могло интересовать хуторян, я роздал по дворам. Старикам раздарил табачок, только слабоват он оказался для любителей самосада.

Однажды пришла советская разведка, и я начал готовиться уходить с ними: командир сказал «собирайся», но подбежал к нему солдат, что-то сказал, и они спешно ушли. Командир крикнул что-то вроде: «Мы придем, жди», но больше я их не видел. Они были на лыжах, а у меня их не было.

Прожил я в Барках недели три. Прибежали как-то из соседней деревни мальчишки и докладывают: «Иди по дороге на северо-восток, там наши войска». За это время я приоделся. Девчонки связали мне шикарный шарф, две пары красивых варежек. Подарили мне шапку, валенки, теплый пиджак, короче, одели в гражданское с ног до головы, только военную гимнастерку я оставил, которая, как оказалось впоследствии, чуть не принесла мне смерть.

Рано утром, сопровождаемый наилучшими пожеланиями успешно добраться до своих, полный надежд на счастливое окончание предприятия, вышел я из хутора и направился на северо-восток. Торжественная тишина... Лес молчит. Воздух не шелохнется. Деревья покрыты снегом, стоят, не шевелясь, как женщины в белых платках на молитве в церкви, лишь скрипит под ногами снег да чуть слышно собственное дыхание. Мороз наверняка за 40 градусов, но мне тепло, иду, погруженный в какие-то мечты, планы... и вдруг все рухнуло: треснула тишина, исчезли мечты, все смешалось, послышались выстрелы — один, второй, третий; после царившей тишины эти грозные звуки своей внезапностью произвели впечатление разорвавшейся бомбы. От неожиданности я и мер никаких не принял (скажем, упасть или искать укрытие). И опять тишина... но через 2–3 минуты снова раздались выстрелы, но теперь я догадался, почему не свистят пули: это от мороза лопались деревья, а мне, южанину, только читать приходилось о таких чудесах. Марширую дальше. Началась большая просека, и перед моими глазами открылась страшная картина: в самых разных позах лежат сотни убитых, скованные морозом трупы наших солдат и немцев. С ужасом прошел я это место побоища. С горечью я задумался о загубленных молодых жизнях, так безжалостно брошенных в бой друг против друга, о семьях их и о матерях тех, которые валялись в лесу не нужные никому. Видно, очень тяжелый был бой.

Любят многие сейчас спрашивать: «А ты убивал немцев?» Меня буквально корежит от этих вопросов. В мир-

ное время я, курсант полковой школы, все стрелковые задачи выполнял только отлично и, конечно, на фронте те несколько боевых задач, которые я получил, также выполнил отлично. Нам немцы не сообщали о своих потерях, но, думаю, они наверняка были, и все равно, хотя там были злейшие наши враги, теперь хвастаться удачными убийствами не могу. Кровожадности у меня нет. Нападет кто на меня, как смогу, буду защищаться, а сам не полезу.

Около тридцати минут прошло, как я миновал то жуткое место, подхожу к речке, через нее мост, ближе подошел — и вдруг из-под моста появились странные фигуры: я сразу и не разобрал, кто это был. На голове одеяло, как у деревенской старухи шаль, на ногах завязано по одеялу (одеяла солдатские). «Хальт» («стой»), — раздался окрик, я, конечно, возражать не стал, остановился — о настроении говорить не буду, понятно и так, какое оно у меня быть могло. Но откуда принесло их сюда и какая дьявольская сила? Подвели добычу к командиру разведки — приятному на вид фельдфебелю:

— Кто такой? Откуда идешь?

— Я иду из Нелидова в Мостовую к маме. Работал на станции, восстанавливали здание, а вчера сказали, завтра можешь идти домой.

— Почему не дали аусвайс?¹

— Я не знал, что надо, встал рано утром и пошел.

— А почему в армии не служишь?

— Мне только 17 лет исполнилось. (На вид мне вполне можно было дать 17 лет, хотя было уже 24 года. В 1945 году, когда я вернулся в Тбилиси, работал в школе преподавателем физкультуры; после первого урока зашел в учительскую и скромно присел у стола, ко мне подбежала преподавательница грузинского языка Сванидзе и с негодованием спросила:

— А вы что делаете здесь? — Я, конечно, сразу понял, в чем дело, но ответил просто:

¹ Удостоверение (нем.).

— Отдыхаю.

— Вам надо отдыхать в коридоре!

— Извините! До войны преподавателям физкультуры можно было отдыхать в учительской, если теперь нельзя — я выйду!

Бедная Сванидзе ужасно растерялась и долго потом извинялась: «Я думала — новый ученик». Эта короткая справка показывает, как я выглядел, а ведь в 1945 году мне было уже 28 лет!)

Фельдфебель посмотрел на меня более внимательно и промолчал, видно, поверил. Я держался как настоящий перепуганный деревенский парень. Между тем солдаты отняли у меня варежки и хотели продолжить грабеж, но я что-то проронил о вшах, и они прекратили.

Фельдфебель, судя по выражению его лица, намеревался отпустить меня, но вдруг оно переменялось на свирепое. Он подскочил ко мне, вцепился в пуговицу на моей военной гимнастерке, каким-то образом высунувшуюся между складками шарфа, а на ней — звезда!

— А! Партизан! Ду бист ферфлухте бандит! (Ты проклятый партизан!)

— Их бин кайн партизан! Найн! (Я не партизан! Нет!)

— Аба вас ист дас? — и он вытащил пуговицу, чуть не оторвав с корнем.

— Я поменял у пленного за хлеб эту гимнастерку!

Но озлобленный фельдфебель уже ничего не хотел слушать и скомандовал солдатам:

— Эршисен ин!

Я понял: он приказал расстрелять меня! Все у меня оборвалось внутри. Надежды на спасение не было совершенно, все стало безразлично, наступила апатия, я только, казалось, дышал, а чувствовал себя уже на том свете.

Солдаты свели меня в кювет, повернули предохранители на винтовках и начали поднимать их. Вот я уже вижу два черных отверстия, откуда покажется сейчас огонь, последнее, что я увижу перед смертью. Что делать? Упасть на колени? Умолять сохранить жизнь? Это все напрасно,

только зря позорить себя. Я стоял, стоял прямо, и только сказал: «Не стреляйте, я не партизан». Спасло меня то, что это были солдаты вермахта, а не СС, и я видел по их лицам и по их медлительности, что им жалко убивать молодого парня. Да, это абсолютно точно!

Вдруг, в самое последнее мгновение фельдфебель крикнул: «Хальт!» — мои палачи с явным облегчением, рывком опустили оружие к ноге, а я подумал: «Четкость как на строевой подготовке». Фельдфебель решил отвести меня в штаб.

Немцы взвалили мне на плечо пулемет, и пришлось переть его до деревни, где стояла их часть. Вся деревня была окружена окопами, лес вырублен кругом деревни полосой шириной метров 300. Стоят посты. Блиндажи. ДЗОТЫ. Ведут меня прямо в избу, а там полковник со своим штабом. Доложил фельдфебель обо мне. А я в это время осмотрелся. На столе лежит большая карта местности, не карта — а мечта разведчика! И это у наших врагов, а мы на своей земле не имели ничего вообще. Я только взгляд бросил на нее, сразу увидел, где я шел, такая понятная карта, каждая мелочь обозначена и названия напечатаны по-русски и по-немецки.

Полковник говорит переводчику: «Скажи ему: мы находимся здесь, — и пальцем ткнул в карту, — вот в этом месте, а он шел отсюда, со стороны русских, там у них артиллерия. Пусть расскажет, что видел: сколько пушек, калибр, сколько солдат?» Штаб стоит по команде «смирно», не шелохнется. Пока полковник говорил, меня буквально бросило в жар, ведь вовсе я не шел со стороны наших войск, но не мог же я объяснить ему, что бежал из плена и считал, что иду к своим и, конечно, никакой артиллерии не видел. Что говорить? Врать? Но ведь врать надо умело, надо хорошо знать тему, на которую занялся сочинительством! Опытный вояка в несколько секунд разоблачит мое вранье. Просто сказать, что там никаких русских нет, нельзя — ведь он совершенно уверен в своей правоте. Все эти соображения

крутились у меня в моей несчастной голове с колоссальной скоростью.

Помогло еще то, что я неплохо понимал по-немецки. И пока полковник говорил, а переводчик переводил: «Господин полковник сказал, мы находимся в этом месте...» — и ткнул туда пальцем, у меня созрел гениальный сценарий выхода из опасного положения: я склонился над картой и расхохотался самым настоящим, натуральным дурацким безудержным смехом! Надо было видеть, как остолбенел при этом весь штаб во главе с полковником!

— Что он смеется? — заорал взбешенный, испуганный полковник, потерявший весь свой лоск — лицо его налилось кровью. Переводчик перевел вопрос.

— Ну, как же, — продолжая смеяться, отвечал я, — может говорить полковник такую вещь: мы такие большие и нас так много, можем помещаться в таком маленьком месте?

Здесь переводчик не выдержал и сам усмехнулся, но полковник так гаркнул на него, что бедняга с перепугу вытянулся как струна и дрожащим голосом перевел мои слова. Тогда полковник глубоко вздохнул, раздраженно хмыкнул, презрительно посмотрел на меня, и, конечно, непоколебимо убежденный в превосходстве арийской расы над всеми другими, приказал усталым голосом:

— Уведите его, это самый настоящий идиот!

А мне больше ничего и не требовалось. Думаю, что мне удалось провести эту сценку не хуже профессионального актера, но только с той разницей, что актер зарабатывал аплодисменты, а я спасал свою жизнь. И я снова вспомнил своего предсказателя. А недавно я прочел слова Горация: «Хорошо в свое время разыграть дурака». Оказывается, я поступил правильно! И это меня обрадовало!

Меня увели в другую избу, и тут уж раздели совершенно: не помогли намеки на вшей — холод оказался страшнее, и по мародерским обычаям с меня содрали все теплое, особенно жалко было валенки. Правда, не

знаю, совесть, наверное, заговорила, дали взамен новые солдатские ботинки, да беда в том, что они были на два размера меньше, и на босу ногу напялил я их еле-еле.

Другой переводчик повел меня на «свежий воздух» и приказал возить воду в баню для офицеров. Колодец был от бани метрах в 70. На маленьких санках стоял двухведерный бочонок, а мороз — градусов 25. Веревка в колодце замерзла, и, когда я начинал крутить рукоятку ворота, она наматывалась метровыми кусками. Ведро тоже обмерзло, соответственно и вес всего «агрегата» увеличился. Когда я с большим трудом вытягивал ведро, чтобы вылить воду в бочку, а так как для этого надо было, удерживая рукоятку одной рукой, одновременно другой дотянуться до ведра, то длины рук еле хватало, и я много раз ронял ведро в колодец, и все повторялось сначала. Наконец, после нескольких попыток бочка наполнена! Мчусь бегом к бане, руки, а особенно ноги отмерзают, а до бани далеко. Огонь под котлом горит, мой страж сидит в тепле и покуривает сигарету. Чувствую, ноги и руки отваливаются, присаживаюсь к огоньку, снимаю ботинки и сую ноги поближе к огню, но солдат гонит меня, пытаюсь заговорить ему зубы — ничего не выходит; все же пока выливал воду (конечно, старался делать это как можно медленней), пока он гнал меня от огня я успевал чуть согреться.

— Пошел вон, сволочь, вода неси! — И опять рысью мчусь к колодцу на очередную пытку. Так я набрал почти полный котел. Не знаю, то ли сжалился надо мной немец, то ли ему надоело сидеть одному, но он сказал:

— Хватит, сволочь! — Я, правда, не был согласен с ним по поводу характеристики и в другой обстановке постарался бы ему это доказать, но пришлось вытерпеть очередное оскорбление — главное было избавиться от бани.

Я стал просить у солдата разрешения забежать в какую-нибудь избу и поменять ботинки на лапти или валенки, но он не соглашался, все же я его уговорил, и он отпустил меня на пять минут. Я побежал в ближайшую избу,

и на мое счастье там оказалась одна выжившая из ума старуха; искать другое место уже было некогда. Я стал умолять ее дать мне любые старые лапти, а она никак не могла сообразить, что мне нужно, ведь новые ботинки в десять раз лучше старых лаптей, и предлагала мне пару картошек, твердила одно и то же: «Да у нас нет, да где я возьму?» Наконец, убедившись, что ни две, ни даже пуд картошки меня не соблазнят, старуха достала пару старых веревочных лаптей и отдала мне. Ушло еще несколько минут на выклянчивание портянок (вместо портянок я получил два куска от старого мешка размером в детский носовой платок). А в голове крутилось: сейчас немец прибежит, торговля полетит к чертям, и я погибну. По указаниям раздобывшейся после выгодной сделки бабушки я подложил в лапти соломы и, кое-как завернув ноги в подобие портянок, стал увязывать их веревками. Это оказалось делом непростым: веревки были длинные да надо было еще знать порядок их заматывания. Наконец я закончил обувание, на радостях поблагодарил старуху — ну, что, в конце концов, можно было от нее требовать, посмотрелся я в РСФСР на то, как жили «зажиточные» колхозники. Как на крыльях, обрадованный, выскочил я на улицу и почувствовал себя в раю: во-первых, тепло, во-вторых, легко и, возможно, на время спасен. Если б не лапти — обморожение, а затем гангрена, и — конец.

Солдат отвел меня на железнодорожную станцию, воткнул в вагон, где уже сидели три таких же, как я, «туриста». Через 15–20 минут мы замерзли и начали исполнять какой-то дикий танец. Долго, с небольшими перерывами танцевали — а есть хочется по-волчьи! Вечером пришел солдат — в соседнем вагоне были две лошади и две коровы. Он пришел доить коров. Я упросил перевести нас к животным. Немец сжалился над нами и выполнил просьбу. На полу было немного соломы, мы прижались к животным: стало чуть теплее. Удалось немного поспать, но все же без танцев не обошлось, не один раз мы вскакивали и прыгали как папуасы. Утром один из

нас выдоил коров — всего литра полтора. По-братски разделили трапезу, только сделали по последнему глотку, откатилась дверь, и забрался в вагон «наш приятель» с котелком: тоже молочка захотелось, а оно — тю-тю, нету! Подергал одну корову, вторую — нет молока. Удивился: «Вчера было, а сегодня ни капли!» Кто-то ответил: коровы голодные и холодно, вот и кончилось молоко. На этом и порешили. В вагоне мы промучились около двух суток, а затем тронулись в путь, приехали в Ржев, где нас сдали в лагерь.

Ржевские приключения

Невеселые они были в основном. Например, висело в лагере объявление «Здесь повешены шесть русских пленных, евших человеческое мясо». От этого объявления было тяжело. Очень плохо было.

Вначале «хлеб» в кавычках, потому что он состоял из опилок, костяной муки, каштановой и желудевой муки, отрубей и процентов 15 муки. Точного рецепта я, конечно, не знаю. Так эту смесь под названием «хлеб» вначале давали через день по двухкилограммовой буханке на 7 человек. И начиналась торжественная церемония. Выбирался старший для процедуры развешивания. Для этого у него имелись весы — деревянная палочка, посередине веревка, а на концах вместо чашек привязаны колышки. Хлеб предварительно разрезался на семь частей, затем колышки втыкались в первые два куска, и начиналась нудная и тщательная возня по взвешиванию хлеба с точностью до доли грамма. Но это еще не все. Старший рассчитывал всех по номерам с первого по седьмой, один отворачивался, а старший, показывая на одну из паек, спрашивал: «Кому?» «Мне», — часто кричал вопрошаемый и мгновенно поворачивался, чтобы, не дай бог, не подсунули другую пайку! (Часто я вижу, как у нас выбрасывают хлеб

на помойку, в мусор, дети играют им в футбол, и думаю: «Посадить бы их на недельку на голодный паек, так они друг друга начали бы есть», — конечно, это печальная шутка, просто надо воспитывать народ. А то сегодня слышу по радио: где-то гибнет хлеб на полях, а в Новороссийск прибыл корабль с зерном, купленным за валюту, которую нам одолжили «вредные» капиталисты, а я на их месте ни цента не дал бы, а посоветовал бы, во-первых, пересмотреть состав правительства, а во-вторых, не уничтожать мыслящих людей, пока последние не разбежались по границам. С кем останемся?)

А теперь посмотрим на сцены после дележки. Один сидит и любуется на свою драгоценную пайку, никак не решится ее съесть; второй, наоборот, моментально ее слопывает, а потом жалеет, что поторопился; а вот этот гурман нарежает крохотными ломтиками свои 300 грамм и потихоньку их уничтожает. А что же вот этот? Страшно смотреть на то, как он с жадностью и одновременно жалостью смотрит на эту несчастную кроху своего дневного питания и, наконец, машет рукой и идет на пленный базар менять полпайки, а то и целую, на табак! Таких я не понимал!

Через некоторое время пайку стали давать ежедневно: в первый день — булку на 7 человек, а во второй — на 6. Когда мы жаловались, что мало хлеба, нам отвечали: «Гитлер тоже получает 300 грамм».

Вот съедаем мы эту смесь, почему-то называемую хлебом, и начинается самое неприятное: в кишках все склеивается в комок, и чувство появляется такое, как будто по кишечнику гуляет булыжник. А, извините за такие некрасивые подробности, ввиду малого количества пищи в туалет мы ходили один-два раза в неделю. Вся масса спрессовывается, и мы сидим, мучаемся, приходилось пальцами кал выковыривать и так постепенно освобождаться. Не эстетично, к сожалению, но это правда жизни, от нее не уйдешь. А уж если схватил дизентерию, считай, что ты почти на том свете. Спали в льняных сараях,

сбитых из горбылей, где для сушки льна на полметра от пола была сделана сплошная щель. Можно представить, как там спалось в зиму 41 / 42 года, когда мороз доходил до 40, а иногда и более градусов. Но ведь все же спали! Работать нас гоняли в основном на аэродром, убирать снег. Зима 41 / 42 года была очень суровая. Нам, одетым очень легко, приходилось несладко. С работы приходили поздно, аэродром был далеко, и в это время нары были уже заняты. Спать приходилось на голой земле, зато вентиляцией мы были обеспечены отлично, жаль, несвоевременно. Я этих случаях стал устраиваться на верхней полке, в ногах счастливых, пришедших раньше меня. Выбирал место, где стоял столбик, ложился поперек ребят, чтобы столб был посередине моего тела. Нары были короткие, и я вынужден был ложиться прямо на ноги спавших. Меня некоторое время пытались столкнуть ногами, но я, поддерживаемый столбом, был упрямее, в конце концов мои оппоненты признавали дальнейшую «дискуссию» бесполезной, и мы засыпали. Очень помогал столбик, как меня ни пинали ногами, сбросить меня не было возможности, мешал столбик. Таким способом оккупации «жизненного пространства» приходилось пользоваться часто.

Часто приходилось видеть, как два полицая волокут за ноги прямо по земле мертвого пленного в барак № 10 — мертвецкую, как мы его называли. И вдруг «мертвец» начинал говорить: «Куда вы меня? Я еще живой!» А полицайи добродушно отвечали: «Ничего, все равно сдохнешь!» Весь секрет в том, что у доходяги или обувь была хорошая, или шинель, или и то и другое, что можно было выменять на самогон.

Баланду нам варили очень соленую, и однажды три дня не привозили воды. Ребята не выдерживали, растапливали снег и пили. Я терпел. Уж очень грязен он был, какого-то желтого цвета. На третьи сутки я начал во сне бредить; горло, рот пересохли. Язык стал жесткий, как рашпиль, чувство такое, как будто не язык, а булыжник

во рту. А в бреду представлялось: иду в горах Кавказа по тропинке, а рядом в скалистом ложе быстро течет, звеня как серебряный колокольчик прозрачный, хрустально чистый ручей, кругом зелень и яркие цветы... А вот и небольшой водопад... удобно напиться. Я склоняюсь, умываюсь холодной водой, подставляю горсти и пью... пью... пью, и хочется бесконечно продлить наслаждение! Вдруг я открываю глаза и вижу при тусклом свете мазутного светильника мрачный барак, слышу стоны страдальцев, а во рту пересохло, и после фантастического бреда в сто раз труднее переносить кошмарную действительность и жажду.

А немцы привозили на 30 000 пленных один бочонок воды, и все бросались к нему, толкая и сбивая друг друга с ног, топча упавших. А когда пробивались к бочке, то воду все равно не давали донести до рта: вырвут котелок, разольют, а полицаи тоже не будут стоять без дела: палками изобьют, наводя порядок. Доходило дело и до стрельбы.

Утром, собравшись не с силами, а с духом, я с большим трудом встал в колонну идущих на работу в госпиталь. Зверь в образе полиция несколько раз вышвыривал: «Куда лезешь, сволочь, все равно сдохнешь»; это «сдохнешь» у полицаев с языка не сходило. Все же я прорвался на работу. Как только привели в госпиталь, стал искать кухню, подбежал к повару (кухня походная), протягиваю повару свой котелок и прошу налить чаю. Парень попался неплохой, налил полный (чай даже для солдат готовили из жареной морковки), но мне, конечно, в такой трагический момент было не до вкусовых ощущений. Залпом выпил я два литра чаю и прошу еще. Удивленный повар не отказал — налил еще. Я опустошил и второй до дна, правда, гораздо медленней. После, буквально через одну-две минуты, стал чувствовать, как будто я пропиты-ваюсь внутри жидкостью. Никогда я не испытывал такого состояния. От души поблагодарил повара и объяснил ему причину этой необычной жажды.

Пригнали нас на товарную станцию, там мы разгружали различные канцелярские товары и переносили их в склад. Оберштабсфельдфебель, начальник склада, обратился ко мне: «Эй ты, ком здесь, сюда», — заранее сморщившись от предстоящего разговора со мной без переводчика. Но когда я довольно бойко ответил, его настроение явно улучшилось, он спросил меня, где я научился немецкому языку. Нас ведь считали чуть ли не полностью дикарями.

На этот ставший для меня традиционным вопрос я придумал шуточный ответ: «В университете!» Обычно, все с удивлением спрашивали: «В каком университете?» — «В пленном лагере». Это вызывало улыбку, и ко мне после этого лучше относились. Оказалось, у завскладом был помощник, который хорошо говорил по-немецки, но заболел, и его отправили в лагерь. У них при складе работала постоянная команда из 16 человек под охраной двух полицаев: одного звали Федор (с ним я очень хотел встретиться после войны, к сожалению, не удалось), имени второго не помню — он не был таким «активистом и общественником», как Федор, но будь они оба прокляты во веки веков! Поговорив со мной, обер решил оставить меня при складе. Он оказался человеком исключительно культурным, с нами обращался как с равными.

Я помогал укладывать на полки бланки, ведомости, записные книжки, блокноты, ручки, карандаши, бумагу и прочие канцелярские принадлежности. Благодаря хорошей памяти я очень быстро запомнил немецкие названия и порядок укладки на полках. Заведующему моя работа нравилась, и он понемногу помогал мне с питанием, что при моей язве имело громадное значение. Всей команде немцы помогали тоже: ежедневно грамм по 10 мармеладу и маргарина и немного крупы давали, а самое главное, возле дома всегда лежала замороженная лошадь (погибла ли она в бою или скончалась от болезни, мы не знали, сведений от санинспекции не поступало), и любой желающий мяса рубил себе, сколько хотел. Итак, мне снова повезло, я попал в «санаторий».

Иногда мой зав убежал по делам, а я оставался. Подойдут, бывало, два холеных арийца, с презрением посмотрят на меня, не устаивая разговором пещерного человека, бросят на прилавок накладную с длинным списком товаров и в ожидании зава, не обращая на меня внимания, займутся разговором. А я по накладной подбираю товар и складываю на прилавок, а когда все выложу, очень вежливо, на их родном языке предлагаю принять, что им положено, и расписаться. И для меня не было большего удовольствия, чем видеть их изумленные лица, когда, придирчиво пересчитав, они убеждались в моей точности. Отчасти их можно было понять, уж очень я выглядел непрезентабельно в своих лохмотьях. Я был одет черт-те как, страшно было посмотреть: на ногах лапти из веревок, на плечах весь в дырках бараний полушубок, на голове — не помню что, но, во всяком случае, не каракулевая папаха. Все одеяние — середины X века, не позже. А, извиняюсь, вши ползали стадами, так что шерсть полушубка шевелилась.

Будь я в лагере, можно было бы что-то выменять. А здесь помочь себе я не мог ничем.

Как-то стою на своем «посту» у прилавка и смотрю на наших ребят, как они выгружают вагоны, и удивляюсь: никто их не гонит, а они суетятся, такую непонятную беготню подняли. Решил узнать, в чем дело. Но говорить не с кем, лица озабоченные, пробурчат что-то на ходу и бегут дальше. Слышу «консервы», ну, думаю, выдумщики! Ну откуда на наших бумажных складах появились консервы? Не вытерпел, пошел снова на разведку. Наконец, добился: выгружали железные печки, а под ними — ящики. Ну как может пленный утерпеть и не заглянуть в середину? Я опять не верю, наверное, думаю, там какая-нибудь краска. Попросил показать банку, читаю: «Фляйш», правда, мясо! А я, великий комбинатор и первопроходец в таких делах, и вдруг проморгал такое дело! Правда, хлопцы поделились со мной, но все же я — не в первых рядах! Для моего самолюбия удар потрясающий.

Не успел я унести две банки, как немцы разнюхали и сами забрали почти четверть вагона консервов. Думаю,

себя не обидели. Долго после этого события находили банки то под мусором, то в других местах. У каждого было по несколько десятков банок. И лошадь никто не трогал. Меня только удивило: совершенно непонятно, каким образом при немецкой аккуратности в вагон с печками попали консервы?

Вспоминаю страшное трагическое событие. От нашей камеры на склад можно было пройти через улицу, это был путь, значительно сокращавший дорогу. Немцы почему-то запрещали там ходить: убежать можно, но куда? Кругом немцы. Например, прошли все, а дальше? В поле? На сорокоградусный мороз? Собственно говоря, они и не следили за выполнением этого приказа, и мы, все поголовно, нарушали его на их глазах без всяких последствий. И вот я иду по этому проходу, впереди идет парень лет 19, ему можно было позавидовать: красивый брюнет здоровенного роста, одет в гражданское, на нем черное пальто в хорошем состоянии, кто-то говорил, что в армии не служил, но в лагерь забрали. Я иду и думаю, какой же все-таки молодец, приятно посмотреть, и вдруг над самым моим ухом раздается винтовочный выстрел, и я с ужасом вижу, как парень падает на землю!

Поворачиваюсь и вижу кровопийцу-Федора, убийца опускает винтовку и говорит мне: «Сними пальто». Вне себя от горя и гнева, не соображая, что негодяю ничего не стоит истратить на меня второй патрон, отвечаю: «Снимай сам!» — и пошел. Я ждал выстрела в спину, но он почему-то не убил меня, только злобно посмотрел и пробурчал угрозу, я ее не разобрал. Прошел 51 год, но этот случай все стоит передо мной, как будто произошел сегодня. Не было у меня ножа — я бы прикончил его.

Как уже упоминалось, немцы подкармливали нас, иначе мы не смогли бы работать. Паек передавался нам через полицаев. Оказалось, как подсмотрели ребята, полицаи были «честными» — они делили паек точно пополам и «честно» отдавали нам одну половину, а вторую за труды оставляли себе. Вечером после работы ребята рассказа-

ли мне об этих делах и попросили сообщить «моему немцу»: «Скажи ему об этих ворах, ты же с ним в хороших отношениях». Я им говорю: дело опасное, убьют меня полицаи, но все же они меня уговорили, ведь я тоже был заинтересованным лицом, в конце концов! Утром я выложил все оберу, он сильно возмутился и хотел немедленно действовать, но я отсоветовал, ведь это могло отразиться на мне. «Хорошо, — сказал он, — мы сделаем проверку, как бы самостоятельную». Вечером он пришел с другим немцем, и действительно обнаружили продукты. После этого продукты выдавались нам, и мы честно, в присутствии всех, делились. Но конспирация не помогла, и Федор пригрозил мне: «Я тебе припомню!»

У меня не было другого выхода, как только вернуться в лагерь, и утром я попросил «своего немца» отвести меня туда. Он страшно удивился: «Ты сумасшедший! Там ваши мрут, как мухи, в день по двести человек бросают в ров, а ты захотел в лагерь!» Я объяснил причину. Тогда он приказал привести Федора. Обер достал пистолет и стал говорить с полицаем, я спросил: «Переводить?» — «Не надо! Он и так поймет», но я все же переводил. Смысл был такой: если со мной что-нибудь случится, даже небольшая царапина, даже в том случае, если Федор будет в городе, а на меня упадет ящик — случайно, все равно обер отправит Федю на тот свет, и поэтому он ему советовал охранять мое здоровье, как свое собственное! Таких гарантий безопасности я не имел никогда. Конечно, г-н оберштабсфельдфебель не забывал себя, я был ему полезен, но, думаю, немалую роль играли и дружественные отношения.

И все же я попал в лагерь! Проснувшись утром, я почувствовал сильный жар и слабость. Встать не мог, сказал ребятам, чтобы сообщили оберу. Он пришел буквально через несколько минут. Потрогал голову и убедился, что у меня большая температура. Поднялся и ушел. Минут через 20 принес стакан сахару и какой-то порошок, по-моему, стрептоцид, у нас еще неизвестный. Очень

жалею, что не помню ни его фамилии, ни имени! Он научил меня, как применять это лекарство, и на другой день температура спала, но осталась большая слабость. И комендант приказал сдать меня в лагерь. Оберштабсфельдфебель сам отвел меня, и мы дружески распрощались в воротах лагеря. Видно было, что он жалеет меня и считает уже умершим.

В лагере меня отвели в барак для больных — стопроцентных кандидатов на тот свет, так как никакой медицинской помощи мы не получали. Вот там-то и тащили полицаи полуживых ребят в «мертвецкую» ради хорошего барахла.

В ржевском лагере мы «праздновали» пасху. Пришел священник, устроил богослужение. Священник прочитал, или, вернее, произнес проповедь, содержание — не помню, в наших головах была одна мечта-надежда по случаю пасхи получить лишний кусок хлеба! Конечно, ничего мы не получили.

Когда меня привели в лагерь, у меня был солидный запас продовольствия: банок шесть консервов, немного хлеба, но я был еще очень слаб, находился в полудремоте и, очнувшись утром, обнаружил, что мешок с едой исчез. Находилось, и немало, таких смельчаков, которые были способны на воровство, а ведь за такое дело можно было и жизни лишиться. Погоревал я, но не разрешил себе чересчур распускаться и постарался поскорей забыть о пропаже.

Мартовское солнце начало пригревать, смотрю, под стенкой, привалившись спиной, греется вроде бы знакомый футболист, подошел поближе и с трудом узнал, точно — Ачико Бердзенишвили! Он играл в юношеской команде «Молот», они выиграли первенство СССР. Может, это покажется удивительным, как это хорошо знакомого человека спустя пару лет — не узнать? Дело в том, что мы были очень исхудавшими. Если я в армии весил около 72 кг, то в плену мой вес доходил иногда до 37 кг, лицо старело, было в глубоких морщинах, и называли мы друг

друга «Эй, старик!», а «старику» — 20 лет! И вот я говорю ему: «Здравствуй!», а он посмотрел на меня (имя его я не назвал) и послал подальше! Я подумал: наверное, ошибся — оба мы были худые, оборванные и грязные (пить нечего было, не то что умыться), и спрашиваю: «Откуда ты?» и в ответ получаю серию выражений, не принятых в высшем обществе. Наконец, я догадался назвать его по имени, и только тогда он узнал меня. Конечно, обрадовались, рассказали свои похождения и решили держаться вместе. К сожалению, мы пробыли вместе всего несколько дней и затем расстались.

Наши нажали на немцев на ржевском направлении, начался обстрел, в лагерь залетали снаряды, и ночью немцы подняли нас и, подгоняя не очень вежливо прикладами, загнали в товарняк и вывезли из Ржева. Железная дорога проходила через лагерь. Так мы и потерялись в суматохе. После войны в Москве я как-то рассказывал об этом, и вдруг присутствовавший полковник закричал: «Точно! Я сам с солдатами ворвался в лагерь и видел, как у нас из-под носа товарный состав ушел, только на последнем вагоне красный фонарь мигнул нам — и привет!»

Вязьма

Привезли нас в город Вязьму. Разместили на жилье в шикарном многоэтажном железобетонном доме, единственный недостаток его заключался в отсутствии полов, окон, дверей, отопления и освещения. Ну, нам не привыкать, да и пожаловаться некому. Так мы и жили, а точнее умирали. Гоняли нас на разгрузку цемента на железнодорожной станции. Спины костлявые, пятидесятикилограммовые бумажные мешки постепенно растирали спину, а защиты от высыпающегося под рубашку цемента не было, и постепенно получался — из сочащейся крови и цемента — раствор, он застывал и становился

своего рода рашпилем, растирающим спину все сильнее и сильнее.

К счастью, проработали мы там всего несколько дней, и нас перевезли в Даугавпилс. Тоже был «комфортабельный» лагерь. И здесь не могу не сказать несколько хороших слов о доброте.

Стою один у забора и с тоской смотрю на колючую проволоку, еле живой от голода, от ветра шатаюсь, как сухая травинка. Снаружи мимо проходил патрулирующий вокруг лагеря солдат. Не имея никакой надежды, я крикнул: «Дай закурить!», он остановился, внимательно посмотрел вокруг, вынул пачку сигарет и бросил всю! Для бережливого немца это был необычно щедрый поступок. Если бы он знал, что буквально спас мне жизнь! В лагере был кризис курева, за одну-две сигареты «на базаре» можно было выменять пайку хлеба. Я дошел до последней степени истощения, ходил еле-еле. А там по весне были сильные ветры. Бывало, рванет — шинель между ног запутается, и я валюсь на землю, и чтобы из четвероного животного снова превратиться в двуногое, надо выполнить целый комплекс сложнейших движений. Сколько раз я падал на тренировках, но никогда не думал, что когда-нибудь придется подниматься на ноги чуть не четверть часа!

Сначала я собирался в комок (по спортивному — «в группировку»), затем следовало передохнуть, так как от сильного напряжения не хватало дыхания, а из глаз вылетали круги всех цветов радуги, и я удивлялся, как это окружающие не замечали такого интересного явления. Оно повторялось после каждого движения, а их, как я уже упоминал, делалось много. После отдыха я выпрямлял руки — снова пауза, затем поднимал ногу с колена и ставил на ступню, отдых — и то же с другой ногой. Теперь, стоя на четвереньках (до этого был в позе спринтера на старте перед командой «марш!»), я должен был сделать очень сложное движение — оторвать руку от земли и упереться ею в колено. Собрался с силами — раз! Отдых. Вторая рука — есть! Теперь я в позе

бейсболиста. Затем я перехватывал руками по бедрам, и наконец я снова стоял прямо! Победа до следующего порыва ветра.

Многие удивляются и до сих пор, как мне удалось выжить, да еще с язвой желудка. Постараюсь объяснить. Во-первых, помогло неплохое знание немецкого языка. Когда приходили брать нас на работу (в нашем блоке не было постоянных команд), я подслушивал, куда идет набор. Если выгодный — на уборку картошки, на станцию и другие «калымные» работы, т. е. такие, где срабатывал «русский красный крест», я, конечно, занимал первое место, да еще напарникам сообщал. В то время мы не слышали ни о каких аутотренингах или экстрасенсах, но я ежедневно и по многу раз повторял: «Я должен жить, я обязан выжить, сейчас я не живу — это просто кошмар, это бред, скоро я очнусь и буду вспоминать этот ужас». На пророчества соседей о близкой смерти я не обращал абсолютно никакого внимания. Основная тема бесед в лагере была о еде. Как только возле меня «гурманы» приступали к воспоминаниям о жареном, вареном мясе, поросятине, другой вкусной еде, я моментально уходил подальше, чтобы не раздражать напрасно желудок.

Несмотря на тяжелую жизнь, старался поддерживать хорошее настроение. Когда нас вели на работу, я прислушивался к разговорам конвоиров и, подобрав солдата, казавшегося мне добрее и общительнее других, начинал с ним беседу, старался шутить, нарочно смешно коверкал слова, и в результате мне удавалось иногда не работать целый день. Никогда не нищенствовал. Какой бы слабый ни был, всегда ходил гордо выпрямившись. Это вызывало у солдат интерес, и часто я видел, как они показывали друг другу на меня, а иногда солдат подходил и тихонько совал в карман сигарету, а это был для меня лишний кусок хлеба.

Я всегда был чисто выбрит, одежда починена и чистая. Находил себе занятие. Как в каждой тюрьме, так и у нас в лагере в моде были татуировки, и я занялся этим делом.

Быстро получил известность, и это было большим подспорьем. Конечно, если бы я не боролся энергично за жизнь, а пользовался только баландой из бочки раз в день, да к тому же почти несъедобной, без всякого сомнения, живым бы не остался. Еще я старался следовать примеру своих любимых книжных героев: Швейка, Дон Кихота и Санчо Пансы, Тома Сойера и Геккельбери Фина, Остапа Бендера, Ходжи Насреддина, Д`Артаньяна, м-ра Пиквика и Сэма Уэллера и других. Вот и вся хитрость — очень просто — надо «варить» головой и относиться хорошо к людям. Иногда не мешает, как говорил Гораций (это я недавно прочитал), «разыграть из себя дурака». (Забыл: тушь делал из сажи, а рисунки рисовал или переводил из найденных газет и журналов.) Вот и ответ на вопрос, как удалось выжить. Ниже я еще остановлюсь на этом.

В лагере в г. Даугавпилсе был такой случай: выгнали нас на работу — разгружать вагоны с дровами. Я поплелся добровольно, хотя ходил еле-еле. Дрова были распилены на метровые поленья. Ребята брали по два-три полена, я тащил одно. Было тяжело, но я знал, если не двигаться — конец придет быстрее. Те, кто увивали от работы и валялись на нарах, умирали как раз от «отдыха». Конечно, я не лез на непосильные работы, это было бы идиотизмом.

Ношу я по полену и чувствую по взглядам полица, что «его благородие» недовольны. После перерыва на обед наблюдение будто снизилось до нуля. А я уже устал. Рядом были вырыты ямки для посадки деревьев, и мне пришла в голову «гениальная» мысль — использовать их для организации отдыха. Все знали, что пленные во множестве страдают желудками. Забравшись в ямку, я присел якобы по нужным делам. Не прошло и минуты, смотрю, ко мне направляется полицай. Это был такой же пленный, как и мы, с той разницей, что мы не пошли служить немцам, да еще на собачью должность надсмотрщика, не сломили нас ни голод, ни холод; а эти, чуть прижало, сразу кишка оказалась тонка. И вот он подошел:

— Ты что, сволочь, симулируешь? Не знаешь, гад, за саботаж — расстрел?

Приподнимаюсь:

— Да вот, с животом у меня неладно...

И в этот момент он бьет меня ногой по зубам, а второй удар наносит в грудь.

В результате один зуб был выбит, два надломаны, а грудь болела лет шесть или семь. В этом лагере, во рвах, навалом похоронено было около 130 000 человек (за точность не ручаюсь, но ошибка — не более 10 %).

Лагеря в Польше

В один из ясных весенних дней подкатил «спальный экспресс скорого следования», и нас, несчастную скотину, стали загонять в вагоны. Мера была одна — лишь бы закрывалась дверь! А вы, проклятая большевистская сволочь, устраивайтесь, как хотите! И мы устраивались — вначале стояли, а потом — откуда сила! — стали садиться, но после этого стало рискованно вставать на ноги: сел и сиди, не рыпайся! Потому что не успел встать, как под давлением друг на друга все смыкались — и, будьте ласковы, сесть на свое место можно только с большим скандалом — ведь приходилось садиться на людей, а это им не очень приятно! На дорогу дали «марш-пакет»: грамм 300 колбасы (неплохой) и с полкило хлеба (эрзац): для нас это был великий праздник — слопали в первый же час. Никаких выводов на прогулку или в туалет и в помине не было! А ехали мы пять дней. Хорошо, что ввиду голодного существования потребностей в туалете было мало, но все же были, и тогда судном служил кусок газеты, а если такового не имелось, то пилотка. Окна были забиты наглухо, и пакет бросался в другой конец вагона. Ругань, ссоры, драки не прекращались всю дорогу. Кстати, о драке: смешно (читай «страшно») было смотреть,

как два дышащих на ладан доходяги, не поделив что-то между собой, дрались. Один кричит: «Я тебя двину по роже», — замахивается, и от этого замаха падает сам. Но хотя было смешно, никто не смеялся, а мне и сейчас горько вспоминать эти сцены.

Привезли нас в Польшу. Лагерь громадный, но я забыл его название. Не концентрационный (пока я был в простых лагерях, не «повышенного типа»).

Где-то я подобрал штук восемь немецких газет — в этом лагере всегда был особый кризис с курительной бумагой, и я оказался на какое-то время прилично обеспеченным. В лагере нас буквально «атаковали» местные, засыпав обычными вопросами: кто ты, где попал в плен, где служил, откуда родом и так далее. А в конце беседы выпрашивали «газетки на козью ножку», она представляла собой полоску бумаги, свернутую конусом, как делали это в магазине для крупы или сахара, только удлиненной формы. Затем «козья ножка» переламывалась пополам, в широкую часть засыпалась махорка, тонкая вставлялась в рот, и готово — можете наслаждаться — если у вас есть спички, огниво или зажигалка, а если нет — придется одалживаться — за что, как правило, надо разрешить владельцу огня пару раз затянуться.

Подошел и ко мне такой проситель, по доброте душевной я оторвал ему полгазеты, а он в благодарность насыпал чуть не полную горсть табаку. Такая неслыханная щедрость в лагерных условиях меня просто ошеломила! Я стал расспрашивать нового приятеля причину этой доброты. Оказалось, что ребята ходили работать на табачную фабрику, и там всю воро... извините, чуть не оговорился! Занимались самоснабжением при помощи «советского красного креста». А с бумагой было очень туго, немцы отбирали у нас даже свои немецкие газеты. Таким образом, по законам свободного рынка вырабатывались цены на товары.

В лагере во взаимоотношениях между пленными царил жесточайший эгоизм. Отношения эти складывались под

влиянием страшной голодовки. Недаром есть поговорка «голод — не тетка». И все же существовало немало групп по два, три, а иногда и больше человек, сошедшихся по характеру, по возможности поддерживавших друг друга. Но я пока здесь был один.

Высокие цены на газеты натолкнули меня на мысль заняться торговлей. Собрание будущей компании по выработке устава и тактики акционерного общества прошло дружно и быстро; все предложения были приняты без споров, выкриков, оскорблений и драк (чем оно существенно отличалось от заседаний различных съездов в наше время). Немалую роль в мирном ходе заседания сыграло небольшое количество его участников: всего один человек, да и тот — я. Поэтому и выборы президента были, сами понимаете, единогласными.

Не теряя времени, я начал действовать. Обменивал газеты на хлеб, картошку, даже на рейхсмарки, которые ценились выше фронтовых, ходивших только в прифронтной полосе и на оккупационных землях. В первый же день я реализовал весь свой товар и задумался: а что же дальше? На работу, по рассказам, брали мало, да не на всякую есть смысл идти, а ведь только на работе можно поживиться хотя бы найденным окурком. Кстати, когда не было курева, мы разрезали старые деревянные мундштуки, выскребывали никотин и заворачивали в газету. Из одного сильно прокуренного мундштука мы добывали три шикарные гаванские сигары.

В расположении лагеря находились сборные дома, где помещалась охрана. Правда, они были окружены одинарной проволокой, отделявшей помещения охраны от лагеря. Случайно почти под вышкой часового я обнаружил калитку. Через эту калитку проходили немцы. Она не запиралась, видно, находилась под наблюдением часового на вышке. Но я заметил, когда он двигался, можно было уловить момент и пройти в калитку незаметно. Это было непростительным промахом немцев. Я рискнул и прошел.

Там уже не было так страшно: немцы приводили пленных для услуг, и я сходил за них, тем более что выглядел как всегда опрятно.

Но вот самый сложный вопрос: к кому обратиться? Думал-думал, а потом махнул рукой и решил испытать свое счастье: вошел в один из домиков и в первую попавшуюся мне дверь постучал как свой человек. В ответ слышу:

— Айн!

Захожу в комнату, сидит унтер-офицер. Увидев перед собой пленного, начал орать на меня с такой злобой, что я подумал — пришел мне конец. Вопросы сыпались как пулеметная очередь: кто я, откуда, зачем пришел? Самым скромным, благовоспитанным голосом отвечаю: мы, бедные разнесчастные пленные, имеем табак, а бумаги нет, может быть, добрый гер унтер-офицер выручит нас и даст несколько газет (в углу я уже заметил этажерку, забитую сотнями газет!).

Унтер снова разразился проклятиями, вспоминая всех святых и не забыв до десятого колена моих бабушек и прабабушек! Подбежал к этажерке, выхватил не меньше ста газет, ткнул их мне в руки и, продолжая ругать меня на чем свет стоит, выгнал из комнаты, предупредив, что, если приду второй раз, он приготовит из меня отбивную котлету! Вне себя от радости я помчался в лагерь и в тот же день продал все свое богатство. Несмотря на все угрозы, у меня было такое чувство, что унтер на самом деле не злодей. После вчерашней торговли я стал настоящим капиталистом: появилось немного денег, кое-какая еда, и, еще раз обдумав поведение унтера, я решил снова совершить к нему визит.

Было хорошее ясное утро. Тепло, поют птицы и, если закрыть глаза, чтобы не видеть проволоку и часовых, можно было подумать, что «войны нет и я свободен». Но дела призывали меня в поход.

Нельзя сказать, что мой второй визит подействовал на унтера сильнее первого, так как сильнее ругаться и орать было выше человеческих сил, но на этот раз представление

закончилось быстро. Остановившись, унтер внимательно посмотрел на меня и спросил: «Куда ты дел газеты? Ты продал их?» Я, конечно, с негодованием отверг эту гипотезу и сказал, что роздал их даром. Унтер не стал вдаваться в подробности этой темы, и мы немного поговорили. Он опять дал мне много газет, а я говорю: «Табак у нас есть, и это конечно неплохо, но с хлебом совсем неважные дела, дают мало, да еще и качество нехорошее, чего туда только не кладут вместо муки! Herr Unteroffizier!¹ Продайте немного хлеба!» — никогда ранее в обращении с немцами я принципиально не употреблял «господин».

— Откуда? Я получаю триста грамм в день, так же как и Гитлер! — Немцы очень любили напоминать об этом.

— Но я могу заплатить рейхсмарками! — Я взял с собой пять марок, а остальной капитал «фирмы» спрятал в укромном месте в лагере на случай обыска. Да и унтера боялся — вдруг отберет и выгонит.

— А ну, покажи! — Я показал.

— Хорошо, я дам тебе булку, только язык держи под замком, — и взял пять марок.

Теперь, когда унтер стал моим сообщником, можно было петь: «Жить стало лучше, жить стало веселее!»

Прошло несколько дней, и у меня появились напарники: один — узбек, второй — Гриша Тутберидзе из Кутаиси и еще пять-шесть человек. Все страшно изголодавшиеся, а у меня появились кое-какие возможности помочь ребятам, и я стал их подкармливать. Хлеб, добытый у унтера, я частично продавал, конечно, гораздо дороже, чем покупал, а потом мы покупали картошку, и ребята варили ее. Есть лагерную баланду было невозможно. На кухню привозили картофельные очистки, брюкву, и, если готовилось пойло для свиней, все это мылось, а для нас варилось так. И это отвратительное варево называлось супом. Я его есть не мог. У меня была сильно повышенная кислотность, а может быть, и язва, и если я вынужден был

¹ «Господин унтер-офицер!» (нем.).

из-за отсутствия пищи есть лагерный «суп», через 30–40 минут меня рвало, и потом еще пять-шесть, а то и больше раз в день, меня рвало так сильно, как будто в горле открывался нефтяной фонтан. Кислотность была настолько сильной, что, если капли попадали на ранку, ощущалось сильное жжение, а червячки и жучки, попадая в эту жидкость, умирали. Такой я был ядовитый!

Невдалеке в сарае стояла полевая кухня для охраны. Вариво было «шик модерн», как говорил один остряк из моей компании. Но туда я никак не мог пробиться — не имел ничего привлекательного для повара. В это время члены моего «синдиката» разнюхали, что какие-то ребята с работы приносят шелковое с начесом мужское белье. Я поручил им разведать и купить столько, сколько они смогут. Не помню, две или три пары хлопцы приволокли. Взяв одну пару, я утром отправился за добычей к повару.

— Гутен таг!

— Что надо... (прибавил непечатное)?

На это «приветствие» я ответил приятной улыбкой светского человека, не замечающего невоспитанности собеседника, и заявил, что имею желание сделать ему подарок.

Он посмотрел на меня с презрительным видом и, ухмыльнувшись, сказал:

— Ты — мне — подарок? Интересно взглянуть на этот подарок!

— Битте — и с ужимкой Кио (знаменитый артист-иллюзионист) я достал из противогазной сумки белье. Повар с легкостью того же Кио выхватил его у меня и моментально спрятал.

— Чего хочешь?

Я ответил:

— Каждый день я буду приносить пару белья, а ты будешь наливать одну парашу солдатской «пушка-кашей» — так называли немцы солдатский обед. (Справка для «зна-токов»: «парашей» в пленном лагере называлась большая банка или ведро для транспортировки еды. В советской

тюрьме параша заменяет туалет, а в Европе получила повышение.)

Договор скрепили джентльменским рукопожатием. Я был необычайно рад — ребята были обеспечены отличным обедом. Иногда удавалось выменять у поляков необычные для лагеря продукты: яйца, консервы, зелень.

Один из ребят был очень слабым и вид имел какой-то не то унылый, не то забитый, он вызывал у меня сочувствие, и я старался его подбодрить, расшевелить, но все было напрасно. Еще я обратил внимание: обед у нас был хороший, с мясом, но он почти его не ел. Пару раз предложил ему мясные консервы, но он отказался — а сам худой, как щепка. Я пристал к нему, добивался: в чем дело? И вот что услышал.

Он попал в госпиталь. До этого раздобыл много табаку. В госпитале каждый день полицаи приносили вареное мясо и выменивали его на табак, деньги и на что попало. Две недели парень ел это мясо, а потом выяснилось: полицаи вырезали его у мертвых, варили, а потом предлагали пленным. Как я ни уговаривал беднягу забыть это неприятное и тяжелое событие, ничего не получалось. Не только есть, он видеть мясо не мог.

Постепенно нас стало десять человек, и наш вид значительно улучшился. Я сбывал краденое, получал новые заказы, ребята их выполняли, «синдикат» наш работал прибыльно. Я все время пытался дознаться: откуда унтер получает хлеб? Ведь не ходит же он на склад и не ворует сам? Наверняка у него есть поставщики товара. Прошло уже около месяца моего пребывания в польском лагере. Я стал здесь за это время видной фигурой. Завелись деньжата, конечно, по большей части рейхсмарки, но были и польские злотые. Я намеревался собрать побольше денег, при помощи поляков приобрести гражданскую одежду и бежать, когда приму вид нормального человека. Для этого нужно было повысить доходность нашего предприятия, поэтому я предпринял серьезную попытку установить пути поступления хлеба моему другу унтеру.

Он действительно относился ко мне очень дружелюбно, но своя рубашка ближе к телу. Я имею в виду и интересы ребят, не только личные. Рано утром я прокрался к унтеру (жаль, забыл имя) и спросил о хлебе. Он ответил, что хлеба еще нет. Я вышел и спрятался в кустах, выбрав такое место, откуда видна дверь в комнату унтера. Сидеть пришлось недолго, появился солдат с завернутым в газету свертком под мышкой, который по форме явно был похож на две булки. Через несколько секунд солдат вышел уже без пакета. Все ясно, сделка состоялась, и мой план почти удался.

Шагая следом за солдатом, почти затылок в затылок, я подошел к кantine (магазину). Прежде чем войти туда, надо было пересечь зал, на стенке которого висела карта фронта. Вот он, удобный случай завести разговор! Я очень вежливо извинился и попросил рассказать о положении на фронте, хотя мы знали это не хуже немцев, а иногда и лучше. Путь, по которому приходили эти известия, был нам неизвестен, а мы и не старались о нем узнать: эта любознательность была совершенно излишняя, та как на любопытного навлекала подозрение. Я попал в точку. Солдат с большим энтузиазмом рассказал мне: «Ленинград ум, бальд капут (то есть окружен и скоро будет взят), Москау аух ум (чего никогда не было)». Я, конечно, сделал очень заинтересованное лицо, задал ему еще вопросы, а потом небрежно достал из кармана довольно изящно выглядевшую жестяную коробку (специально приобрел для лишнего форсу). Там помещалось штук пятьдесят сигарет, открываю и предлагаю закурить собеседнику, он с оторопелым видом берет сигарету и смотрит на меня, не веря своим глазам: такое богатство не каждый солдат имел — в дневной паек входило три сигареты. Чтобы его добить, достаю шикарную зажигалку и даю прикурить и, как бы поняв его изумление, спрашиваю: «Вам не хватает курева?» Он кивает утвердительно. Тут я барственным жестом вынимаю пачку сигарет «Спорт» и дарю ему. Он был окончательно сбит с толку.

Еще его удивило мое «аристократическое» умение, проявленное в процессе закуривания: как я постучал сигарету по крышке своего портсигара, как стряхивал пепел, как держал сигарету во рту. А все объяснялось просто: я нашел все эти приемы в одном из немецких журналов и тщательно заучил, как надо красиво курить. На это немцы всегда обращали внимание и удивлялись. На самом деле я почти не курил — только в необходимых случаях, когда хотел привлечь внимание к своей особе. Предпочитал обменивать курево на еду.

— Послушай, камрад, что верно, то верно: табачок есть и марки имеются, а вот с хлебом дело плохо, и даже очень плохо — не хватает. Ты добрый, хороший человек, может, достал бы хлеба?

— Нет, что ты! Откуда у нас хлеб? Даже Гитлер получает 300 гр., лишнего нет! — Опять Гитлера привели в пример.

Тогда я принял самый свирепый вид, какой только смог, и гаркнул:

— Ну, хорошо, а откуда ты взял две булки и продал их унтеру? Значит, где-то достаешь? Думаешь, я ничего не знаю и от нечего делать занимаюсь болтовней? Так вот: чтобы было всем хорошо, носи хлеб мне, буду платить 2 марки за булку, и унтеру продолжай, а то обидится на тебя.

Солдату, совершенно обескураженному моей осведомленностью и моим независимым поведением, не осталось ничего, кроме капитуляции. И это, наверное, была одна из первых капитуляций, когда заключенный ставил свои условия тюремщику.

Прошел, наверное, месяц. Уже унтер как-то начал в шутку со мной обсуждать возможность знакомства с паненкой. (Пожалуй, это было рановато.) Я совсем возгордился. Мои ребята чуть не на руках меня носили, повар уважал, а унтер уже не орал на меня, когда я приходил, встречал дружелюбно: доставал шнапс и наливал, конечно, не по-русски в граненый стакан, а в крохот-

ную рюмку, которую я все равно избегал. Понемногу круг знакомых продолжал увеличиваться. Одна полячка приносила нам с Тутберидзе зелень, без которой житель Кавказа не может жить. И однажды, в момент передачи, нас обнаружил главный переводчик лагеря. Правда, обошлось легким испугом, но нас предупредили: второй раз будет плохо, «сошлем в концлагерь».

Я решил проверить переводчика, не верилось в его кристальную честность. Применил тот же метод, который оправдал себя в «хлебном деле» унтера. Переводчик жил в казарме на первом этаже. Его окно смотрело в сад, вдоль здания шла густая аллея какого-то кустарника, раскинувшего свои ветви. Там я и замаскировался. Сидеть пришлось на этот раз долго, но вот наконец появилась фигура крадущегося пленного — сразу видно, дилетант! В такой ситуации надо держать себя свободно, улыбаясь, не смотреть с опаской по сторонам. Всех этих правил парень не придерживался, и поэтому я определил: надо за ним наблюдать. Парень подошел к окну комнаты переводчика, посмотрел направо, посмотрел налево и постучал в окно. Выглянул переводчик, внимательно осмотрелся, с удовлетворением повернулся к посетителю, тот протянул ему пачку табака, а переводчик дал ему половину булки хлеба. И в момент, когда все четыре руки были заняты обменным товаром, я вышел из засады и самым любезнейшим голосом говорю:

— Здравствуйте, господин переводчик!

Он смутился и, растерявшись, не мог сразу сообразить, что надо отдать, а что взять себе. Наконец, он ткнул хлеб в руку пленного, тот попытался заговорить, но переводчик постарался побыстрее его спровадить:

— Ладно, ладно, потом придешь!

Меня он пригласил зайти к нему в комнату. Сначала я боялся заходить, думал: «Еще пристрелит!» Потом решился: если у него было такое намерение, то гораздо удобнее это сделать в кустах, а не пачкать комнату. Только я вошел, на столе появился шнапс и два «наперстка».

Хозяин пригласил меня присесть к столу, наполнил рюмки, и мы распили как бы мировую.

— Да, я вижу, ты парень с головой, умеешь соображать и применяться к обстановке! Да ладно об этом, ходи по лагерю где хочешь и что хочешь делай: я тебя не вижу, а ты — меня! Только не попадайся на глаза к коменданту и не болтай лишнего. Вот и весь разговор.

Потом он рассказал мне, что до войны жил в Одессе и выполнял задания немецкой разведки, а когда немцы взяли город, он стал переводчиком в лагере. Окрыленный его словами о свободе действий, я решил, что теперь мне будет легче осуществить свой план побега. В то же время не надо было мне преувеличивать свои силы, а быть поскромней и не забывать, в чьих руках я нахожусь.

У кого-то из ребят я выменял серебряную, 1930 года, монету, ценностью в две марки; ее у меня увидел второй переводчик и попросил меня подарить ему ее. Я, уверенный в покровительстве главного переводчика, нерасчетливо отказал в просьбе, да еще в довольно грубой форме. На это он ничего не сказал, только взглянул косо, и я решил, что этим дело кончилось, тем более что он знал о хорошем отношении ко мне старшего переводчика, не зная, конечно, его причины.

Прошла пара безоблачных дней, и я забыл и о марках, и о переводчике с его косым взглядом, который в тот день все-таки мне не понравился. На третий день отбирают шестнадцать человек, в том числе и меня, ведут на станцию и сажают в купе вместе с охраной. Туда попал мой хороший приятель, тоже спортсмен — мастер спорта по вольной борьбе Ило Бобохидзе из г. Кутаиси. После войны, по-моему, он два раза был чемпионом страны, а за отличную тренерскую работу награжден орденом Ленина.

И вот мы, как порядочные туристы, отправились в путь, да еще, пожалуй, лучше туристов, так как нас окружала заботами вооруженная охрана. Наше купе имело вход, как и все остальные, с перрона. Большинство ребят были

«свежие», недавно попавшие в плен. Ехали мы через партизанские районы, и я стал подговаривать их напасть на охрану (охранников было всего три человека), но братва не решилась. Я не особенно боялся нового лагеря: у меня был большой запас сигарет, деньги. На первое время было на что поддержать свое существование, а там, как говорят русские, что Бог даст!

Привезли нас в г. Хелм. Привели в громадный лагерь. Подвели строем к складу и скомандовали: «Раздевайсь!» Мы разделись. Наше барахло забрали, а взамен выбросили белье, гимнастерки и галифе, но это была рвань, самого последнего нищего не могла бы соблазнить. Кроме «шикарного» обмундирования нам еще швырнули ложку и котелку, исковерканных до последней возможности. Когда мы «приоделись» в обновки, нам скомандовали «Шагом марш!» Мы кричим: «А вещи?» И в ответ слышали: «Шагом марш, большевистская сволочь!» По дороге ко мне подошел один из конвоиров, русских полицаев, и шепотом, замирающим голосом спросил: «Вы кто, комиссары?» А я и здесь не удержался и для пущей важности ответил утвердительно.

Хелм, как и все лагеря, был окружен двумя заборами из колючей проволоки; нас привели к двум деревянным баракам, окруженным еще одним двойным забором. Забыл упомянуть, что промежуток между заборами заполняли беспорядочно наваленной колючей проволокой. Это был охраняемый зондерблок: у входа стоял немец, с противоположной от входа стороны — пулеметчик на вышке, а остальные стороны забора были на попечении двух продажных шкур, сиречь полицаев. В бараках голые двухъярусные нары — вот вся обстановка.

В полутора метрах от основного забора на высоте 40–50 см была протянута проволока с предупреждением: «Перешагнувший будет расстрелян!» — и будьте уверены, это не в СССР, где вокруг вывески «Свалка запрещена, штраф — 100 рублей» лежат горы мусора, и никто не штрафует. Попробуй перешагни — так и останешься там лежать. Местечко веселенькое, скучать не придется.

Впоследствии я побывал еще в одном таком же «веселеньком» зондерблоке одного из лагерей в Польше, но в каком году это было и название лагеря, убейте, не помню. Надо сказать, что от голода наступало такое отупение, что не только название и год, но даже время года мы не могли назвать. А время года для нас, худых как щепки, почти не имело значения — нам было холодно всегда.

Помню, это был небольшой блок, на 800—1000 заключенных. Ясно, что в таких блоках находились наиболее «вредные» для нацизма люди, предназначенные к уничтожению. У нас было два отделения: для офицерского состава и для остальных — младших командиров и рядовых. Издевались над нами всячески: например, заставляли маршировать, петь. Для умиравших от голода это было «приятным» развлечением!

Однажды ночью слышим выстрелы, шум, лай. Утром — тщательный обыск. Оказалось, что наши офицеры задумали поднять восстание. Добыли кусачки и, пользуясь тем, что от двери их барака проходил фундамент старого дома, под его прикрытием они хотели незаметно проползти к забору, это всего метров семь—восемь. У них был план: сначала напасть на караульное помещение, вооружиться, затем освободить нас и напасть на охрану основного лагеря, где было очень много пленных. Был слух, что у них имелась связь с польскими партизанами, которые должны были в нужный момент оказать поддержку восставшим. Наверно, так и было. Ведь не имея оружия, вряд ли возможно было одержать победу.

Несколько человек выбрались из блока. Один, очередной, был одет в ватник. Ему говорили, чтобы он снял его, так как можно зацепиться за проволоку, но он настоял на своем: «Я простужен, замерз». К сожалению, предсказание сбылось: он запутался в проволоке. А ночью вокруг лагеря ходил патруль с овчаркой. Патруль подошел, собака почуяла запах, начала лаять, патруль застрелил его, и весь замысел рухнул.

В зондерблоке Хелма я стал доходить (худеть). Иногда были жуткие боли, частая рвота, и что меня удивляло,

так это ее количество: мне казалось, что из желудка выливается жидкости гораздо больше, чем попадает в него. А давали нам «суп», — я извиняюсь перед господином супом, — то, что нам давали из немытых картофельных очисток или брюквы даже баландой нельзя было назвать, такое свинское пойло можно увидеть только в захудалом колхозе. Это варево я не ел, а отдавал ребятам, чей желудок еще выдерживал такое издевательство. Даже крошки хлеба никто не давал в этот «обед». Хлеб, содержащий много несъедобных примесей, я делил пополам: половину отдавал, половину по крошечной доле брал и долго пережевывал, и таким методом как-то удержал его в желудке, не извергая наружу. Сомневаюсь, что это очень развлекательные сведения, но не рассказать о них не могу. На работу нас не брали, и поэтому побочных поступлений питания мы не имели.

Прошел месяц. Мы валялись, бродили по крохотной территории блока, играли в карты в 501 и 1001, мечтали об окончании войны, голодали: «развлечений» было «много». Я ходил бодрый. Это всех удивляло — ем полтора грамма в день, хожу — нос крючком и не умираю. Постепенно оба домика заполнились, и число заключенных в них дошло примерно до 700 человек. Все это был народ очень подозрительный немцам. Надзирателей было представлено к нам предостаточно.

Как-то сидим мы на земле (было тепло) и играем в 1001: я, мой приятель Бобохидзе и еще кто-то. Бумаги для записи игры, конечно, не было. Придумали записывать на колодках (такая у нас была обувь). Вдруг врываются немцы и начинают исследовать наши записи. Но, когда я все объяснил и показал записи, нас оставили в покое, посмеялись и ушли.

Несмотря на все мое геройство, чувствовал я себя очень плохо: рвота и боли в желудке не оставляли меня, плюс постоянный голод. Был в блоке скрипач из Одессы, немцы заставляли его играть вечерами, за что он получал солдатский хлеб и суп (настоящий, без кавычек) — у него

тоже была язва. Зашел к нам комендант лагеря, наверное, для проверки; я подошел к нему и попросил на мою долю хлеб и суп не отпускать, все равно из-за сильной боли в желудке я отдаю его товарищам.

— Ах ты, коммунистическая собака! Политическую голодовку объявляешь! Ну, погоди! Мы тебе устроим голодовку! — заорал рассвирепевший комендант.

— Я не объявляю не только политическую, но никакой голодовки вообще, просто я человек больной и есть эту пищу и хлеб не могу. Все равно она у меня в желудке не остается и выходит не в положенном месте.

Комендант, наверное, из принципа, сообщил о моей просьбе коменданту лагеря, который был врачом. Он осмотрел меня и признал больным.

Я по этому делу предварительно советовался с ребятами, были у нас солидные люди. Все категорически и единогласно заявили о бесполезности моей попытки, к тому же опасной для жизни.

И вдруг, к всеобщему изумлению, и моему тоже, приносят пайку, такую же, как и музыканту. А за неделю до прихода коменданта я стал чувствовать себя очень плохо, боли круглые сутки не отпускали. Придя в полное отчаяние, решил в припадке слабости покончить жизнь самоубийством.

Днем стояла прекрасная погода, солнечный осенний день; я подхожу к вышке, где стоит солдат, и кричу ему: «Стреляй!» и, перешагнув проволоку с предупреждением о запрещении, полез на забор. Солдат явно обалдел, уставился на меня и ничего не предпринимает, и это спасло мне жизнь. Солдат, стоящий на посту у входа, побежал, стащил меня с забора, двинул пару раз кулаком, и на этом все закончилось.

Стал я замечать усиленное внимание ко мне со стороны одного пленного, старше меня лет на пятнадцать. Он часто со мной заговаривал, вовлекая в беседу по разным вопросам. Такие попытки вначале вызывали недоверие: а не шпион ли этот парень? Но понемногу подозрения про-

пали, мы стали более откровенны. Выяснилось, что он полковник. А впоследствии он предложил мне принять участие в подготовке массового побега. Конечно, не занимаясь никакими выяснениями подробностей, я выразил свое согласие. Стали вырабатывать план. Он имел связь с партизанами и сообщил мне об этом сам.

Раз в неделю или десять дней нас водили в баню. Водили в две очереди по 350 человек. Обычно нас сопровождали человек десять автоматчиков, шедших рядом. Наш блок находился в самом углу лагеря. На углу, у поворота в баню, стояла вышка, был ли там автоматчик или пулеметчик, не помню уже. И как раз в этом месте на протяжении 8–10 метров забор был однорядный, и мы решили использовать этот участок для побега, он как бы специально был предназначен для его облегчения.

Но сначала надо было привлечь к нему побольше участников, а потом уже разработать сценарий. Для конспирации решили привлекать к участию по одному человеку, тщательно проверять каждого, настроен ли он достаточно решительно, и только тогда предложить ему участие в побеге. Если он покажется подходящим, поручить ему привлечь еще одного–двух человек, причем особо обращать внимание на осторожность, чтобы не провалить организацию.

Через некоторое время решили мы с полковником провести «парад участников». Для этого в определенное время сообщили по цепочкам о его начале — участники должны были пройти в определенном месте по одному человеку, а мы хотели издали их посчитать. Если наберется 80–90 человек — назначим день побега на первое же посещение бани.

Участники побега должны были попасть в первую очередь на мытье и распределиться так, чтобы на каждого конвоира приходилось по шесть–восемь человек. Когда группа пленных подойдет к повороту, будет дан сигнал: по этому сигналу мы нападаем на конвой, отбираем автоматы и открываем огонь по часовому на вы-

шке. В это время безоружная часть срывает проволоку и бежит к лесу. Вооруженные пленные, уничтожив часового, должны были двигаться к лесу, а там нас должны были поддержать партизаны. До леса примерно около 600 метров.

И мы принялись за осуществление плана. А пока жизнь текла по раз установленному порядку. Приходил старик унтер-офицер, проверял, чисто ли в блоке, а веников у нас не было и, конечно, не было и чистоты. Старик был неплохой и любил пошутить: «Что вы за солдаты, если не можете организовать веники?» Я ему говорю: «Где же их взять? Пойдем в лес, наломаем березовых веток и сделаем веники». А он отвечает: «Ты думаешь, если унтер старый, так он уже дурак? Я пойду с вами в лес, а там мне польский партизан сделает бум-бум?» А один раз разговариваем с ним, окружили его, вдруг он говорит: «Эй-эй, Сталинград никс махен» — и выбрался из нашего окружения.

Приходит очередной банный день, мы еще не закончили «мобилизацию» и поэтому готовились к обычной бане. Вдруг в блок заходят два немца и забирают меня и еще шесть человек. Привели к канцелярии, оставили снаружи, а сами зашли внутрь. У меня забегали мурашки по спине: все, кто-то нас предал. Ребятам ни слова не говорю, не знаю, есть ли среди них заговорщики или нет, да если бы знал, все равно на эту тему разговоров не вел бы. Немцы вышли и повели нас. Наверно, в гестапо ведут, решил я. Но привели на вокзал, там стоял эшелон с пленными, и нас втолкнули в один из вагонов.

Все оказалось гораздо проще: военнопленных везли на работу, по дороге семь человек заболело, их оставили в Хелме, а нас взяли для полного счета! И я попал в их число не по доносу, а совершенно случайно. Года через полтора я встретился в одном лагере с парнем из Хелма, одним из участников замышлявшегося побега, и он рассказал, что мой мнимый арест сорвал побег. Полковник, так же как и я, подумал о предательстве и отказался от

опасной попытки, которая могла привести к напрасной гибели людей.

Шталаг в Ламсдорфе и штрафное отделение в Кройцбурге

И вот открывается новая история в новом для меня штрафном лагере в г. Кройцбург. Как удалось мне вскоре выяснить, из этого лагеря было три выхода: умереть от истощения и побоев, завербоваться в немецкую армию и заболеть неизлечимой болезнью, в последнем случае отправляли в общий лагерь для военнопленных. Когда нас переодевали, один из ребят, прибывший с нами, заявил, обращаясь к переводчику: «Господин переводчик! Есть пословица: лучше умереть стоя, чем жить на коленях, поэтому я решил поступить в немецкую армию!» Все это он узнал раньше нас.

В лагере существовало три категории, различавшиеся формой одежды: «желтые» — не подавшие заявления, самая низкая каста, форма одежды — советская. Вторая категория — «сине-желтые», подавшие заявления о желании служить в войсках рейха: брюки советские, мундир немецкий, синий. Этих посылали на легкие работы, и вообще отношение к ним, как к будущим соратникам, было неплохое. Они проходили испытательный срок, после чего заслужившие доверие переводились в высшую группу предателей, «синих» — форма одежды полностью синяя. Они конвоировали нас на работу, на работе подгоняли, повышая производительность рабского труда при помощи палки. Находились «синие» на полном немецком солдатском пайке, в город они ходили по увольнительной и ждали отправки уже на настоящую немецкую службу.

Переводчику, видимо, понравилось бравое поведение новичка, и он немедленно распорядился определить новоявленного «героя», парня рослого и неизголодавшие-

гося, в эшелон «сине-желтых». Наш «активист» получил желто-синюю форму и был направлен в соответствующее подразделение. А мы поплелись в казарму, где из солдатских кроватей были выстроены четырехэтажные нары. На каждой кровати спало по два человека. Это был не сон, а сплошное мучение. Кровать 70 см шириной — как ни укладывайся, все равно тесно. Заснул один, другой перевернулся и разбудил соседа, и так всю ночь, ругань, а то и драки. С работы мы приходили мокрые, развесим свое тряпье и дышать нечем от испарений.

Короче говоря, командование создавало все условия для пополнения армии добровольцами. Когда в Тбилиси мы проходили комиссию в военкомате, политрук ко всем приставал: почему мы идем в армию добровольно? Ну, конечно, все отвечали, защищать родину и так далее в нужном политруку духе. Дошла очередь до парня, недавно приехавшего с гор и по-русски говорившего с трудом. На свою голову политрук прицепился и к нему с тем же вопросом; парень мялся, мялся, не может ответить как хотелось начальству и наконец ляпнул: «Ты бирош, мы идом! А что должин сказат? Ва!» Ну, тут все присутствующие покатались со смеху. Вот так примерно шли «добровольно» в немецкую армию и здесь.

Для нас, «желтых», режим был самый свирепый: непосильная работа, пища негодная (при случае в хлеву у свиней с дракой отвоевывали пойло — оно было чище, чем наша баланда), побои, грубое отношение. На работу ходили в строю и с песней, а не запел — так двинут дубинкой, что в глазах потемнеет.

Следующей крупной неприятностью было сильное распухание ног так, что они в коленях не сгибались. А на скамью я садился следующим способом: поворачивался спиной к скамейке и падал на нее, надо было только рассчитать точно расстояние, чтобы не сесть на землю. Как-то на работе подошел ко мне конвоир и, глядя на мое полное лицо, говорит: «Ты что же, симулируешь? Такой здоровяк и не работаешь?» У них тоже встречались, как и

у нас, «активисты». Но я нажал пальцем на скулу, получилось большое углубление, и не выравнивается, я объяснил причину, и он больше меня не трогал — оказался более человечным, чем я вначале думал. У пленных же между собой отношения были простецкие, никакой светскости, все наружу. Нет чтобы при встрече сказать: «Ах, как ты хорошо выглядишь!» Какой там! Режет правду без прикрас: «А ты, браток, не жилец!» Лежу я на вторых нарах (на третьи влезть не было сил, да вдобавок правая рука отказала — не поднималась) и учу немецкие слова — был у меня словарик, подходит «приятель» и заявляет: «На черта тебе это нужно? Завтра сдохнешь!» — а я вежливо отвечаю: «Но зато на три слова буду больше знать!» — и на этом беседа кончалась.

Привели нас, полукалек, перетаскивать шпалы; главное, опять попался нам в конвоиры «активист». Пробуем поднять — не получается, еле-еле, с большим напряжением всех сил подняли вчетвером, но подбежал конвоир, сам здоровый, как буйвол, разорался, разнервничался — куда там! Кричит: «По одному на шпалу!» Мы категорически отказались. Удалось уговорить, что мы едва ходим от слабости и не можем таскать такую тяжесть. В конце концов договорились о двух человеках на шпалу. Для нас это был адский труд, а здоровяк-охранник только ухмылялся. Нам же только и оставалось, что скрипеть зубами. Тут как раз проходил мимо майор, я думал — комендант. Я обратился к нему (в это время я уже говорил по-немецки довольно прилично), сказал, что у меня язва желудка и, кроме того, я опух и не могу выполнять тяжелую работу. Откровенно говоря, я считал свое обращение к немцу абсолютно бесполезным, более того, мог получить по физиономии, но, к удивлению, майор забрал меня, мы зашли в помещение, он меня осмотрел и признал больным. Он оказался врачом, что мне и было необходимым.

Меня отправили в шталаг Ламсдорф возле польского города Ниса на границе с Чехословакией, а в это время это была Германия. Там я пробыл недолго, но ухитрял-

ся попадать на «хорошие работы», т. е. такие, во время которых можно было попользоваться помощью «русиш роте крейц», как говорили немцы, а по-простому, стащить что-то из еды. Я существенно поправился, прошла отечность, что для меня было самым главным.

Немалую роль сыграло знание языка: так же как и раньше, когда приходили конвоиры брать на работу, я подходил и слушал — куда? — если «на картошку» или на станцию или еще в какое-то «хлебное» место, я становился в первый ряд, а если на «муну», т. е. склад боеприпасов, у меня появлялись боли в желудке, и я со стоном бежал и занимал место в клозете до той поры, пока не набирали команду, негодную мне, и не уводили ее на работу. Я из обороны не вылезал. С немцами из лагерной охраны я по-немецки не разговаривал, не давал им понятия о своих знаниях, и поэтому они при мне не стеснялись, говорили все.

Но недолго продолжалась моя «легкая» жизнь; месяца через два меня опять отправили на штрафную команду в Кройцбург, и продолжилась изнурительная «волынка» в голоде, холоде, работа под палкой будущих «освободителей родины», полицаев. Даже на легкой работе было противно сознавать, что работаешь на врага. По-прежнему ночью не было покоя на наших четырехъярусных нарах. А на следующий день рано утром нас поднимал дикий крик дежурного полица: «Подъем! Вставайте, паршивые ленивые морды!» Натянув на себя сырое тряпье, мы тянулись — с песней, попробуй не петь! — строевым шагом в деревянных колодках на ненавистную работу.

Рядом с нашим корпусом, за двойным проволочным забором, как положено, стоял кирпичный дом. Каждое утро на балкон второго этажа выходил немец и по-немецки пел «Интернационал», и никто не обращал на него внимания. Оказалось, рядом с нами была психиатрическая больница, и пел ее пациент. Ну, думаю, у нас если не расстреляли бы, то, по крайней мере, убрали бы подальше, если бы кто-нибудь запел что-то «контрреволюционное».

Штрафная команда обслуживала большие хозяйственные склады. Все, что касалось сборных домов — от стен до отопления и всего остального, необходимого в благоустроенных домах, — хранилось на этих складах. Все мы были грузчики и рабочие по складу. Работа была тяжелая, тем более для умиравших от голода. Только недавно, в 1992 году, узнал: дневной рацион для пленного научно был рассчитан так, чтобы человек умирал от недоедания через два-три месяца!¹

Еще раз о том, как я выжил. Это было не очень просто. Главное: это длительные занятия спортом. У меня была громадная выносливость и сила воли, а начал я заниматься спортом в 1924 году семилетним малышом. Во-первых, я прочел об индейцах, пробегавших без отдыха до 100 миль. Это мне понравилось, и я стал передвигаться только бегом: в школу, с каким-нибудь поручением родителей; таким образом, я так привык к бегу, что хотя сейчас мне уже 76 лет, но если я тороплюсь, то не иду, как полагается солидному человеку, а бегу. Летом в наш городок прибыл цирк. Для мальчишек что может быть увлекательней, в какой бы части света это ни произошло. Мы выпрашивали у родителей деньги на билет, но не всегда их получали, потому что готовы были ходить в цирк каждый день, и это нашим мамам и папам не очень нравилось. Я и тогда уже отличался предприимчивостью и стал пробираться на представление «зайцем»: подлезал под брезент или проникал через служебный вход и в конце концов так примелькался и надоел всем своей настойчивостью, что на меня махнули рукой. Я стал своего рода другом цирка (не прошенным). Но одному акробату я понравился, и он стал меня тренировать по партнерной акробатике. Кроме меня он взял еще одного парнишку. Мы добились больших успехов; я уже до этой учебы умел стоять и ходить на руках — хотя этого

¹ Это не так. Сам по себе рацион был минимальным, но не смертельным. Другое дело — исполнение рациона, в действительности уменьшавшегося от внутрилагерного воровства.

тренер нам не разрешал. Но занятия пришлось прекратить из-за протеста родителей.

В лагере, когда мы приходили на работу, нас по мере надобности разбирали немцы. И вот однажды на разборе нашего брата по бригадам (день, вернее, утро было отвратительное) мы стояли в строю — замерзшие, съезжившиеся, жалкие, изможденные фигурки. А наш старший полицаи (москвич), имени не помню, распределял нас по заявкам мастеров. Вокруг него крутилась девушка и пыталась что-то ему объяснить; он недовольно отмахивался от нее и занимался своим делом, тем более что по-немецки он смыслил почти «с нулевой отметки». Когда они оказались возле меня, я вежливо обратился к немке с вопросом: что ей нужно? Оказалось, их «сине-желтый» оболтус, помогавший в складе, заболел, и она просит замену. Я попросил взять меня в склад. С трудом наконец обратив внимание полицаи на себя, она сказала ему, что забирает меня на склад. Полицаи, не обратив внимания на тот важный факт, что я «желтый», в знак согласия махнул рукой, и мы ушли в склад.

Склад был заполнен массой различных инструментов, лежавших в пирамидах по 100 штук. Если из пирамиды был взят инструмент, на бумажке рядом отмечалось, сколько взято. Так очень просто велся учет. Завскладом был старичок Лангман или Лагман (запомнился, потому что у нас в полковой школе 37-го танкового полка в г. Пятигорске был помкомвзвода с такой фамилией, но, конечно, не немец). Еще здесь работали две девушки: Эйлен, которая меня привела, и Хильда.

Эйлен было лет 19, а Хильде — 17. После работы на погрузке мне казалось, будто я попал в рай. Я лез, как говорится, из кожи, надеясь завоевать их симпатии. Все распоряжения выполнял молниеносно и с немецкой точностью и аккуратностью, привитыми мне мамой. (В детстве она требовала выполнять заданную работу только хорошо, а если сделал плохо, заставляла переделывать, и это приучило меня к старательности: лучше один раз исполнить хорошо, чем несколько раз делать одно и то же.)

Я нарочно коверкал немецкие слова, девушки смеялись, поправляя меня, и хотя работы было мало, я сумел понравиться своим начальникам и без подобострастия, которое я при всем желании не смог бы проявить, поскольку эта черта в моем характере совершенно отсутствует. Работы было немного: привозят, допустим, три ящика с плоскогубцами, мы вскрываем их и с шутками и прибаутками раскладываем по сто штук аккуратными пирамидами на полках. Так прошло несколько дней, и мы подружились. Создался «дружный коллектив» (почти коммунистический). Иногда то один, то другой приносили мне из дома понемногу съестное: получалось, что ежедневно я имел добавку к своему жалкому пайку.

(Еще забыл сказать: опустошенные ящики мы разбирали, доски связывали в пакеты, гвозди выпрямляли, железные полоски скатывали, и все это отправлялось на заводы. На полу — ни железки, ни винтика.)

Прошло несколько дней. Погода не жалуется: серый рассвет, мелкий дождь. Я на разводе рабсилы, как и вчера, и позавчера, иду к своим немцам, и вдруг слышу некультурный окрик старшего полицая: «Куда попер? Пошел на место!» — оказывается, «сине-желтый» выздоровел. И меня погнало, наверное назло, на самую тяжелую работу: грузить стенки сборных домов, а они, во-первых, тяжелые, а во-вторых, на руках от них оставалось много заноз. Поработал я около часа, смотрю, бежит мой верный друг Эйлен забирать меня на склад.

Оказалось, что сначала она обратилась к старшему полицая с просьбой вернуть меня, но ей ответили, что на эту работу посылают только будущих верных сынов рейха, т. е. «сине-желтых». Тогда она побежала к коменданту и пожаловалась на старшего полицая, который отобрал у них человека, хорошо работавшего и владеющего немецким языком, и прислал другого, ничего не понимающего. Комендант приказал вернуть меня в склад.

Это, к сожалению, была временная победа. Полицай во главе со старшим затаили на меня жуткую злобу.

Не пожалели они и Эйлен. Они сказали переводчику, что якобы мы с Эйлен — любовники. Это во времена владычества нацистов было тяжелейшее преступление и грозило строгим наказанием вплоть до расстрела. Переводчик приказал немедленно привести преступника, что полицией было выполнено с большим удовольствием. Конечно, если бы у меня был бы вид как до плена, моя песенка была бы спета!

После работы меня привели к переводчику. Это был бывший фронтовик без руки, на груди много орденов; как только увидел, какой жалкий, изможденный «любовник» стоит перед ним (я взвесился на складе — 38 кг!), на его лице появилась ироническая улыбка, он пытался сохранить серьезность, но попытка не увенчалась успехом, и он захохотал! Ну, какая уж тут любовь! По поговорке: «не до жиру, быть бы живу»! Любому человеку с головой на плечах, а не капустой, было бы понятно — обвинение не стоит и гроша. Без лишних слов переводчик приказал идти мне в камеру, а полиция презрительно, через плечо, кинул: «Идиоты!»

Вся группа этих продажных собак последовала за мной, и, когда мы вышли в коридор, они свалили меня и начали избивать ногами и кулаками. Моя кавказская с украинской примесью кровь взбунтовалась. И, не надеясь остаться в живых, решил хоть душу отвести перед смертью: они меня колотят, а я, собрав все силы, ругаю их, на чем свет стоит: «Предатели! Сволочи! Война кончится, продажные шкуры, всех вас перевешаем!» Пока меня колотили, я выложил все, что о них думал. К моему удивлению, в самый разгар моего ругательного вдохновения они ушли, и я остался жив. Устали, наверное.

Кое-как забрался я на свои нары и затих там. Ребята сочувствовали мне, водички принесли, а что больше они могли сделать? До сегодняшнего дня не могу понять, как я остался жив со своим характером. Ведь они могли совершенно спокойно отправить меня на тот свет, не неся никакой ответственности. И это не единственный случай,

вспомнить хотя бы Федора, полица в Ржеве, когда он застрелил молодого парня и приказал мне снять с убитого пальто, а я отрезал: «Сам снимай!» Тогда я тоже был уверен, что пришел мой конец, но Бог (или Аллах) миловал. Каждый раз в подобных случаях, когда буквально каким-то необъяснимым, фантастическим случаем я оставался жив, то вспоминал слова старого колхозника, обратившегося к нам, только что попавшим в плен: «Не знаю, как вы, ребята, а этот останется жив», — и он указал на меня. Я был в толпе и ни словом и вообще ничем себя не проявил.

Работа на складе, как уже отмечалось, была по поговорке «не бей лежачего». Лангман нашел во мне неплохого собеседника; особенно он любил рассказы о жизни на моей родине, на Кавказе. Девушки продолжали поддерживать меня провиантом, а старший мастер снабжал табачком. Приносили все это в небольшом количестве, самим жилось не так уж привольно, времена менялись, немцы отступали и, соответственно, уменьшался грабеж оккупированных ранее стран. Полюбили немцы песни «Катюша» и «Волга-Волга». На мотив последней сочинили другой текст, что-то вроде: «Твои глаза полны слез» («Дайне ауге штейн фоль тренен»). Конечно, столько лет прошло — пятьдесят! — все забыто.

Однажды мы с Эйлен здорово поспорили. Она назвала всех пленных некультурными людьми, а я разозлился и заявил: «Нет! Это немцы некультурные!» Моя оппонентка демонстративно расхохоталась: «Ха! Ха! Немцы некультурные! Какая чепуха!» Я ответил: «Конечно, я не буду спорить, ваша культура стоит на очень высоком уровне: искусство, наука и другие стороны жизни. А в отношениях к людям страшное бескультурье, и за примерами далеко ходить не надо: мне 25 лет, а на кого я похож? Зовут: эй, старик! А другие? Лучше? А ты говоришь — культура! Разве культурный человек может допустить к себе подобному такое безобразие, такое варварское отношение. А ты говоришь о культуре!» Моя собеседница признала мою правоту.

Когда не было работы, мы забирались на стеллажи и, когда я выучил тексты, на верхней полке начинался концерт соединенными «национал-коммунистическими» силами. Так продолжалось, может, с месяц. На работе я отдыхал, и эти дни были самыми счастливыми за все время жизни в плену. Когда я возвращался в лагерь, мне не было прохода от придирок и издевательств полицаев. Они пытались уговорить меня воровать швабры и разный инструмент, прибегая, как они думали, к «бесспорным аргументам» (палке): «Вот, видишь, как другие "желтые"» заботятся о лагере, каждый что-нибудь несет с работы, а ты не хочешь, чтобы в лагере было чисто». Но никакие «аргументы» не могли заставить меня нанести ущерб старику Лангману. Кроме этого, я чувствовал какой-то подвох: очень уж возлюбили полицаи лагерную чистоту. И я оказался прав.

Пару дней меня не трогали, я подумал: наверное, я им надоел, нашли другую забаву. Оказалось — ошибался. Получили мы товар, возимся с сортировкой, смотрю — идет по складу полицаи, прошел вдоль стеллажей и вышел. Кроме меня, его никто не заметил. Через час примерно зашел старший полицаи с полицаями, подходит к Лангману и приглашает, жестами, конечно, выйти из склада. Я заинтересовался и вышел тоже. Лангмана провели вокруг склада и показывают мастеру: под окном в траве лежат швабры и трубка Лангмана. Кое-как втолковали старику: видишь, мол, вы его защищаете, а он вас обворовал. В результате этой провокации меня опять отправили на погрузку. Не смог я убедить мастера, что, в конце концов, для меня не было никакой выгоды в такой краже, да он и не дал возможности говорить. Итак, лишившись такой мощной защиты, я понял, что подходит мой конец. Уж очень сильно было убеждение у немцев, что все советские люди — воры.

И грустно на душе, и страшно стало. Пропало все: и приятный воспитанный старичок Лангман, и хорошие и, кстати, хорошенькие, немецкие девушки, и их помощь, и защита. Теперь двадцать четыре часа я под властью не-

навистных полицаев. Был еще склад риса и гороха, каждый день шла работа по выгрузке и погрузке вагонов. Но туда брали только «сине-желтых». А для этого надо было подать заявление о желании служить в немецкой армии. Некоторые писали это заявление, рассчитывая, мол, попаду на фронт и перебегу к своим. Предположим, размышлял я, все пройдет удачно: меня с великой радостью переоденут в нашу форму, и пойду на фронт; но, во-первых (о чем мы узнали после войны), таких перебежчиков, как правило, расстреливали как изменников; а во-вторых, написанное и личной подписью удостоверенное заявление навсегда становилось доказательством измены. Иди потом и доказывай через годы, что ты был пай-мальчиком. Из этих соображений я решил никаких заявлений не подавать. И без этого всю жизнь косились на меня с недоверием.

Четверо ребят, ходивших работать «на рис», как мы говорили, жили неплохо. На работе в обеденный перерыв им варили громадную кастрюлю риса, вдобавок, после работы тащили в лагерь рис и варили ужин. Да еще друзья подкармливали. Продавать или менять негде было. Остальная масса «желтых» не была платежеспособна.

Однажды наш переводчик, парень статный, немного полноватый, на вид благодушный, по крайней мере, не злой, стоял у нашей казармы и чему-то улыбался. Я решил использовать выгодную ситуацию и ринулся «в атаку»:

— Господин переводчик, устройте меня на работу «на рис». Уж очень я ослабел и изголодался!

— Пиши заявление и сей же час пойдешь туда работать!

— Господин переводчик! Ну, какой же из меня солдат?! Еле хожу, еле дышу, от ветра падаю, окрепну вот, тогда другое дело! А сейчас можно написать что угодно, все равно толку не будет!

Конечно, трудно вспомнить подробности разговора полувековой давности, только основной смысл передать бы. Мне удалось убедить переводчика. Не знаю,

как это у меня получается, но в острых, критических ситуациях я начинаю чувствовать какое-то сильное напряжение или мобилизацию всех чувств организма, и голова работает энергичней, мысли молниеносно сменяют друг друга в поисках лучшего варианта поведения в данный момент. Появляется способность или таинственная сила убедить оппонента или начальника в своей правоте и решить вопрос так, как хочется мне, не имея никаких весомых оснований.

На этот раз я восторжествовал. Переводчик распорядился включить меня в «рисовую команду», хотя этим нарушил установленный порядок, а для немцев это был необычный поступок.

У немцев была не то поговорка, не то лозунг: «Порядок и дисциплина — дисциплина и порядок», и то, что переводчик пошел против этого принципа, меня очень удивило, наверное, он был все же добрый человек.

Первый день работы на складе. Мастер дает мне двухколесную тачку и приказывает подвозить мешки с рисом, весом в среднем 115 кг, к конвейеру, вываливать мешок на движущуюся ленту, а в вагоне два здоровенных парня подхватывали и укладывали их.

Как я ни исхитрялся взвалить проклятый мешок на тачку, при соотношении наших весов 1 к 3, мне это было не по силам. Я боялся, что меня выгонят: «Ну же, залезай, дорогой мешок, ложись, ведь выгонят меня», — но он упорно стоял на своем. Трудно передать, какой страх я переживал перед угрозой, что меня отправят назад под власть неумолимых полицаев на погрузку, побои и голодовку.

Немец заметил мои бесплодные попытки, подошел ко мне и совершенно без усилий взвалил мешок на тачку. Невольно вспомнилась песня «Дубинушка»: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину, а наш русский мужик, коль работать невмочь, он затащит родную дубину! Эх, дубинушка, ухнем... и т. д.». Оказывается, все очень легко! Надо слегка подсунуть нижний край вагонетки под мешок. Ухватиться одной рукой за

угол мешка, потянуть на себя, одновременно нажимая другой рукой на рукоятку тачки вниз, и готово — мешок безо всяких уговоров укладывается на место. Сама тачка была так хорошо сбалансирована, что я со своей силой котенка свободно возил ее.

И я начал работать наравне со всеми. В обед наелись рисовой каши, сваренной, правда, на воде, зато — ешь, сколько хочешь. Дополнительно во время работы мы раскладывали на цементе кучки гороха и поливали водой, когда он достаточно размокал, мы его ели. Очень вкусно, можете попробовать, только перед этим надо этак дней с десяток ничего не есть.

В лагере бедняги «желтые» не давали нам прохода, умоляя принести хоть немного риса. Это было очень трудно. Наша четверка могла незаметно вынести 10–12 кг риса. Этого хватало на 50–60 человек, а голодающих было гораздо больше. Пошевелив мозгами со своими друзьями, мы отработали наиболее безопасную и продуктивную систему хищения риса. Многие ребята работали неподалеку от нас. Я предложил, чтобы они перед уходом на работу снабжали нас тарой по несколько небольших сумок. Мы во время работы наполняли их и, используя каждое отсутствие кладовщиков, а их было всего два человека, прятали сумки в условные места, ребята забирали их и относили в лагерь. Просто и практично! Таким методом удавалось доводить добычу риса до 50, а в особо удачные дни до 100 кг. Пустые мешки мы забрасывали на бурты, и это была крупнейшая ошибка, погубившая нашу систему, а с ней и нас.

В лагере немцы разводили кроликов, и для них в громадном котле, наверно, в полтора кубометра, варили похлебку. Ребята приспособились варить рис в этом котле. Брался для этого плоский, двухлитровый котелок, заливался горячей водой рис, из проволоки делался крючок, котелок на три четверти погружался в котел, укреплялся на его краю и, пожалуйста, через 25 минут жратва готова! Просим к столу! Так продолжалось недолго. Может, око-

ло месяца. Однажды полез немец наверх, не знаю, какая нелегкая сила потащила его туда, и он с ужасом обнаружил около 20 пустых мешков. Правда, на этот раз обошлось без шума; наверное, потому, что их самих могли спросить: «У вас под носом украли около двух тонн риса, а вы ворон ловили в это время?» Ограничились разгоном нашей команды. И наша благотворительная деятельность, к великому сожалению, закончилась. Теперь я шучу, но поверьте, мне было не до смеха — я снова попал во власть своих врагов.

Итак, «рисовая афера» закончилась. Но рисковали мы не напрасно: работавшие на погрузке немного окрепли, да и остальным ребятам оказали хоть и не очень уж большую помощь, но чем могли, помогли.

В госпитале

Ходил я в деревянных колодках длительное время и в результате сильно растер ступню возле пальцев, образовался гнойный нарыв. Стал ходить босиком, все равно больно. Да и рана засорялась. Пошел в санчасть, к фельдшеру, тоже из пленных. (Была у нас в лагере «забота о людях», какая — это другой вопрос.) Попросил фельдшера освободить меня на пару-тройку дней от работы. «А что у тебя?» — я показываю, благо нога босая, нарыв был виден хорошо. Он подошел поближе, поднял свою ногу, обутую в сапог, и изо всех сил каблуком ударил по больному месту да еще с поворотом. Наверное, не надо описывать испытанную мной боль. Я совершенно не ожидал такого дикого поступка, но сумел сдержать себя и, не поморщившись и даже не охнув, повернулся и отправился на работу. Ненависть придавала мне силы. Из гордости даже глазом не моргнул. Шли дни. Я опять начал худеть и слабеть. Паек паршивый, на работе тычки и гонка. Ни крохи не достанешь. Новые ребята «на рисе» боялись

воровать, их так напугали, что при упоминании о нем они просто от нас убегали.

Пришла мне в голову смешная, можно сказать фантастическая мысль, а если вспомнить, как поступил со мной этот фельдшер, то и вообще абсурдная — я решил, что пойду-ка к этому зверю и попрошу его: признай меня (хотел напечатать «друг», но не поднялась рука) неизлечимо больным, и тогда меня отправят в общий лагерь.

Вот я подошел к нему и спрашиваю, не надеясь на ответ:

— Ты откуда?

Он ответил:

— С Украины.

— Мать есть?

— Есть.

— Наверно, и девушка есть?

— И девушка есть.

— Они тебя ждут?

— А как же? Конечно, ждут.

— А я из Грузии, город Тбилиси. Меня тоже ждут и мать, и девушка, и могут не дожидаться. Объяви меня неизлечимо больным, чтобы меня отправили в общий лагерь!

— Хорошо!

Услышав такой нежданный, но желанный ответ, я так обрадовался, как будто получил вольную. Шел ведь просто так, без надежды. Так утопающий хватается за соломинку. Опять я вспомнил своего предсказателя. Конечно, общий лагерь не дом отдыха в Махинджаури, как можно подумать, прочитав, с каким восторгом я туда собирался, и все же — это не штрафная команда. Для справки: в лагере Ламсдорф в яме (могилей ее не назовешь) зарыто 125 или 130 тысяч пленных. Каждый день покойницкая команда на телеге собственной тягой, без лошади, вывозила до ста человек, умерших в основном от голода. Навалом сбрасывали в яму, немного присыпали землей, и на этом похороны заканчивались. А сотни тысяч родных до сих пор не знают, где лежат их сыновья.

В госпитале — это несколько бараков — меня положили в отделение инфекционных заболеваний, хотя фактически этот диагноз поставил фельдшер. Это для меня обернулось некоторыми неудобствами. Немцы запрещали нам болтаться по госпиталю во избежание распространения заразы. Мы, конечно, не очень подчинялись этим постановлениям и только старались реже попадаться на глаза медикам. Не знаю, получил ли кто-нибудь медицинскую помощь, я, например, не видел. Кто посильнее, выздоравливал сам, «по собственному желанию», а те, кто послабей, умирали, и это медперсонал не волновало. Нас они изолировали, охраняя себя. Были там мои земляки — врачи-грузины, фамилий не помню, лежал больной грузин, Герой Советского Союза. Куда он делся — не знаю. Близко мы не сошлись. Они выглядели неплохо. Я представился тбилисцем, отнеслись они к этому с прохладцей, а я, со своей стороны, не проявил навязчивости и больше к ним не подходил, не хотел вызывать подозрения.

Как и в штрафной команде, я сильно голодал. «Наш» (в кавычках!) лагерь Ламсдорф находился в двух километрах от госпиталя. Там у меня был приятель Петька по прозвищу Стос, он был картежник, поэтому и получил такое прозвище. Но не важно, кем он был, самое главное, он был верным товарищем. Кроме этого, он, по-видимому, был связан с подпольем, потому что все важные сообщения о наших победах на фронтах немцы печатали в своих газетах обычно через несколько дней, а Петр уже на второй день ходил по баракам и потихонечку кое-кому сообщал радостные вести. Через 30–40 минут о них знал уже весь блок, а это до 1500 человек, еще через час — весь лагерь. Я никогда не пытался узнать у него, откуда он получает информацию, считал, раз он не говорит, значит, так нужно. А если я начну проявлять любопытство, Петр может заподозрить меня, и наша дружба полетит к чертям. О нем-то я и вспомнил. Были еще два приятеля: Гриша и Костя, греки. Когда их привели в блок, они еле двигались, а я ходил на «калымную» рабо-

ту, понемногу их поддерживал, и они впоследствии меня за это отблагодарили.

С Петькой мы познакомились так. В лагере была команда из 50 человек, рывшая громадный и глубокий котлован, находившийся в нескольких метрах от англо-американского лагеря. Американцы и англичане щедро снабжали ребят и питанием и сигаретами. Обед американцам и англичанам варили из их собственных продуктов. Все они выглядели прекрасно, занимались спортом, даже угощали своих сторожей. Наша братва приносила с собой на работу громадные, литров по 12, банки, в которые американцы наливали обед из своей кухни. Примерно 500 литров отличного супа попадало на наш блочный базар, туда же поступали все остальные подарки.

Союзники не знали, конечно, кого они кормили на самом деле. Эта разбойная команда наживалась и, подкупая полицейских, в свою команду не допускала неугодных лиц. Это были в полном смысле богатые люди, причем без стыда и совести, зажившие и безжалостные. Некоторые даже имели драгоценности. Умиравшие от голода отдавали все за корку хлеба. Некому было жаловаться, и не было рынка сбыта.

Во время моего первого пребывания в лагере я делал желающим татуировки, по лагерному — наколки. И вот один из этих «князей» захотел, то есть, извините, «его сиятельство пожелали» иметь красивую наколку и пригласил меня зайти в их барак вечером после работы. Я явился, но в дверях барака меня встретил парень (это и был мой будущий приятель Петька) и довольно недружелюбно спросил «куда я прусь». А я был нервный, хоть и потерял много килограмм, не стерпел и ответил ему тоном повыше, что-то вроде «а твое какое, собачье дело?», и завязалась перепалка.

Оказалось, он был в чине старосты барака и отвечал за сохранность имущества, а так как туда лезло много народа просить милостыню (бесполезная затея), староста был тоже нервный. На шум вышел мой клиент, еле успо-

коив Петьку, пригласил меня войти. Я показал ему свой альбом, в котором отчасти рисовал сам, но много рисунков было из найденных журналов. Помню один с обложки книги, по-моему, изданной в Аргентине про золотые прииски, куда пробрались советские большевистские бандиты и подняли восстание рабов. На обложке был нарисован здоровенный мужик, голый по пояс, в одной руке он держал пистолет, в другой — нож, рожа — отвратительная. А перед ним на коленях стояла обнаженная девушка с поднятыми руками, по всему видно, просящая пощады. Этот рисунок кололи на спине. Еще моя особенность: на работу уходило часа три, производилось несколько сот уколов под кожу двумя иглами, а мои клиенты в это время спали! Рисунок имел большой успех. Не думайте, что желающих было много, основной массе не до этого, поесть — вот основная задача.

Наконец, клиент выбрал небольшой рисунок, а продолжавший злиться на меня Петька, сидя против нас, свирепо вращал зрачками и бурчал себе под нос: «Разве так делают наколки? Ничего не выйдет!» — и так далее, видно, от всей души желал мне неудачи. Через несколько дней, когда зажили шрамы от уколов, стало видно отличное выполнение работы, и тогда Петька подошел ко мне и с покаянным видом попросил исправить у него на груди татуировку: «Кололи орла, а получилась курица», — как самокритично объяснил он. Я переправил ему курицу на орла, и мы стали знакомы. Особой дружбы не было, но в деловых отношениях мы друг друга поддерживали. Самое главное для меня — это была его связь с подпольщиками, а остальное поведение меня не касалось.

Через пару недель Петька разругался со своей элитой и поселился в нашем бараке. Стал ходить на работу. Как-то раз под вечер сижу я на своих нарах — от входа направо третьи нары (верхние). Вдруг влетает Петька, подбегает ко мне, бросает в меня мешком (солдатским) кричит: «Пусть у тебя побудет» и молниеносно убегает. Я заглянул в доверху набитый мешок — французские сигареты! Они

высоко ценились за крепость, одну сигарету можно было курить несколько раз. Сижу и думаю: что-то здесь не так. На всякий случай взял свой пустой мешок и отсыпал туда пачек тридцать сигарет, повесил над головой, а остальное отдал на сохранение соседям. Они были порядочными ребятами. Минуты через три летит полицаи Мишка, подбегает ко мне, схватился за край нар и кричит:

— Где Стоса мешок?

— А тебе какое дело?

— Давай сюда скореей!

— Если тебе надо, бери сам, я чужим добром не рас-
поряжаюсь!

Пришлось рассвирепевшему Мишке лезть самому на нары за мешком.

Минут 10 спустя является Петр. Оказывается, их команда работала возле закрытого продуктового склада Международного Красного Креста. Петр ухитрился вскрыть его и проникнуть внутрь, а там — битком набиты разные дефицитные продукты и сигареты. Он из еды не взял ничего, и правильно сделал, ведь за сигареты в лагере что угодно можно было выменять, тем более на французские, особо крепкие сигареты. Он набил мешок и решил сказать ребятам, чтобы они тоже использовали такую блестящую возможность — заходили по два человека и набивали мешки.

Где там! Какие по два! Все рванулись толпой, там же на складе начали открывать и жрать, как будто нельзя было подождать несколько минут, а потом набивай свое брюхо, пока не лопнешь! Конечно, немцы заметили эту подозрительную суету, устроили обыск и почти все отобрали, только Петр сообразил и припрятал во время обыска свой вещмешок в кустах. Но когда пришли в лагерь, Петр заметил, что один из пленных начал что-то шептать полицаю на воротах, и тогда он прибежал в барак и бросил драгоценный мешок мне на нары.

После этого случая мы жили неплохо, сильного голода не ощущали. Петр честно делился со мной.

Вот об этом Петьке и о своих греках я и вспомнил. Но как сообщить им, где я нахожусь? Между прочим, кругом больничных барачков были посажены цветы, нам выдавали белье и пару раз в неделю по кусочку свеклы, грамм 30 весом. Старожилы говорили, что лазарет «показательный»: когда приезжали инспекторы Международного Красного Креста, их приводили в этот лазарет. Здесь, как и в лагере, существовала покойницкая команда, но вначале я не обращал на нее внимания: команда и команда, ну, и бог с ней, очень печальные мысли появлялись при ее виде. Но однажды пришлось мне о чем-то заговорить с одним из этой команды и оказалось, что они приезжают сюда со своим страшным транспортом из Ламсдорфа! Я немедленно написал своим грекам записку и попросил одного из «покойницкой» команды передать ее. Конечно, пообещал отблагодарить за труд. Попросил ребят прислать мне лагерной валюты, т. е. табаку. (Забыл: пленные американцы и англичане каждую субботу передавали для нас подарки — разнообразную снедь. Что получше, охрана оставляла себе, остальное делилось между нами. И хотя по количеству это было очень мало, зато очень качественное: шоколад, печенье и др. По весу это было грамм 200, но для нас — большая поддержка. После дележа открывалась «ярмарка».) Обо всем этом я написал Петру. У меня была надежда, что мой посыльный найдет скорее Петра, чем греков, правда, надежда не очень большая.

Но все получилось хорошо. Петр прислал мне пачку сигарет и пачку махорки, а я все это богатство выменял на американскую помощь, угостил посыльного, часть послал Петру, и себе, конечно, оставил.

Поскольку мне «припаяли» звание инфекционного больного, вырваться из лазарета было нелегко. С большим трудом удалось перевестись в другое отделение. Вспоминается сосед: молодой парень, армянин сложения богатырского, рассказывал, что тринадцать раз убегал из плена. Однажды, будучи в лагере во Франции, ухитрился

в очередной, не знаю в какой раз, убежать, попал к англичанам, они перевезли в Англию, а затем в США. Там ему очень понравилось, жизнь хорошая, относились к нему прекрасно, но все же отправили в Сибирь. Снова попал на фронт, и опять немцы захватили в плен. Очень его рассказы напоминали истории барона Мюнхгаузена.

Снова в Ламсдорфе

Наконец нас, несколько десятков человек, не умерших после «лечения» в госпитале, направили в Ламсдорф, и я опять оказался в рабочем блоке.

Но забегу немного вперед.

Часто днем на большой высоте, там, куда не доставали зенитки, над нашим лагерем пролетали эскадрильи союзников — американские четырехмоторные бомбардировщики. На такой высоте они казались большой безобидной стаей птиц, и только сильный гул мощных моторов, от которого вибрировали наши грудные клетки и дрожала земля, показывали, что безобидность эта мнимая. Могучие птицы летели стаями по 30–40 машин, может, и больше, теперь не помню. Пытался сосчитать всех, дойду до 1200, а дальше сбивался со счета.

Вдруг видим, несколько десятков «птичек» плавно, все как одна четко планируя, сворачивают вправо, и через несколько минут слышим сильнейшие разрывы бомб. Вот так «птички»! Еще мгновение — и новая стайка направляется влево, и мы снова слышим ужасный грохот.

Наша охрана от этого явно была в плохом настроении, что совершенно понятно. Ну, а мы в это время радовались. Может, это характеризует нас не с хорошей стороны, даже наверняка это так, но в то страшное время противоборства наше злорадство, злорадство мучеников, обреченных на верную смерть от голода, наверное, все-таки можно было простить. Мы не думали, что эти

бомбы несли смерть в основном мирным жителям. Шла жестокая бойня, и обе стороны не уступали друг другу в жестокости.

Через несколько дней произошло еще одно событие, гораздо более значимое для нас, чем налет бомбовозов. Однажды вечером наши подпольщики получили сообщение о взятии Сталинграда советскими войсками. В лагере в целях маскировки ночью свет не зажигали, и ходьба была запрещена под страхом смерти. Можно было ходить только в туалет по слабо освещенной дорожке. Нарушитель, свернувший в сторону, получал пулю.

Но при этом известии нас охватила такая буйная радость, такое счастье и всеобщее воодушевление, что об этом никто и не вспомнил. Казалось, неожиданно прибавилось сил, и не только здоровые, но и вчерашние доходяги, до этого еле переставлявшие ноги, и калеки, буквально весь лагерь единодушно плюнули на все запреты и страхи и пустились кто во что горазд — там поют, здесь кавказцы танцуют лезгинку, а рядом, наверно, моряк старательно-старательно, не обращая внимание, есть у него зрители или нет, выплясывает «Яблочко»; друзья обнимаются, а многие подбегают к вышкам с часовыми, грозят им кулаками и кричат: «Сталинград капут!», «Дойчланд капут!», «Гитлер капут!», и не было сделано ни одного выстрела. Настолько мощный был подъем духа, казалось, крикни кто: «Ребята! Вперед в атаку!» — и кинулись бы как один, а 25 000 человек — это вам не фунт изюма! Никакие колющие проволоки не сдержали бы такую массу. Несомненно, немцы понимали это, и не только не открывали огонь, но вообще притихли: ни их, ни полицаев не было видно, все забились по углам. Для нас это великое событие было загоревшимся огнем надежды на приближение свободы. Конечно, если бы мы знали, что для многих, вернее для большинства, несла эта свобода! Все равно для нас это был первый праздник Победы.

Вернусь к моменту возвращения в Ламсдорф. Из госпиталя (собственно говоря, непонятно, почему этой мо-

риловке было присвоено такое высокое звание, мориловка — вот более подходящее название) проклятые полицаи выпустили меня в таком рванье — даже пленному неприлично было в нем ходить: «А твое заразное тряпье сожгли!» Соврали, оно хотя и было ношеное, но для продажи полякам еще годилось.

В лагере меня встретила вся троица. Долго они смеялись над моей шикарной экипировкой, наконец сжалились и повели на знаменитый пленный базар. Это был самый настоящий базар, где можно было купить, вернее выменять все, что только угодно, из наворованного на работе, из того, что успела присвоить наша голодная братия: от носового платка до электрического утюга, от бюстгальтера до мясорубки, хотя на эти товары спроса практически не было. Такая уж выработалась психология у голодного человека — тащить все, что плохо лежит. Итак, мы на базаре: каждый продавец во все горло рекламирует свой товар. «Кому курицу?» — вопит один, его старается перекричать другой: «Кому запеканку?» При ближайшем рассмотрении курица оказывается двумя ножками и головой, а запеканка — запеченными в банке картофельными шкурками, и кроме этого, много разных чудес. И все же даже такой неприглядный товар находил покупателя за мизерную цену, например за окурок сигареты.

На мое счастье, друзья в мое отсутствие немного разбогатели и одели меня с ног до головы, и даже презентовали наручные часы (правда, требовавшие ремонта).

И опять потянулись тяжкие дни, наполненные единственной заботой: где добыть еды? Тоска наполняла наши души, и кто был послабее характером, при одинаковой голодовке и остальных условиях погибал скорее.

Однажды я пошел на работу в лес с командой из 15 человек (вместе со мной) на «лесозаготовки». Старший команды (немцы не могут обойтись без того, чтобы не назначить старшего) был грузин (фамилию его я забыл). Мы пилили деревья 10–12 см толщиной на метровые поленья и укладывали их в штабеля. Для нас название «лесозаготов-

ки» смешно было слышать. Я пошел на эту совершенно невыгодную работу, чтобы избавиться от опротивевшего вида лагерных бараков, проволоки и полицаев и побыть на природе. Охранял нас конвой из четырех солдат. А в лесу кругом весна, теплая погода, деревья покрыты молодой зеленой листвой, поют птицы, травка лезет из земли. В общем, курорт. Сел я под кустик, закурил мнимой свободой. Прошло минут 15, а возле меня ходит и ходит солдат, такой невзрачный, щупленький, в очках, по комплекции — не отличишь от нас, стоит только нашу форму одеть и готов еще один пленный!

Оказывается, ходил он по мою душу. Подошел наконец ко мне и как начал читать нотацию! Ой-ой-ой! Прямо политрук батальона! «Ведь вы воспитаны в духе коллективизма, выручки и поддержки друг друга и т. д. и т. п., а ты сидишь и смотришь, как твои товарищи работают — и тебе не стыдно?» Прямо уже я решил присобачить ему чин комиссара полка! Я отвечаю: мне не стыдно, это во-первых, а во-вторых, не хочу быть предателем и воевать против своих. Он удивился: «Какая же здесь война — деревья пилить?» «А такая, если я буду работать, это, во-первых, на пользу Германии, а во-вторых, это освобождает одного немца от работы, и следовательно, он может пойти на фронт и воевать против нашей страны, и получается, что я воюю против своих, а я принимал присягу народу, и пока существует армия, правительство и страна, я обязан...» Солдат внимательно выслушал меня, подумал и сказал: «Да, ты прав. Но если увидишь, что идет офицер, пожалуйста, сделай вид, что ты работаешь». Я с удовольствием согласился. Потом мы долго с ним беседовали. Очень был образованный и культурный солдат. Например, он сказал: «Ваша идея построения коммунистического общества замечательная, но выполняете вы ее очень плохо, и если так будет и дальше, не думаю, чтобы у вас что-нибудь получилось».

Хороший был этот день в лесу, да идти до него мне было тяжело, на ногах были одеты деревянные колодки,

они сильно натирали подошвы ног, и до сих пор, 50 лет спустя, две громадные мозоли напоминают те времена, болят особенно перед сменой погоды, как будто раскаленное железо к ступне прикладывают.

Прожить 3,5 года в условиях голода, холода (летом мы, доходяги, не снимали шинелей) и человеконенавистнического отношения к нам было бы невозможно, не будь небольшого, без лишних слов, количества смелых немцев, помогавших нам, несмотря на большой риск. На мое счастье, эта помощь приходила именно тогда, когда я находился буквально при последнем вздохе.

В Ламсдорфе из нашего блока на работы брали немного людей, в основном набирали по мере надобности. Поэтому, когда приходили «подрядчики», я крутился поблизости и подслушивал, если работа была «колымная», т. е. там можно было стащить съедобное или была возможность меновой торговли, я бегом летел к друзьям и звал на «колым». Если же речь шла о погрузке снарядов, где, естественно, нечего было жевать или стащить что-то годное для обмена, мы прятались кто куда горазд.

Раз я попал на «муну¹» — погрузку снарядов, работали мы часов 12. Ящики весили 60 и 90 кг. Нами, весившими в полтора, а то и в два раза меньше своего нормального веса, эта нагрузка выдерживалась только под страхом расстрела. Обычно, когда нас гнали на работу, я по дороге присматривался и прислушивался к конвою, пытаюсь определить самого добродушного солдата. Подбрав подходящего на это «звание» кандидата, я старался вовлечь его в беседу, задавал разные вопросы о положении на фронте, о его семье, профессии и другой всякой всячине, иногда перевирая для смеха слова, как это бывает у иностранцев. При удачном варианте, если попадался словоохотливый солдат, удавалось провести полный день, не работая.

В Ламсдорфе я провел больше года и некоторые «хорошие» работы знал по конвоирам. Если в это время сво-

¹ От Munition (нем.) — боеприпасы.

их ребят поблизости не было — они попали на другую работу, я старался привлечь ребят из племени «доходяг». В нашем блоке было много перебежчиков, имевших на руках справки от фронтового командования о том, что «такой-то перешел на сторону немецкой армии с оружием в руках». Находились они на льготном положении — работа им доставалась полегче, некоторых посылали на работу к крестьянам. В лагере им выдавали одеяла, табак. Поэтому их сразу можно было узнать по «каиновой печати»: как увидел, идет с одеялом в скатке, уже знаешь — это перебежчик. С ними у нас были отношения очень плохие. Когда было нас больше — мы их прижимали, и наоборот.

Не скажу, что немцы уважали эту категорию пленных, скорее терпели как необходимое зло, относясь к ним как любой человек к предателю (т. е. презрительно, так же относились немцы и к полицаям), но не подавали вида.

Когда я впервые попал в этот лагерь, в этот блок, в нем было всего два сборных барака: в одном здоровые, а во втором — туберкулезники. Уже примерно через год для несчастных этих ребят выделили два блока по три тысячи человек в каждом. О медицинской помощи и речи не было, и на работу их, конечно, не брали. Питание — голая баланда, в основном из картофельных очистков, и триста грамм эрцазброта. Смертность была ужасная. Идем с работы мимо этих бараков, а они, тысячи изможденных, кожа да кости, стоят у колючего забора и кричат, протягивая руки: «Братцы! Товарищи! Пожалейте! Помогите! Не покидайте нас! Умираем!» Сердце переворачивалось в груди от жалости, когда мы слышали эти крики, но чем мы могли помочь? Сами были по виду не лучше; одна, но, конечно, большая, разница — мы были здоровы до поры до времени. Все равно, кто имел хоть малую кроху — делился. Мало находилось отворачивавшихся от этого горя. Пятьдесят лет прошло, и то слезы выступают, когда вспоминаю эти страшные картины.

Однажды привезли рентгеновский аппарат, установили на воздухе и пропустили через него весь лагерь: по

15 секунд тратилось на каждого на всю процедуру. После этого многих ребят перевели в туберкулезный блок. Проверка шла дней 12.

Немцы, молодцы, заботились о здоровье, своем, конечно. Когда нас впервые привезли в лагерь в Ламсдорфе, то сразу повели в баню, раздели догола, вещи повесили на специальные вешалки на роликах и завезли наше добро в дезинфекционную камеру, примерно их прожаривали 45 минут. Нас же запускали по 15 под горячий душ. Для меня это было большой радостью, ведь я не мылся в бане около года. Я постоял немного под горячей водой, испытывая величайшее наслаждение, не торопясь, намылил голову, и вдруг вода перестала течь. Через несколько минут потекла снова, и я продолжил мыть голову, и вдруг вода снова исчезла, а я стою, кое-как раскрыв глаза, вижу, что я остался один, не зная, что мне делать; в это время влетает в душ полицейский — в руках у него шланг: «Ах ты, сволочь, ты что здесь торчишь?»

Я начал объяснять ситуацию, но он не дал закончить, заорал: «А ну, вон отсюда!» — и начал поливать меня ледяной водой из шланга. Я выскочил в холодную раздевалку — еле дождался разрешения забирать одежду из камеры. Вот таким «легким паром» встретила меня Германия.

В дальнейшем в баню нас водили один раз в 10 дней. Я разделил себя на три части: голова, туловище и ноги; и для того, чтобы помыться хорошо, каждый раз я мыл только одну часть. Правда, «легкий пар» получался длинноватый, но другого способа не было.

В лагере почти все поголовно играли «в очко» на хлеб, табак, продукты. В игре каждый всячески старался обжудить своих партнеров, конечно, и я не отставал в этом неблагородном деле. Не помню, откуда у меня появились 4 или 5 новых карточных колод. Один из ребят увидел это богатство, стал приставать, предлагая променять ему хотя бы одну колоду. Да так настаивал, предлагая сразу большую цену! Его большое желание любой це-

ной приобрести карты возбудили во мне подозрение о причине это настойчивости, и я стал отнекиваться, говоря, что мне они самому нужны. Он набавлял цену, а я стоял на своем, и наконец, он сдался. Предложив мне партнерство, под большим секретом он рассказал об особой метке карт. И вскоре я прославился: самый везучий игрок в блоке!

В лагере валютой был табак, все остальное — товар. Больше всего ценился за крепость украинский самосад и французские сигареты, но только одного номера, кажется, десятого. Табак выменивался на работе у поляков за обмундирование: меняли гимнастерки, брюки, шинели, когда имели лишнее и в хорошем состоянии. Иногда удавалось стащить что-либо при работе на складе. Немцы в шутку называли это не кражей, а «русише роте кройц арбайтен» (работой «русского красного креста»). За кражу продовольствия наказывали редко, говорили: «Что ж поделаешь — голод был и украл». Это, конечно, в простых лагерях, а в концлагерях наказывали за все — за косой взгляд, например. А еще видел такую картину: плюнул пленный на землю, а солдат увидел, подозревал, очертил квадрат и приказал вылизать. Наверное, после такого воспитания настроение не улучшится.

Иностранным солдатам присылал Международный Красный Крест пакеты с питанием. Оплачивалось это тем государством, откуда был пленный. Мало того, если родители военнопленного старые, то помогали и им. По возвращении из плена солдату выдавалось полное жалованье за весь период службы, был он в плену или нет. И никаких упреков и косых взглядов. Уже после освобождения английский солдат говорил мне: «Вот приеду в Лондон, кучу денег получу». А я говорю: «За что? Ты же в плену был!» А он от возмущения даже с кровати соскочил: «А что, я сам пошел в плен?» Оставалось только позавидовать. А в Тбилиси, когда умерла моя бабушка, у которой я жил, так как мать имела пятиметровую комнату, меня с женой и крохотным сыном выгнали на улицу, и вообще, как было

написано в судебном документе, мне, бывшему в плену, жить в Тбилиси нельзя! Вот так. И с тех пор мы мыкались по городам.

Однажды мы с Костей-греком попали на работу на станцию Найси (теперь это Ниса), километров в 30 от лагеря. Мы должны были прибрать мусор. Всего нас было 40 человек, везли нас на поезде. Настроение было хорошее: на станции почти всегда удавалось «подколымить», так как мы были разбросаны по всей станции, и конвою трудно было вести очень строгое наблюдение за нашим поведением. Следили, чтобы не выходили за пределы станции, а остальное охрану мало трогало. По русской пословице: «Солдат спит, а служба идет», — конечно, не на все 100 %, но около этого.

Мотаю метлой с деловым видом, а сам наблюдаю за тем, что творится вокруг, и вижу: к товарному вагону подъезжает лошадь, запряженная в телегу, груженную мешками с мукой, возчик — американец, в вагоне два американца-богатыря укладывают мешки в вагон. Телега стоит наискось к вагону так, что можно подойти незаметно; я зову Костю, и мы прокрадываемся в это пространство. Жестами спрашиваю у союзников можно ли нам поживиться? Они осматриваются, немцев поблизости не видно, нам дается «добро» на грабеж. Костя — парень здоровый, не хуже американцев, готовит свой мешок, а я режу мешок крест-накрест и выгребаю муку в новую тару. Потихоньку выбираемся к остальным.

Желая помочь и другим, я обратился к ребятам, растолковал, как надо действовать незаметно, не набирать много в мешки; в общем, провел подробный инструктаж. К сожалению, семена не попали на хорошую почву: все сгубила жадность и неорганизованность. Начало было хорошим, действовали по моей схеме: подкрались вдвоем, наполнили свою тару и отошли, затем следующие двое, но к ним примкнул один слабонервный, за ним кинулся второй недотепа, а за ними с ножами в руках на бедные мешки ринулась вся банда. Этой бравой не к месту ата-

ке не хватало только криков «За Сталина!» На выручку к мешкам прибежали конвоиры и стали разгонять толпу, но она настолько озверела, что немцам пришлось открыть стрельбу из пистолетов, правда в воздух.

Выстроили всех в шеренгу, и начался обыск. Муки отобрали около двух мешков, но у нас не нашли. Как я говорил, Костя еще не был сильно истощенным, сила еще сохранилась. Я накинул на его плечи шинель, а в руку дал мешок, и он держал его позади под шинелью, а у ног положил пустой мешок — это уже по команде немцев. Солдат подошел, потрогал ногой пустой мешок и взялся рукой за шинель, ну, думаю: все, пропала мука! Но он только слегка оттянул шинель, за спину не посмотрел и пошел дальше.

То, что конвоиры отобрали, они и не подумали отдать обратно в вагон, а забрали себе как трофей. Это было перед Масленицей. Мы выменяли маргарин у санитаров, раздобыли соды, на базаре — дрова, и начали печь блины. Понемножку угостили соседей — у нас так не было, чтобы при удаче не поделиться, понемногу угостим. Так мы отпраздновали Масленицу.

Один парень рассказал: на его работе лежат целые горы говяжьих костей, я попросил принести бычьих лодыжек, в этом месте кости самые толстые. Я задумал производить домино. Никакого инструмента, кроме своих рук, у меня не было. Для начала я разбил кости камнем, затем подходящие по толщине обточил на стенке барака, придавая продолговатую форму. Стенка была цементная или бетонная, очень грубая — большой, средний и указательный пальцы я ободрал чуть не до кости. Затем один прямоугольник обработал очень тщательно на кирпиче, потом на гладком булыжнике и закончил шлифовкой на шинели, предварительно натерев ее мелом. Под этот шаблон изготовил остальные 27 штук. Осталось сделать 170 углублений и провести посередине линию. Для этого изготовил дрель, напоминавшую ювелирную: я нашел круглую палку, отрезал кусок около 30 см, забил в торец

толстую иглу, ушко отломил, заточил иглу, как затачивают перку, прикрепил баланс, из ниток свил толстый шнур, привязал к шнуру палочку, накинул шнур на конец палки — и сверлильный станок был готов.

(И до сего времени пользуюсь таким устройством.) Высверлив 170 неглубоких ямок, я сделал вторую дрель, но забил в торец палки не иголку, а гвоздь, затем камнем на камне расклепал шляпку гвоздя и отточил ее так, что она приняла форму полукруга, и я получил возможность делать безупречные ямки. Но их еще надо было зачернить. Я подвесил над коптилкой железный лист на всю ночь. Утром собрал сажу с листа, из куска хлеба добыл крахмал, смешал с сажей и покрасил домино. Партия получилась прекрасная. В период работы много немцев приходили посмотреть, как я работаю. Когда закончил, один «добрый» немец-офицер забрал у меня домино, пообещав принести табак, чай, хлеб, и вот жду до сих пор. Уверен, имею сейчас я самый лучший инструмент, подобную вещь не смог бы сделать.

Думаю, что все эти занятия, возможно, кажущиеся на первый взгляд безрезультативными, на самом деле отвлекали мои мысли от печальной действительности и содействовали выживанию. Вечное уныние, плохое настроение, бесконечные мечты о сытной еде — все это снижало жизнестойкость организма и приводило к печальному результату — концу молодой жизни.

(Иногда, правда не часто, встречались бывшие пленные, пробывшие в плену по году, полтора, успевшие хорошо прочувствовать и запомнить условия лагерной жизни, и не верившие, как это я смог остаться в живых в течение трех с половиной лет. Не верили потому, что, попав в плен, теряли всякую надежду на возможность выжить. В живых оставались редкие счастливчики, попавшие на работу к крестьянам или в такие места, где можно было добыть питание сверх жалкого пайка.)

А еще надо очень сильно, даже я бы сказал страстно, любить жизнь и свободу. Свобода же для нас, воспитан-

ных в рабстве, было слово, вернее понятие, мало знакомое, хотя оно и встречалось на каждом шагу, начертанное золотыми буквами на красном шелке. На это деньги не жалели. Я же с детства был свободен внутри своего сознания (и никто не мог подавить это чувство) и поэтому претерпел в жизни массу неприятностей. Я никогда не мирился с условиями жизни в СССР, и мне здорово везло, что за свой невоздержанный язык я не попал в места не столь отдаленные. Меня всегда упрекали: «тебе все не нравится», и начальство это чувствовало, и, невзирая на мой добросовестный труд (это качество я унаследовал у родителей), я не числился в передовиках. Был только один-единственный случай. Меня на мою беду заметила председательница республиканского Комитета профсоюза госторговли Грузии Феня Павловна Гегешидзе, где я работал в спортивном обществе «Буревестник». В 1947 году она начала настаивать, чтобы я вступил в партию. «Мы тебя продвинем», — обещала. Я ей говорю, что был в плену, я необразованный и т. д., а она все же продолжала настаивать. (Прямо сказать: «Я не хочу» — в те времена означало одеть на шею петлю, и только уход с работы спас меня от крупных неприятностей.)

Вот далеко неполное перечисление моих методов, помогших остаться в живых.

Одно время мы работали неподалеку от немецкой солдатской кантины (магазина). Я заметил, что солдаты заходят в нее, одетые как попало: в расстегнутых мундирах, домашних туфлях (кстати, никто их не заставлял придерживаться уставной формы вне службы), кратко говорят «Хайль!», и то не всегда, и продавец, тоже солдат или унтер, не помню, выкладывает на прилавок сигареты, бутылку рома, что-то еще, рассчитывается, и солдат уходит. Наверное, это был недельный солдатский паек.

Вернувшись с работы в лагерь, я немедленно побежал на «базар», отыскал подходящие, не очень ношенные брюки и китель, конечно, немецкие, а обувь у меня была. В следующую субботу на работу я вышел наряженный в немец-

кую форму. Выбрав удобный момент, зашел с независимым видом в кантину, поднял руку, сквозь зубы сказал «Хайль!» и бросил на прилавок заранее приготовленную бумажку стоимостью в 100 злотых. Продавец ставит на прилавок бутылку рома, сигареты, печенье, что-то еще, не помню, и сдачу. Но тут я не сдержал приступа жадности и попросил его: «Нох цвай пакет табак», — что для немца, воспитанного в духе дисциплины и порядка, было необычно. Однако, не говоря ни слова, он выдал требуемое, хотя при этом посмотрел на меня внимательно.

Ром в этот же день я продал поляку, заработав на этой афере большие проценты. И тут мне пришла в голову гениальная мысль — цвет рома точно совпадал с цветом лагерного чая, завариваемого пережаренной морковкой. Я полез по мусорным ящикам, нашел несколько бутылок и принес их в лагерь. Чай не представлял собой ценности — пей сколько хочешь! Наполнив две бутылки чаем, наскоблив сургуча, залил им пробки и прижал пфеннигом со стороны, где орел. Утром на работе, тайком от конвоя, подозвал поляка и предложил ему ром. На черном рынке его стоимость была 200 злотых. Я запросил 150, сговорились за 100. Поляк, обрадованный удачной покупкой, постарался поскорей исчезнуть. Всего удалось продать 6–7 бутылок. Но потом на мои предложения «Хце, пан, рум?» поляки только понимающе улыбались, и фирма прекратила существование. В следующую субботу я опять нарядился в свой маскарадный костюм, бодро вошел в кантину, подошел с приветствием к прилавку и полез в карман за деньгами. Но продавец усмехнулся и сказал: «Хватит, один раз обманул и довольно!» Отсюда мораль: не жадничай.

Опишу еще один способ отлынивания от работы. Приходит конвой, и я подслушиваю, что забирают команду на «невыгодную работу»: из съедобного там ничего нет, поляки поблизости не работают, поэтому меняться не с кем. Пытаюсь спрятаться — не выходит. Нас человек 300. Подходят мастера и начинают набирать себе бригады, кому

сколько нужно, а мне работать нет никакой охоты, и я, выждав удобный момент, примыкаю, конечно незаметно, к одной из бригад и ухожу с ней на объект. По дороге я ускользаю и начинаю искать тачку и метелку. Набрав немного мусора, я разгуливаю по всей территории, не теряя надежды, чем-нибудь поживиться. При встрече с немцами я с самым серьезным видом начинаю подметать и убирать мусор. Немцы при виде такого усердного дурачка улыбаются и хвалят меня, а сами, наверно, думают: «Вот глупый парень, ради чего старается».

Были и варианты. Например, зима, дров в Германии мало, и канцеляристы в своих конторах мерзнут, и тут появляется спаситель в моем лице. Удрав с работы уже известным способом, я добываю топливо и начинаю выгребать золу из печки, конечно, как я и ожидал, не горячей. Кто-то спрашивает: «Вас махст ду хиир?» Я вежливо, по-немецки объясняю: «Господин фельдфебель дал приказ топить печку». Это сообщение вызывает бурю восторгов (большинство в канцеляриях — женщины), и я обретаю кучу друзей. Все довольны, и, конечно, я больше всех: целый день я провожу на посту у печки! Иногда во время заготовки дров встречался полицай. Следовал «вежливый» вопрос типа: «Что ты здесь бродишь, чертова морда?» — «Меня немец послал за дровами!» Против немца полицай возразить не мог и все же не отказывал себе в удовольствии обругать беззащитного человека: «Ну, катись, сволочь, да зря не болтайся!»

О мучениях нравственных и физических написано очень много, и я не хочу надоедать повторениями, но волей-неволей приходится. А то прочтет какой-нибудь «знаток» лагерной жизни и начнет вопить: «И все немцы у него сплошь добрые, и вся его жизнь в лагерях была одним удовольствием!» А я раза два или три доходил до состояния скелета, даже не обтянутого кожей, как обычно говорят о худом человеке, а (как бы выразиться доходчиво?), ну, скажем, накинули на скелет тонкий материал свободными волнами и тяни его куда угодно, в любую

сторону тянется без сопротивления, а если он становится по команде «смирно», то между ног в верхней части (под тазом) помещаются свободно две ладони — и это значит, что «мяса» там нет ни грамма, а одна кожа да кости.

Один солдат спросил меня, кем я работал до войны, и когда я ответил, что был тренером по плаванию, так он хохотал, долго не мог остановиться, такой у меня былдохлый вид.

По-настоящему сытым я не был ни разу. Вполне, я думаю, понятно, еду мы добывали урывками, а ведь хорошо известно: голодный теряет чувство меры, переедает, и в результате рвота, понос, а то и заворот кишок, а это означало смерть.

При перевозках по железной дороге по несколько дней мы безвыходно находились в до отказа наполненных товарных вагонах без воды, туалета и пищи. Правда, выдавался маршпак — кусок колбасы и хлеб. Но колбаса была для нас очень редким лакомством, поэтому моментально уничтожалась. Набиты вагоны были настолько, что мы могли, притиснувшись друг к другу, сидеть в скрюченном положении. А в концлагере Терезин (Чехословакия) отобрали всех военнопленных — русских, поляков, греков, норвежцев и других наций, посадили в одну громадную камеру около тысячи человек. Спать мы могли так: один ряд от стенки до стенки на левом боку, второй ряд — на правом и так до конца камеры. А если ночью кому понадобилось к параше, и он вставал, ряд немедленно смыкался, и, вернувшись, приходилось ложиться на людей сверху, и постепенно человек вдавливался между лежащими.

Много лет прошло, но забыть все это невозможно. Теперь, когда встречаются трудности, только внутренне усмехаюсь и думаю: «И не такое видел, а жив остался!» А на возню вокруг приобретения модных тряпок, всякого барахла и на борцов за наживу смотрю с удивлением. Неужели не жалко тратить на это силы и время? Самое главное для человека — не барахло, а крепкое здоровье.

На станции Найсе, куда нас иногда гоняли убираться, поезд останавливался на одну-две минуты. Часто в нем привозили небольшие группы американцев по 3–5 человек, и всегда они бросали нам сигареты, а мы взамен давали им разные самодельные сувениры: кольца, мундштуки, иногда — часы. И вот останавливается поезд, и прямо напротив меня — два симпатичных американца, показывают на руку: есть, мол, часы? А у меня как раз были часы, подаренные греками. Я снимаю их, они бросают мне хлеб домашнего печения размером в автопокрышку, но я жестом показываю: мало. Тогда один хватает пакет Красного Креста, еще не распакованный, и опять бросает мне, при этом я чуть не падаю. Я протягиваю часы, но вспомнив, что они не работают, пока их не встряхнешь, энергично трясу и отдаю ребятам: один парень прикладывает к уху, а они, наверное, останавливаются, потому что ребята смеются, поезд трогается, и они машут прощально руками.

Этот пакет был для меня целым состоянием: в нем было восемь килограммов питательных продуктов плюс 20 пачек сигарет. Этого при экономном расходовании хватило на 40–50 дней. Сигарет — 400 штук! Я почувствовал себя настоящим богачом, настоящим американским банкиром.

А однажды я попал в ужасно неприятное положение. Везли нас в Найси, и в нашем купе ехали два американца. Вышли мы вдвоем в тамбур покурить. У меня было самодельное кольцо, очень изящно сделанное. Знакомый мастер поручил продать за 25 сигарет, надеясь, что я встречу с американцами, и частично его надежда оправдалась. Показываю американцу колечко и говорю по-немецки: «Драйсиг (30) сигарет», а он ни слова по-немецки не понимает, берет кольцо и отдает мне начатую пачку сигарет. Я смотрю: там штук 12. Пытаюсь объяснить, что кольцо не мое и что этого мало. Забрал у него кольцо, протягиваю ему сигареты, а он не берет. Я стал отдавать обратно кольцо, он и кольцо не берет.

И как я ни пытался, ничего не получилось, и я оказался вымогателем. Американцы хорошо знали наши условия и поэтому обычно при встречах отдавали нам все, что было в карманах, в основном сигареты, реже шоколад, ведь они не таскали, как мы, все что имели.

При возвращении с работы нас иногда обыскивали и отбирали, конечно, то, что подходило охране. Обычно обыскивали вещмешки и противогазные сумки, но я, как «опытный изобретатель», пришел к шинели карманы. Карманы получились широкие и до самого края шинели, чтобы легче было проносить краденое в лагерь, туда влезало по 3–4 кг картофеля. Проверят мои сумки — они пустые, и я спокойно прохожу в лагерь. Обычно эти обыски устраивали полицаи, а затем отобранное продавали.

Картошка! Это была розовая мечта каждого пленного. Вареная, жареная, печеная, сваренная «в мундире» (т. е. нечищенной), да еще если с дефицитной солью! Пальцы облизывали, но верх блаженства — это пюре с маргарином, хотя на упаковке маргарина была надпись, если только я правильно ее перевел, «сделано из угля». Как-то мы, компания из четырех человек, своего рода «бригада», разбогатели и решили кутнуть. Добыли полкилограмма маргарина и вывалили весь пакет в двухлитровый котелок с картошкой, и я не сказал бы, стало очень вкусно или жирно, так, картошка чуть быстрее проскакивала в желудок.

Еще о картошке. Картинка с натуры. Надо было посмотреть, как изможденный пленный, раздобывший пяток картофелин, приступает к священнодействию приготовления пищи. Это незабываемая трагическая картина под названием «голод»... Нежно, как какой-нибудь драгоценный хрупкий предмет (пожалуй, также нежно только влюбленный держит руку своей девушки), наш доходяга берет в руки картошку и внимательно осматривает ее со всех сторон, запоминая положения бугорков, ямок и всяких хвостиков и корешков, чтобы — не дай бог! — не срезать лишнего при очистке полезного крахмального содержимого любимой и многоуважаемой картошки.

И наконец начинается самое главное. Медленно, важно струится кожица под ножом. При самом точном химическом и физическом анализе вы не найдете на шкурке ни миллиграмма крахмала. И вот картошка в котелке с водой и поставлена на костер. Теперь самое главное успеть до наступления темноты сварить ее, не то часовой с вышки откроет огонь и подстрелит припозднившегося кулинара, столь старательно приготовленное блюдо переварится на осиротевшем костре, а ему уже не нужно будет ничего... финита ля комедия...

После наступления темноты костры жечь не разрешалось. Удивительным было и разрешение варить пищу при дневном свете...

Общеизвестны условия нашей жизни, и все же пленные в своем большинстве не теряли человеческих чувств в отношениях между собой. Некоторые объединялись в компании по 3—5 человек, и это вносило облегчение в борьбе за существование. Наша двойка, а затем и четверка в составе Петра, Гриши, Кости и меня это доказала на практике. Когда я пришел из госпиталя оборванцем и умирающим от голода, эти ребята без моих просьб повели на «рынок», с ног до головы одели и подкармливали некоторое время. Окружающих мы тоже старались поддержать по мере возможности. Это вызывало ответное доброе отношение. Меня, как наиболее ослабевшего «доходягу», ребята назначили на «престижную» должность уборщика, что освободило меня от работы вне лагеря и соответственно облегчило мою жизнь — надо было всего лишь два раза подмести барак. Хотя на «колымную» работу я, конечно, ходить не отказывался.

Когда наша четверка развалилась и моих компаньонов перевели в другие бараки, я присоединился к тройке других пленных, и мы стали ходить в поместье барона убирать картофель. Понятно, жилось нам неплохо, таскали картошку, сколько удавалось спрятать.

Расскажу о работе у барона. Барону жилось неплохо, в какую сторону ни посмотришь — все его земля: огороды, пашня, сады, леса! Команда наша состояла из

10 человек, включая нашу четверку. (Вот тогда я здорово помогал нескольким туберкулезникам. Когда мы, возвращаясь с работы, проходили мимо тубблока, суну им по три-четыре картошки, и самому на душе легче. Страшно было слышать их крики: «Братцы! Помогите! Умираем!» Редко кто проходил мимо, имея возможность помочь. Конечно, наша помощь была незначительна для них, но и мы отрывали от себя последнее.)

Охранял нас старик-немец, вооруженный берданкой. Однажды барон подъехал в коляске (колеса по полтора метра), сошел к нам и взял проверить берданку, заглянул в ствол: «Да! У тебя здесь только пауков нет».

Я воспользовался моментом и обратился к нему с просьбой. Он любезно, к моему удивлению, разрешил говорить. Я доложил, что наше питание в лагере не соответствует нормам, необходимым для сохранения человеческим организмом высокой производительности труда в течение 8-часового рабочего дня, и поэтому мы почтительно просим господина барона обратить на это свое внимание и, как лицо заинтересованное, принять соответствующие меры.

Вполне возможно, что моя речь, произнесенная довольно свободно и даже с берлинским акцентом (первые мои учителя в госпитале были берлинцами), произвела хорошее впечатление, во всяком случае, господин барон распорядился варить для нас картошку, для чего нам выделили громадный кипятильник, чуть не на 100 литров воды. Это дало нам возможность проносить в лагерь сырой картофель. Мы покрывали ее вареной, а пройдя в лагерь, отдавали туберкулезникам, это облегчило им жизнь — не надо было доставать дрова для варки, что для несчастных ребят было чрезвычайно трудно, ведь на работу их не брали, немцы боялись заразы. Лечить их, конечно, не лечили, и участь их была ужасной.

Общими усилиями мы проносили в лагерь до 200 кг, что было немалым подспорьем для блока. Ведь это было питанием для двухсот человек в день! И нас при обыске на

проходной не трогали, так как конвоир говорил: «С разрешения барона!» Да и обыски были не каждый день. На поле барона мы собирали остатки после уборки машиной. Носить корзину, нагибаться и выпрямляться за каждой картофелиной целый день при моем слабом физическом состоянии было очень тяжело, можно сказать, невыносимо, и поэтому, пораскинув мозгами, я применил свою методику сбора, правда, я не поделился опытом ни с руководством, ни с сотрудниками, использовал строго индивидуально, пусть уж этот грех падет на мою голову. Я наступал каблуком на картофель и утапывал его в землю поворотом ноги и шел дальше. Все же изредка корзину приходилось наполнять. Но учета не велось, и мой метод остался засекреченным. Чего ради я утомлял бы себя? Для кого?

После многих лет молчания могу сознаться еще в одном акте вредительства. У нас в стране до сего времени покупаешь картофель размером от гороха до нормальной величины, а у немцев не так. На поле стояла машина-триер, у нее несколько сеток с ячейками разной величины, установленных друг над другом. Когда крутишь за рукоятку, сетки трясутся: от каждой идет желоб, под ним — мешок. Сверху сыплют картошку, и, пройдя сквозь ячейки, она делится на четыре сорта (точно не помню, 50 лет прошло). Наверное, немцы что-то придумали еще за это время, мы же до сих пор покупаем разное гнилье.

Там была цепная передача и шестеренки. Сначала мы восхищались, а когда покрутили этот проклятый триер пару часов, а потом, когда утомились, стали его проклипать. Я, будучи изобретателем-самоучкой, недолго думая, взял камушек и положил его на цепь, и она преспокойно лопнула. Начались поиски слесаря. Немцы очень удивлялись (и я с ними вместе): никогда раньше цепь не лопалась. Им и в голову не приходила возможность такой пакости. В этот день, пока слесаря не нашли, пока ремонт шел, мы отдыхали. На другой день я этот трюк повторил —

и нас перевели на другую работу. «Вы русские, варвары, на такой сложной машине работать не можете!» Спорить и доказывать мы не стали.

Еще о нашем конвоире: целый день он ходил кругом нас и хрипел: «Собирайте картофель, все время собирайте...» и т. д., повторял одно и то же. Как мы работали, насколько добросовестно, это его не трогало. Главное, чтобы мы шевелились. Я замечал эту черту и у других немцев. Авралов, спешки, гонки у них, за исключением серьезных событий, нет. Также не бывает перекуров. Они работают в «среднем темпе», говоря по-спортивному, и курят на ходу.

Над нами часто летали «мессершмиты», и однажды два самолета столкнулись. Один сразу пошел вниз: летчик успел выскочить, правда, парашют открылся очень близко от земли, и летчик ударился, но остался жив, второй отлетел на 1000–1500 метров и стал падать, но летчик приземлился более удачно. Мы, конечно, с интересом смотрели на это событие, а наш вояка даже голову не поднял, все бормотал про свою картошку. Я возмущенно, не выдержав этого безразличия, обратился к нему: «Ваши летчики гибнут, а ты...», но в ответ услышал: «Собирайте картошку» и т. д.

Побег из Ламсдорфа, октябрь 1944 г.

Снова над головой нависли грозные тучи! Через пару недель я узнал о грозящей отправке. Это было в субботу. Писари (из наших пленных ребят) сообщили мне, что меня должны отправить снова на штрафную команду в Кройцбург. Ну, думаю, если в лагере и была какая-то крохотная надежда выжить, то там, попав снова в лапы моих «друзей»-полицаев, сохранить жизнь — совершенно неосуществимая мечта. Все начальство меня помнит, полицаи ненавидят, забьют меня до смерти, это уже точно. (И по-

чему ко мне такое внимание? Все время меня сажают то в штрафные команды, штрафблоки, зондерблоки и т. д.? Тут я вспомнил переводчика в лагере в Польше, не помню названия, которому я не дал серебряную монету: наверняка его работа — наката, что я партизан или какой-нибудь разведчик, и придерживают меня на всякий случай.)

Решаю твердо: надо бежать! Это было время, когда я жил в компании с Мишей, москвичом, и двумя ребятами, и мы ходили на картошку. Считал я его за хорошего парня, единственно — жадноватым: когда мы давали туберкулезникам картошку, его доля всегда была меньше всех.

Прошло три дня после того, как я получил от писарей сообщение, что меня переводят в отправительный блок. Я сказал об этом Мише. И зная, что в Кройцбурге меня переоденут в ненавистное тряпье и отберут все ценное: табак, зажигалку, нитки — короче, все, я все роздал ребятам, а Мишке, своему лучшему другу, отдал сапоги. Совершил я эту благотворительность потому, что потерял надежду на побег.

Утром меня перевели в отправительный блок, где был еще один молодой парень, армянин. Оказался мой земляк из Тбилиси. В плен попал всего шесть дней назад. Обмундирование новое, на ногах американские ботинки. И тут меня осенило! А вдруг в дороге мне удастся убежать, и буду я, идиот, ходить по лесам и горам в деревянных сабо. Я стал просить, затем умолять этого парня обменять ботинки на табак, которого у меня было много, но он не соглашался, боясь обмана. Я предлагал столько табака, сколько у нас в блоке на три пары ботинок хватит, но ничего не помогало, пока я не решился рассказать ему, что замышляю побег, и только тогда он отдал свои ботинки.

Теперь гигантская задача — как удрать? Было воскресенье. В этот день у немцев, наверно, как и в армиях всех стран, дисциплина если и не висит на волоске, то все же значительно слабеет, и на это я сильно рассчитывал.

Отправительный блок находился у входа в лагерь, а «наш», рабочий, — в другом конце. На воротах блока всегда дежурил или полицаи, или немец. Апель (проверка) личного состава лагеря в воскресенье проводилась утром, а затем все, кто имел увольнительные, разбежались. У нас в отправблоке было всего два пленных, долго считать не пришлось, да и немца не было. Смотрю, полицаи подозвал мальчишку, что-то ему сказал и умчался. Мальчик стал на воротах сторожить. Я подошел к нему и говорю: «Дай, я пройду на кухню, там у меня знакомые повара, принесу картошки и сахару и тебе дам». Сначала он не соглашался, но я сумел его уговорить. Вышел на центральную дорогу, справа и слева блоки, их было 14 или 16, не помню. Все хорошо: дорога пуста. Но как проникнуть в свой блок? Задача большой трудности, ведь в нем я пробыл больше года, всякая собака меня знает! А болтаться по центральной дороге нельзя.

И вдруг вижу, на мое счастье, тащится с работы «мертвецкая» команда, толкая пустую телегу в блок. Я дрожащими руками отстегиваю хлястик шинели, поднимаю воротник, опускаю края пилотки как можно ниже и принимаю самый расхристанный вид обычного лагерного «доходяги». В таком виде никто меня в лагере не встречал, даже когда я находился на краю жизни. Это была наилучшая маскировка для меня. Подошел к телеге, никто не обратил внимания, все устали до предела. Взялся за край телеги и, опустив голову пониже, вошел в блок.

И опять вспомнилось предсказание крестьянина: «Не знаю, как вы, а этот останется живой». Но до полного его выполнения еще было ой как далеко. Целый день я прятался по углам, а вечером зашел в свой барак, поднялся к своей «четверке» на нары. Они здорово удивились, а я оказался не на высоте. Мне бы сказать: «Решение об отправке отменили», а я поделился своими планами о завтрашнем побеге и попросил вернуть мои вещи. Но плохо я знал своих друзей: лица у них вытянулись, сами они задрожали, как в лихорадке, особенно мой лучший друг

Миша! Без дальних слов он предложил немедленно убираться вместе с моими требованиями к чертям, в противном случае о моих планах он сообщит полицаю.

Меня с нар как ветром сдуло! Хорошо, хоть не донес, но это тоже было опасно, могли убить за предательство.

А мне наука — не трепись!

Утром пошел искать своего земляка (по-моему, Давиташвили), он был старший команды, ездивший в Найси разгружать уголь. Работа тяжелая, дополнительно получали только черпак баланды, известно, что это было за блюдо, поэтому желающих было мало, и шли туда бедняки из бедняков.

Я попросил взять меня в команду, он удивился, но не стал интересоваться, чем привлекла меня эта работа, и согласился. Ездили в Найси на поезде. Я все же сказал приятелю, что собираюсь бежать, он хотя и поволновался, но одобрил мое намерение, а самое главное, отдал мне свою теплую солдатскую шапку и буханку хлеба, которую выменял у поляков, — для пленного это была царская щедрость. Всю жизнь я помню его, несколько раз, бывая в Тбилиси, пытался отыскать, но напрасно: наверно, неправильно запомнил фамилию. Надеюсь, что он остался жив.

Вагон с углем стоял у стены, и половина наших перебрасывали его через стену, а другая половина — грузили на машины. За железнодорожными путями протекала речушка Найси. После войны ее столько раз упоминали в газетах, что можно было подумать, что она не меньше Волги, а на самом деле — воробью по колено. Наш конвой состоял из двух человек: унтер и солдат, который был в охране за стеной, а начальник все время бегал и непрерывно пересчитывал нас: «Айн, цвай, драй... зи-бен...» — потом бежал на другую сторону: «...фирцен,

фюнфцен...», и так без отдыха. Ну, думаю, побегу — будет тебе «фюнфцен!» Бежать надо было во что бы то ни стало, так как я уже создал путаницу: в отправительном блоке остался один человек, это полицай сразу увидит, хотя бы по невостребованному пайку, а вечером, когда мы вернемся, в рабочем блоке окажется один лишний и меня схватят! Расправа будет жестокая.

Наконец, после обеда я сумел пройти вдоль вагона и речушки к мостику, перебежал его, а там — огород и в нем беседка. Подбегаю к дверям — на внутреннем замке, присмотрелся: все ветхое. Валялась какая-то железка, я оттянул язык замка и зашел внутрь и закрылся. Сейчас же услышал крик: «Где ты, выходи!» Крики все усиливались, видно, народа прибавилось. Все это происходило не далее 40–45 метров от меня на той стороне реки. По разговору и шуму шагов я определил, что приближаются к огороду и соответственно к беседке. Внутри была набросана целая куча разного хлама, в углу стояли длинные доски, прислоненные к стене. На всякий случай я забрался за них, сел, колени прижал к туловищу и сложился, как складной нож. Доски придвинул к себе. Если бы не усиленная лагерная диета, я не смог бы так плотно сложиться, даже несмотря на солидную гимнастическую подготовку в спортшколе.

Не знаю, сколько я просидел так, но чувствую, все тело затекло. Шум и крики продолжались, но не так близко, и я решил вылезть и размяться, но когда размялся, для страховки еще раз спрятался, и правильно сделал! Только устроился в своем логове, слышу ругань, грубый голос прокликает меня на все корки, и чья-то могучая рука дергает ручку двери. Я надеялся на ее прочность, но уж очень сильной была ручища! Замок не выдержал, дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова жандарма в каске с кайзеровской шишкой. В беседке было мало света, голова с выпученными грозными глазами обвела помещение. Конечно, возможно, что жандарм был симпатичным человеком, но в тот момент он показался мне отвратительным чудовищем. Я вел наблюдение сквозь узенькую

щелку между досками, и вдруг встретился взглядом с жандармом! Он, конечно, не видел меня, но я испугался, как бы он не почувствовал мой взгляд — тогда я пропал. Он войдет, отбросит доски, ну, а дальше... меня пробил холодный пот от охватившего ужаса, я зажмурился и постарался не думать о жандарме — все это произошло в доли секунды.

Трудно передать словами пережитое в тот момент. Ведь немцы могли придумать любые пытки в приливе злобы. Быстрая смерть была бы счастьем. Злобно выругавшись, жандарм хлопнул дверью и кому-то сказал: «Куда эта коммунистическая сволочь делась?! Все вокруг обыскали, и нигде его нет!» И они прошли мимо окна. Вот тут-то я узнал, что такое «свободно вздохнуть». Я вышел из своего убежища, размялся и стал ждать темноты. Кругом наступила тишина. На сегодня 1:0 в мою пользу. В окошко были видны домики, довольно далеко друг от друга, сады и огороды. Но куда надо идти, чтобы выйти из города, а не плутать по улицам? Тем более что могут организовать патрули.

Вдруг слышу шаркающие шаги, посмотрел в щелку — к дверям подходит старик, бегу в свой угол, прихватил на всякий случай какую-то железку. Еле успел закрыться доской, он входит. Что-то бурчит себе под нос и начинает наводить порядок: собирает с пола хлам и бросает в угол, где, скрытая досками, скорчится моя жалкая фигура.

Больше всего меня мучила мысль: что предпримет старик, если вздумает двигать доски и обнаружит меня? Придется бежать и искать новое убежище, а до наступления темноты — еще часа полтора. Применить силу против старого человека я не смогу. Не представляю, чем бы это закончилось, но, к счастью для нас обоих, старик, повожившись и побурчав минут 15, вышел, запер дверь и удалился. Еще прошло около часа, совсем стемнело. Я вышел и началось мое путешествие: я перелезал через заборы, шел через огороды и сады и вышел на холмистую местность и шоссейную дорогу.

План у меня был такой: пройти Чехию и Австрию и добраться до Югославии, попытаться попасть к партизанам гремевшего в те времена Иосифа Броз Тито. Это солидное расстояние — приблизительно 20 ночных переходов по 20 км, а всего по прямой — около 350 км. Местность гористая, а впереди зима (был октябрь), сумею ли я преодолеть все эти препятствия? Ориентировался по Полярной звезде: выбирал такое направление, чтобы она была за спиной. В детстве отец немного рассказывал мне о звездах, и теперь эти знания очень помогли. Через два дня кончились мои припасы съестного, и надо было думать, где раздобыть еды. Деревни встречались часто, но просить я боялся: неизвестно, на кого попадешь.

Часа в два ночи встретилась деревня, и я решил здесь поживиться. Почти в каждом дворе разводили в клетках кроликов. Я зашел во двор, выбрал по-хозяйски кролика побольше, спрятал в вещмешок; нашел ведро, наполнил щепками и пошел без дороги в горы. Слабый свет месяца не давал возможности определить, насколько далеко я отошел от домов, пришлось действовать наобум. Нашел что-то похожее на ущелье, как мне показалось, укрытое от взглядов, а может быть, по соседству с домами. Собрал веток для костра. Осталась одна задача — убить кролика.

Нож я потерял, была тяжелая железная ложка. От кого-то я слышал, что умертвить кролика очень легко. Но не мне, с детства привыкшего к животным и любящего их. Дома мы всегда держали кошку или собаку, а то и обоих вместе. Убивать кролика было невероятно жалко. Но вопрос стоял чрезвычайно жесткий — сумею ли я в первые 3–4 дня укрепить свои силы или нет? Сумею — значит смогу двигаться; нет — тогда надо просто идти и сдаваться. Выбора нет. И вот, скрепя сердце, единственный раз в жизни, я убил животное, да еще варварски: бил несчастного кролика по голове железной ложкой. Он несколько раз дернулся — и затих. Я сломал ложку и при-

ступил к снятию шкуры. На суставах ног снять шкуру не смог, пришлось перегрызать ноги и шею. Если кому-то попадутся эти останки, решат — кролика задрал волк. Кролика выпотрошил, вымыл в ручье. Сделал рогатки и повесил ведро на них.

Осталось самое важное — разжечь костер. В коробке 2–3 спички! Это большой промах, сделать запас спичек было нетрудно. Нащипал тоненьких щепочек, постарался заготовить их побольше, подготовил маленький костер. Взял спичку, как можно быстрее потер о шинель, чиркнул по терке — слава богу, зажглась. Зажег костер, а сам отошел подальше — если кто увидит огонь, то подойдет к костру, а я сумею скрыться. По мере сгорания хвороста я подбегал, подкидывал ветки и снова убегал. Наконец кролик сварился, и перекусив, я тут же лег и заснул.

А уже было прохладно, пахло морозом. Утром проснулся: шинель в инее, сам не могу разогнуться, с трудом размялся. Снова перекусил. Весь день прятался, обошлось благополучно, никто не увидел. Вечером опять пошел на юг. Теперь после ночевки на земле решил на ночь, т. е. на день, устраиваться на сеновале. Итак, утром перед рассветом выбрал ригу поближе к дороге, забрался и хорошо поспал на сене почти весь день. Еда — кролик и булка моего дорогого земляка, как я ни экономил, заканчивалась.

Не находя другого выхода, я решил забраться в дом. Как заправский домушник среди ночи лезу в коровник через маленькое оконце, оттуда проникаю в дом, залезаю в кладовку, а там! — раздолье: мясо консервированное, булки, окорок, колбасы, прямо филиал Елисеевского! Битком набил свой солдатский вещевой мешок и сумку для противогаза, так, что спичечную коробку не всунешь и, наверно, от радости забыл про спички, хотя они нахально лежали у меня под носом. А ведь курил тогда.

В следующую ночь, осмелев, лезу в другой дом за спичками, услышав храпенье спящего хозяина, подошел к

кровати и из пиджака, висящего на стуле, вытащил спички и табак. Спичек было мало, забрался в кладовку и нашел там искомое. Взял 3 коробки. Смотрю, стоит деревянное ведро, поднял крышку, а там лежат брикеты масла с красивой штамповкой. И я вспомнил, как в детстве на Северном Кавказе, в Ставрополе немка-колонистка приносила нам подобное масло, а мама взамен что-то ей шила, и жили они дружно. И мне захотелось этого масла, но в мешок никак нельзя было ничего всунуть, тогда я вытащил кусок сала, положил честно вместо масла, и тогда масло поместилось.

Так прошла пара дней. Шел понемногу, осторожничал. Настроение было отличное. В первый день собрался «днєвать» на чердак большого трехэтажного дома. Он прилегал к горе и вход был прямо с горы. Там был сеновал. Прилег на сено, чувствую: под рукой что-то твердое. Оказалось куриное гнездо. Штук 15 яиц. Проверил — одно свежее. До этого нашел ларь с мукой, он стоял на видном месте. У меня была баночка с вареньем. Вбил прямо в муку штук шесть яиц, налил варенья, замесил и получился торт в оригинальном исполнении. Немного сыроват, правда, но съел с аппетитом!

Иду по прямой, как стрела, и гладкой асфальтированной дороге — восхищаюсь! Над дорогой передо мной висит громадный и яркий прожектор. Не могу понять, на чем он укреплен и кому нужна эта иллюминация? Наверно, немцы зря не будут устраивать такое освещение. Но когда, оторвавшись от мыслей о свободе, присмотрелся внимательней — оказалось, что это... луна! Такого размера встречать не приходилось. Только что вышедшая из-за гор, она в самом деле походила на гигантский прожектор. Иду, о чем-то мечтаю, глаза слепит яркий свет, и вдруг против себя слышу шаги. Присмотрелся — идет солдат с девушкой буквально в 10–12 шагах!

До встречи оставались считанные секунды, а вдоль дороги поле убранного картофеля и разбросанная кучками сухая ботва, прятаться или бежать некуда. Здесь я расте-

рялся не на шутку. Время на обдумывание ситуации и принятие решения было ограничено десятком секунд; соответственное было решение — я бросился в кювет, упал на спину, схватил веточку ботвы и сжался в комок, смотрю, окончательно обалдев, на них, они — на меня, и совещаются, какие принять меры.

— Смотри, пленный! Надо сдать!

А девушка отвечает:

— Слушай, на всю ночь нам с ним хватит хлопот! Куда-то вести, сдавать, оставь его!

И они ушли. Надо быть внимательней. После такой встряски я перестал сильно увлекаться мечтами.

Проходя деревню, я увидел стоявший у ворот велосипед. Долго не раздумывая, оседлал его и помчался по дороге, около двух часов проехал, и не повезло: поднялся сильнейший встречный ветер, и, глубоко опечаленный, я пустил своего железного друга под откос. Потом пожалел — надо было припрятать на день, а ночью ехать дальше. К сожалению, поздно додумался — когда печатал этот текст.

Проходя через деревню, я прислушивался у дверей, и, если слышны были женские голоса, я стучался и объяснял, что отстал от колонны, что нас переводили от наступавших русских, а я ногу растер, и тому подобное вранье (всего было три такие попытки). Один раз на стук вышла старушка, пригласила в комнату, за столом сидел старик и двое ребятишек 4–5 лет, очень симпатичных. Обстановка вполне городская. Рассказали старики о своем горе. Сына убили на фронте, невестка заболела и умерла, а они остались одни с сиротами. У меня в мешке лежало несколько отличных крупных яблок — по дороге сорвал в саду, и я подарил их детям. Расстались мирно, они пожелали мне счастливого пути.

Сравниваю условия жизни наших детей и немецких и ни одной черточки общей не нахожу — не только в деревенской жизни, но и в городе наши дети не имеют похожих условий, даже теперь.

Конец свободе

...Начинало светать, я подходил к деревне. Не стал искать сеновала, деревни у них близко друг от друга, решил, что сделаю остановку в следующей. Началась гористая местность, а деревни нет. Становилось совсем светло, и вот показалась деревня, мычат коровы, стучат подоюниками женщины, что-то кричат друг другу: деревня проснулась. Кругом поля, но неширокие, метров 200. С краю деревни стоит рига, в три этажа высотой, каменная, наверняка помещичья. Лес очень редкий, спрятаться там невозможно. Решил пробраться в ригу.

Ворота в ригу были со стороны поля подвешены на роликах. Подбежал к ним благополучно, оттянул ворота и проник внутрь. Справа и слева — невысокие барьеры и загородки, не пролезть. А на второй этаж был люк. Взобрался на барьер, и вдруг во дворе залаяла крохотная собачонка и забежала в ригу. Я ей: «Куть-куть», а она повернулась и убежала. Подумал, слава богу, обошлось, но нет. Слышу шаги, поднялся, ухватился за люк и хочу, вернее пытаюсь, подтянуться, чтобы забраться на второй этаж, да ничего не получается; забыл, что я не гимнаст, полный сил — на тренировках подтягивался на одной руке, — а жалкий доходяга, кожа да кости. Едва успел скорчиться и прижаться к столбику, как мимо меня пробежал мужчина. Выглянул в поле, ничего подозрительного, конечно, не увидел и повернул обратно. Уже прошел мимо, еще шаг-два, и я был бы спасен, тем более моего маленького хвостатого врага не было видно: паршивец почувствовал, что его задача выполнена и можно быть свободным. Проход, в котором я находился, был темным, и как мужчина меня заметил, просто непонятно. Наверно, краем глаза увидел мою фигуру.

Набросившись на меня, схватил и стал тащить во двор. Я понял, что это поляк, и стал уговаривать отпустить меня: «Ведь ты же поляк, брат-славянин, у нас общий враг». Но брат-славянин продолжал тащить меня из риги. На его

вопли собрался народ, пришел помещик. А я ругал поляка на всех языках, какие только знал. Затащили в коровник. Такой чистоты я у нас нигде не видел, не считая больницы. Помещик в длинном военном плаще, на голове шляпа. Я сел на маленький табурет, а он стал возле меня, достал маленький пистолет и, показав, сказал:

— Видишь? Вздумаешь бежать, я тебя пристрелю!

А я, обозленный неудачей, отвечаю:

— Можете спрятать вашу игрушку. Я ушел от более опасных вещей, а этим меня не испугаешь.

Не помню, что я наговорил, но старался ответить по-язвительней. Достал из мешка хлеб, мясо и стал есть. Не хотелось, но от злости не знал, что сделать. Пожевал немного, завязал остаток в мешок. Говорю немцу:

— Вы бы распорядились, чтобы мне дали молока!

— Это молоко не для тебя! Для моих детей!

— Много же у вас детей, если столько коров не обеспечивают их молоком.

Вот такая не особо остроумная пикировка была у нас.

Только закончили мы беседу, явились три (!) жандарма. Увидев меня, они расхохотались. Я сначала обиделся. Но когда они заговорили, я тоже усмехнулся. Оказывается, помещик, вызывая полицию, в панике наговорил столько, что там думали, не попросить ли соседей на помощь, но, очевидно, зная хорошо звонившего, ограничились тремя жандармами: «Мы думали встретить человек 20 партизан, а тут один пленный, да и тот еле живой». И мы в веселом настроении пошли в жандармерию. Забыл упомянуть, что жандармы, будучи у помещика, не побоялись поиздеваться над ним. (Полиция это была или жандармерия, я даже в те времена не разбирал.) По дороге я шутил с ними согласно своей методике. Возможно, благодаря этому вначале ко мне отнеслись хорошо. Конечно, обыскали, отобрали все, что по тюремным правилам полагается, на это я не обижался.

Когда дело дошло до обследования сумок, я допустил ошибку. Их очень удивило необычное обилие дефицитно-

го провианта. На вопрос, откуда это все, я ляпнул: «Мне дали». — «Где?» — «Не помню, в какой-то деревне», — и тут мне влетело несколько затрещин. Сразу поняв свою ошибку, я закричал: «Я украл». — «Так бы и сказал сразу: был голодный, украл». И статус-кво восстановилось: «А то начал нам сказки рассказывать. Какой это ненормальный найдется в Германии при карточной системе, чтобы дать столько продуктов».

Посадили меня в одиночную камеру, очень уютную, со сводчатым потолком, чисто выбеленную, можно было подумать, что я в Крыму на отдыхе. Окно громадное, похожее на венецианское, с видом на Карпаты. Только решетки портили все впечатление. Пробыл я в этой камере санаторного типа два дня. Кормили из моих сумок. Когда увели в другую деревню, сумки не вернули, оставили себе за хорошее отношение. Это мое предположение: жандармам тоже хочется вкусного.

Утром пришел солдат. Для страховки надел наручники, прицепил к цепи и так вел. В результате мальчишки закидали меня камнями, хорошо, что мелкими. Солдат запретил им безобразничать и в дальнейшем наручники не надевал. В очередной деревне снова допрос в полиции. Унтер спросил у меня фамилию, я сказал — Медведев; он начал копаться в книгах большого размера и на нескольких полках. Еще спросил номер лагеря, я сказал «забыл». До сих пор удивляюсь: неужели это были списки пленных? В деревушке? Я сидел у стола, а он копался в книгах. На столе лежала коробка. Приоткрыв, я обнаружил табак в листьях — ну, я и поделился: половину ему, половину мне.

По дороге в полицию я подбирал окурки. Конвоир достал спичечную коробку и дал мне, открываю — там полно окурков: «Я тоже собираю окурки, только свои и курю их в трубке, возьми себе, ведь у тебя ничего нет». Пришлось взять. Не мог же я сказать, что стащил табак у унтера на допросе.

Оказалось, что этот солдат был на фронте в России, ранен, а после ранения им дают отпуск. А еще я заметил: фронтовики относились к пленным лучше, чем тыловики.

Когда шли мимо мясной лавки, в дверях стоял мясник в фартуке и колпаке — все белоснежное и стоит коробом, так накрахмалено. А в лавке мрамор и никель, а мяса — дай бог три кило висит на крючке. И это в крохотной деревне!

— Кто это? — спрашивает мясник.

— Американский диверсант! — важно отвечает конвоир.

— Ого!

— Вы, пожалуйста, приготовьте ему что-нибудь поесть!

Услышав об «американском диверсante», прибежала смотреть на меня вся семья мясника, а за ней соседи, а потом и вся деревня. Ведь не каждый день можно увидеть живого диверсанта. Провожали меня до камеры. Спрашивают у солдата, что со мной сделают.

— Грозит расстрел!

Слышу, немочки-девчонки жалеют меня: «Молодой». Когда мы, наконец, остались одни, солдат говорит: «Если бы не выдумал, ничего не дали бы». Придя в камеру, я прилег отдохнуть после дневных трудов. Скоро принесли обед — примерно полкотелка жирного супа с кнедликами и мясом. Я с аппетитом набросился на еду, но желудок после круглогодичной голодной диеты отвык от нагрузки, и удовольствия я получил мало. (Когда нас освободили американцы в 1945 году, много ребят погибло от заворота кишок.)

Рано утром я и мой приятель-конвоир совершили приятную прогулку по полям и горам Южной Моравии до железной дороги. Затем небольшой вояж в поезде, и мы прибыли в город Ягендорф (теперь — Крнов).

В тюрьме в Ягендорфе

Привел меня конвоир в небольшую городскую тюрьму. Тюрьма — это довольно длинный двухэтажный дом, окруженный забором. За забором — кирха. Окна тюрьмы нижнего этажа закрыты решетками. Посадили меня в общую камеру, самую большую, на 24 заключенных.

Остальные камеры были на 3–4 человека, а всего около 130. Охрана — начальник и два помощника, кроме них еще три капо¹ из заключенных: Иван Бучек из Львова или из области, Стефан и еще третий, не помню имя. В камере стояли двухэтажные кровати с матрацами, сплетенными из бумажных ниток и набитыми стружками, стол и несколько табуреток. Чистота — идеальная. Для меня, привыкшего к голым нарам, это было почти роскошно. Камера служила раньше церковью, поэтому стена, обращенная во двор, выделялась полукругом. В коридор выходило две двери, одна была постоянно заперта. Еще в кабинке стоял важный агрегат — параша.

Во время налетов американской авиации, а это было частенько, всех заключенных отправляли в подвал, проявляли заботу, так сказать. Но в подвале был сильнейший сквозняк, и мы во все время воздушной тревоги, а это 2–3 часа, дрогли в этом холодильнике. Одежду у нас отобрали, а взамен выдали тюремную: брюки, пиджак и «мюце» — пилотку. Материал имел очень редкое плетение, так что мы не чувствовали, одета на нас одежда или мы голые, а ведь была хоть и европейская, но все же зима, например речушка замерзала. Но я приспособился: по сигналу воздушной тревоги прятался в кабинку. Уведут всех, я выйду, залезу на кровать и сплю. Правда, и в камере у нас не было жарко: всю зиму окна не закрывались. Немцы говорили: «Чтоб воздух был чистый». (Можно подумать, что нас перекармливали.)

Режим в тюрьме не был слишком строгим: по утрам мы занимались уборкой — натирали воском мозаичный пол в коридоре, чистили мелом медные ручки на дверях. Курить в тюрьме не разрешалось.

Иногда приходили гражданские и брали под свою ответственность заключенных для своих нужд. Тюрьма использовалась как средство наказания в случаях не преступных

¹ Капо (от нем. Kameradschaft-polizei) — привелегированные заключенные в нацистских лагерях, осуществлявшие непосредственный, низовой контроль над повседневной жизнью простых заключенных.

поступков, а нарушений дисциплины. Сажали человека на несколько недель, а то и дней, например вечером в субботу посадят, а утром в понедельник отпустят.

Через 10 дней посадили в нашу камеру молодого человека — француза, парижанина Рони Лобановского (за фамилию не ручаюсь), на вид лет 24 — он не был военным, за что его посадили, я не спрашивал. Очень воспитанный и образованный, он хорошо говорил по-немецки и по-английски. Мы с ним подружились.

Заклученные были русские, поляки, немец, украинец, сицилиец (этот бедняк, кроме своего языка, другими не владел). И как это часто бывает (не только в тюрьме): от скуки над тихим человеком начинают подшучивать — если не обидно, это еще ничего, а над Рони начали с издевкой. Особенно отличились представители страны социализма.

Я возмутился и резко поговорил с ребятами, сказал, что парень он тихий, тем более гражданин Франции, нашей союзницы. Меня поддержал староста камеры. Кстати, мы прекратили подсмеиваться и над сицилийцем: он жестом, потихоньку от остальных, показал мне, что очень сожалеет об отсутствии у него ножа. И нападки прекратились.

Нас двоих — меня и Рони — стал брать на работу огородник. Приведет на огород, довольно большой — или он таким казался нам, городским жителям даст задание и уходит. Потом заглядывал несколько раз, но, увидев нашу добросовестную работу, прекратил проверки.

Пользуясь этой свободой, я обследовал близлежащий район и обнаружил две столовые. Тщательно изучив пути подхода к их кладовым, я решил прибегнуть к услугам «советского красного креста» и каждый день, конечно, соблюдая величайшую осторожность и тишину при посещении кладовых, пополнял недостаточное тюремное питание. Добычу я делил со своим другом, а иногда бывала возможность поддержать и ребят, не выходявших на работу (есть такой тип людей, способных умереть от голода на складе гастронома — не от великой честности, а просто эти люди — недотепы. Извиняюсь!).

Однажды возвращаюсь после очередного налета в теплицу, где работал Рони, и вижу, что у него странно-торжественное выражение лица. Лезет в печку, которую мы топили, и достает что-то печеное, похожее на картофель и говорит: «Вот, решил тебя угостить». У меня сразу мелькнуло подозрение: картофель в парниках не выращивают. Стал внимательно рассматривать, вижу, что это не картофель; посмотрел в коробку, откуда он взял: что-то написано, но не картофель, и хотя Рони расстроился — уж очень хотелось ему угостить меня, — от этого подозрительного блюда я отказался. Я объяснил приятелю, что это угощение может принести крупные неприятности желудочно-кишечному отделу нашего нежного организма. Рони явно было не по себе: ведь из нас я был единственный источник снабжения.

Но через день, узнав, где он работает, примчались два его земляка и затем навещали его регулярно. В первое посещение они не обратили на меня внимания, но когда Рони со свойственной французам живостью и азартом начал часто что-то рассказывать (судя по взглядам, речь шла о моей персоне), отношение ко мне изменилось. Ребята подошли, пожали мне руки, похлопали по плечу, что-то говорили так быстро, что даже Рони не успевал перевести на немецкий язык, но и без переводов было ясно, что они выражали самые дружественные чувства. Понятно было, что Рони расхвалил меня сверх всякой меры.

Теперь каждый раз мы получали дополнительный паек. Конечно, можно удивиться: то я убежал из-под охраны, рискуя жизнью, а здесь был почти на воле и не использовал момент! Во-первых, я был в тюремной одежде, о ее качестве я упоминал; во-вторых, был худой, как щепка, и наконец, была зима — не сибирская, но $-12-15^{\circ}$ бывало. Немцы — умники, и прекрасно все это учитывали. Это во многих наших картинах показывали, что немцы только тем занимались, что убегали от партизан и прятались по кустам. На самом деле, я думаю, они прекрасно учитывали обстановку.

Кстати, во время первого побега я своими глазами увидел, как моментально были организованы ответные меры немцев при нападении на них партизан Великолукской области. Единственно, они не заметили, как я уселся в командирские сани и уехал со всем имуществом. Справки можно навести в деревне Барки, где я жил в январе дней 20.

Одно время ходили мы с одним парнем к бургомистру Крнова, помогали печнику-немцу строить камин в его доме. Знание языка мне очень помогало. Как в свое время у барона, я обратился к бургомистру с просьбой улучшить наше питание: «Господин бургомистр! Мы с моими товарищами работали бы гораздо лучше, не будь мы такими голодными. Нас желательно хотя бы немного подкармливать». Я не рассчитывал на успех, но, к моему удивлению, мое «рациональное предложение» по повышению производительности труда встретило поддержку, и нас стали водить в какую-то рабочую столовую по соседству. Нельзя сказать, что там были разносолы, но чисто приготовлено и лучше тюремной баланды, плюс что-то лишнее болталось в наших тощих желудках.

Наш малер (печник) был очень нервный. Вдруг орет: «Что вы пристали к раствору, подавайте кирпичи!», не успели бросить пару десятков кирпичей, раздается его хриплый рев: «Несите песок, раствор кончается!» — и так целый день. Однажды, когда мы вывели трубу на чердак, он опять на меня начал орать. Я тоже не выдержал и с возмущением ему говорю: «Что вы все время на нас кричите? Мы стараемся изо всех сил, а вы без конца недовольны, и вам угодить просто нет никакой возможности». Мой мастер, недолго думая, разворачивается и наносит удар по моей физиономии. Я стоял вплотную спиной к двери у входа на чердак, стена — необлицованный кирпич. И тут я своевременно вспомнил, что я спортсмен, хотя и захудалый на тот день, и даже когда-то месяца три ходил на бокс; все это промелькнуло в мозгах за $\frac{1}{200}$ долю секунды, я делаю нырок вправо, и мой мастер изо

всей силы влепляет мощный удар в угол кирпичной стены вместо моей головы. Я услышал рычание, но не стал задерживаться и постарался со всей возможной скоростью удалиться, чтобы избежать дальнейших событий.

Вот многие говорят: «На черта сдалась мне ваша физкультура? Я на работе намотаюсь за день, и без нее обойдусь, не хуже получу развитие». В моей ситуации такой «знаток» в лучшем случае имел бы перелом челюсти. Этот немец был здоровенным мужиком.

Часа полтора я прятался, наконец набрался мужества и явился на работу; но немец оказался отходчивым, и хотя кулак его был забинтован, не только не тронул меня, но даже слова не сказал.

Напротив этого дома было кафе. Я зашел туда, мастер куда-то вышел, сел за столик, подошел официант и спрашивает: «Талон есть?» — «Нет!» — «Деньги?» — «Тоже нет». Повернулся и ушел, я встал, хотел уйти, смотрю: он несет тарелку, а потом еще угостил сигаретой. После, как выберу момент, бегу: и всегда он меня чем-нибудь угощал, а ведь могло влететь ему за это здорово.

Ходили мы 12 человек на небольшой литейный завод. (Это еще в первые дни моей тюремной жизни.) В это время у нас появился новый заключенный. Национальности непонятной: иногда встречаются такие типы. Его можно было посчитать и украинцем, и армянином, и таджиком. Смуглый парень, выше среднего роста, крепкого сложения. На голодающего или перенесшего голодовку не похож. Он вызвал у меня подозрение тем, что настойчиво лез в друзья. Все время приставал с рассказами, как он убежал из плена и сейчас хочет убежать. Начал приглашать меня в компаньоны. Но чем больше он меня уговаривал, тем меньше я чувствовал к нему доверия, хотя бы потому, что он не был истощенным, а главное, не прошло еще 2–3 дней его пребывания в тюрьме, а он незнакомому предлагает совершить такое опасное дело. А кроме этого, я выглядел настоящим доходягой и поэтому в побеге был бы только обузой для него. Я всячески старался

избегать этих разговоров и общения с ним. Непонятно, какую пользу я мог принести в бегах.

Еще мне не нравилось его отношение к двум мальчишкам (им было по пятнадцать лет) из нашей камеры. Как только наступал обеденный перерыв, он самым грубейшим образом приказывал: «А ну, марш, идите, ищите окурки!» Наконец на третий день перед уходом на работу ребята пожаловались мне:

— Что мы ему, прислуга? Нам отдых тоже нужен.

Я сказал:

— Сегодня, когда пошлет за окурками, не идите, пошлите подальше, а я вас поддержу.

Перед перерывом я подыскал хороший кусок отливки, напоминавший кинжал или рыбу-пилу своей формой, и припрятал его поблизости. Когда начался перерыв, и он стал посылать за окурками, ребята категорически, именно так, как я сказал, отказались. Он начал угрожать побоями, тогда вмешался я:

— Хочешь курить, ищи сам!

Тогда он полез на меня, но я выхватил свое оружие, обругал его как следует и пригрозил пробить голову. Остальные меня поддержали, и инцидент был исчерпан. Больше он ребят не трогал. Но и после этого он продолжал приставать ко мне, хотя я буквально гнал его вместе с его предложениями. Через пару дней он исчез.

Наши стражники объявили, что он убежал. Думаю, это было враньем. Если бы он убежал, поднялась бы суматоха, поиск, допросы. Обязательно привлекли бы к допросу меня. Здесь же все прошло очень спокойно. Единственная мера — отказали заводу, к великому нашему удовольствию, в рабочей силе. Уверен, что это была подсадка. Решили, что мы убежим, и я отведу его к мифическим подпольщикам, а он уже сообщит куда следует. План был хорош, только исполнитель был слаб. Когда в Холме полковник предложил мне принять участие в организации побега, он прощупывал меня недели три, изучал, чем я дышу, и только тогда открылся.

На заводе после работы нас приводили на кухню и заставляли чистить картофель для рабочей столовой. Вместе с нами работали молоденькие немецкие девчонки, и я рассказывал им, что я сын миллионера, владельца бойни в Чикаго. Папа подарил мне автомобиль «линкольн», и я ездил на нем с товарищем и двумя подругами на курорты в Калифорнию, Филадельфию, к водопаду Ниагара и по всем штатам, что я опытный диверсант по взрыву военных кораблей и меня, наверное, расстреляют. Девчонки были в восторге и тащили из дому угощения. А старшие немцы посмеивались.

Был у нас еще один рассказчик, из Грозного. Вот это действительно талант! Каждый вечер после работы он рассказывал о своих приключениях. Как еще юношей, тогда он жил на Дальнем Востоке, он с приятелем, предварительно кого-то обворовав, убежал в Китай. В Китае было много всего: работал рикшей, подворовывал. Продавцом в магазине был. В конце концов во время событий на КВЖД его посадили, как и всех русских, в тюрьму. Крыши в тюрьме были свинцовые, и в камерах стояла ужасная жара. Короче, материала и фантазии у него было предостаточно, а так как парень он был талантливый, разобрать, где правда, а где вымысел, не было никакой возможности. Да мы и не пытались это делать.

Из-за своего больного желудка пайку хлеба, получаемую утром, я делил пополам: одну половину брал на работу и, отламывая крохотные кусочки, постепенно съедал, а вторую съедал в камере, когда приводили на обед. Открываю как-то настенный шкафчик, а там... пусто. В камере оставались человек 12, разве можно узнать, кто похититель? Решил, как говорят, проглотить пилюлю. На второй день снова хлеб пропал. Тогда я рассказал о пропаже наиболее авторитетным ребятам — старосте и рассказчику Сергею. Они, конечно, очень возмутились и хотели поднять шум, но я остановил: «Сегодня мы никакими усилиями не обнаружим виновника, а вот завтра я поймаю его, и когда вор будет схвачен

за руку, уж будете судить его по тюремным законам». А кража пайки считается самым большим преступлением и наказывается строго.

Они очень заинтересовались и начали приставать ко мне, чтобы я объяснил, как я это узнаю, но я ответил: «Завтра узнаете». Вот уж, наверно, умирали от любопытства! На другое утро как ни в чем не бывало я положил полпайки в шкаф, Сергей и староста это видели. Они очень удивлялись моему терпению добровольно лишаться хлеба, когда его и так мало было. Придя на перерыв, лезу за хлебом, его, конечно, нет. Я впадаю в истерику и поднимаю крик: «Украли пайку!» Прошу старосту построить ребят, остававшихся в камере. Подошел к первому, а это был гражданский поляк, имевший за что-то небольшой срок, мы не переваривали его. Был он толстый и какой-то неприятно подобострастный, лживый, и, хотя пытался показать себя хорошим парнем, проявляя ко всем притворно дружеские чувства, мы не верили ему. Когда я скомандовал: «Открой рот!» — он попытался превратить все в шутку и не открыл рта, пока я не прикрикнул на него, а кто-то из моих свидетелей не ткнул его кулаком в живот. Мы пошли дальше, заглядывая каждому в рот. Так я дошел до парня, попавшего в тюрьму четыре дня тому назад. Когда он открыл рот, то «понятым» и мне, конечно, все стало ясно, так как его рот был окрашен в фиолетовый цвет: я незаметно посыпал хлеб порошком из чернильного карандаша.

Развернувшись, я двинул его по лицу, но только отбил себе руку. Тогда я схватил табуретку и стукнул его ею, не помня себя от злости, но стукнул слабо — силы-то откуда, — ножка осталась у меня в руках, а табуретка упала на пол. Староста и Сергей успели несколько раз двинуть его, прежде чем воришка подбежал к звонку (внутри камер были звонки) и вызвал охрану. Охранники, наверное, стояли в коридоре, потому что немедленно открылась дверь и в комнату вошли эсэсовцы. Первым они увидели меня с ножкой от стула в руке: «А-а, видер ду! (Опять

ты!)» — заорал один из них. В соответствии с тюремной этикой я не стал разъяснять, в чем дело. Это сделал староста. «Ах так, хлеб украл!» — и, обращаясь ко мне, начальник охраны сказал: «Продолжай!» — и они ушли. Но у меня уже прошло зло, я не стал трогать парня и попросил старосту, который хотел как следует его наказать, прекратить побои. С тех пор хлеб не исчезал. Главное, почему я вспылил: стало обидно, потому что, когда я ухитрялся стащить что-нибудь из продуктов на работе, всегда хотя бы понемногу, но уделял товарищам по камере, и в ответ — такая неблагодарность.

В камере курить не разрешалось, да я и курил очень редко, а если добывал где-то курево, менял на еду, считая это выгодней для здоровья. Иногда после работы перед входом в камеру нас обыскивали и курево отбирали в пользу наших «паразитов» — капо. Но я изловчился проносить контрабанду. Для защиты от холода я сшил из старой шинели рукавицы. У меня была маленькая железная коробочка, в нее вмещалось 6 сигарет. Приближаясь к тюрьме, я засовывал коробку в палец одной рукавицы, а спичечную коробку — в палец другой. При обыске, когда до меня доходила очередь, я небрежно бросал рукавицы в сторону на пол, а после обыска спокойно их поднимал и шел в камеру.

Так я поступил и в очередной раз, когда ко мне подошел эсэсовец для обыска: «Ну, хитрец, скажи честно, есть у тебя сигареты? Если нет, отпущу без обыска!» Глядя ему в глаза с самым невинным видом, чистосердечно и решительно ответил отрицательно. «Ну, хорошо, имей в виду, если найду сигареты, получишь как следует!» И он начал тщательно меня обыскивать, ходил вокруг меня, прощупывая всевозможные секретные места, и вдруг... что-то под ногой затрещало. Оказывается, я в этот раз плохо рассчитал и бросил рукавицы очень близко, и он наступил на спички. Он многозначительно посмотрел на меня, поднял рукавицу, достал оттуда спички и спрашивает: «Что это?» Решив, что терять нечего, начал валять

дурака. Внимательно, со всех сторон осмотрел коробку и с удивленным видом отвечаю: «Это есть спички». Он подымает другую рукавицу. Опять с шутовским видом осматриваю сигареты и заявляю: «Это сигареты». — «А я что сказал?» — «Вы сказали, что если найдете сигареты, я получу как следует». Он разворачивается (рост у дяди был два метра, а кулак — что кубанский арбуз) и наносит удар! К моему удивлению, боли не чувствую — в последний момент он сдержал силу удара, и получился легкий толчок в челюсть. Я понял, что меня пожалели и продолжил «представление» — упал и притворился на несколько секунд потерявшим сознание. С обеих сторон сцена была проведена на высоком уровне, и, думаю, ребята поверили, что все было на самом деле, но никаких обсуждений не было: получить заключенному затрещину от тюремщика — не выдающееся событие. Оказалось, что и среди тюремщиков встречаются порядочные люди, мало того, впоследствии и второй эсэсовец сочувствовал нам. За четыре месяца из всех заключенных только я получил затрещину, и то не настоящую.

Колотили нас по-настоящему тюремные капо. Ребятам я ничего не объяснял, подозревая, что среди нас есть доносчик; и если начальство узнает о таком странном поступке эсэсовца, могут быть неприятности. Был еще один «эсэсовец» — немецкая овчарка. Не знаю, как бы она повела себя, если бы получила команду «фас» для нападения на заключенного, но в тюрьме все мы были с ней на самой «короткой ноге», в самых приятельских отношениях. Она ласкалась к нам, заигрывала, в общем, между нами царила дружба.

Воздушных тревог было несколько, но лишь однажды американцы сбросили несколько бомб по 250 кг, три из них не взорвались. В тюрьму прибыло местное начальство, гражданское и военное. Построили в коридоре в две шеренги весь состав нашей камеры. Один из начальников произнес целую речь о том, что это варварский налет, в городе нет военных объектов, вооруженных сил,

укреплений и т. д. В основном население города состоит из женщин, детей и стариков. Начальство города обращается к нам с призывом оказать помощь мирным жителям; за что нас, согласившихся пойти добровольно откапывать бомбы, отпустят на волю. Я подумал и пришел к выводу, что это обещание, по крайней мере в отношении меня, подозреваемого «американца», не будет выполнено, и поэтому решил не дергаться. Начальник скомандовал: «Добровольцы, прошу два шага вперед», — никто не двинулся. Начальство посовещалось, и снова повторилось приглашение — все остались стоять на месте. А я подумал: «Все равно заберут, сколько им надо, а меня в первую очередь — пойду в герои сам», — и сделал два шага вперед. Тут молодой эсэсовец не удержался и воскликнул: «Вот настоящий солдат!» Вслед за мной вышли два молодых парнишки, и все.

После этого начальник тюрьмы сам назначил еще семь человек, в том числе Ивана Бучека. Тот начал отказываться: «Я нужен здесь, в тюрьме», — нашелся незаменимый работник в заплечных делах, но начальство сказало: «Иди, такому здоровому болвану стыдно отказываться». Надо не забывать, все эти капо в тюрьму пошли, спасая свою подлую шкуру, и напрасно им было ожидать уважения от порядочных людей. Так что его отнекивания не помогли, и к нашему удовольствию он разделил нашу судьбу. Нас разделили на две группы и повели к бомбам. Нашу пятерку вел молодой парень, жандарм. Одет я был далеко не по сезону: шапка, пиджак и брюки из мешочного материала, гарантировавшего свободное прохождение воздуха в любом направлении, а мороз стоял 8–10 градусов по Цельсию. Подходит ко мне жандарм, здоровенный упитанный парень и спрашивает: «Кальт? (Холодно?)» — я так посмотрел на него, что ему стало понятно: вопрос неуместный, и потихоньку отошел от меня, а я, злой как собака, иду и думаю: «Дурак, он что, не видит, в чем я одет, вдобавок худой и голодный».

Мы пришли на место падения бомбы — посередине двора небольшая ямка глубиной сантиметров 50. Кругом одноэтажные домики. Жителей на всякий случай выселили. Приехал унтер, пиротехник. На груди значок с цифрой 275: это столько бомб он обезвредил. Подвел нас к воронке, объяснил: надо рыть колодец как можно уже, лишь бы поместилась лопата, и направление держать по пути бомбы — где она прошла, там земля рыхлая. Рыть надо как можно быстрее, от этого зависят наши жизни. Когда покажется бомба, осторожно отрыть ее кругом. И работа «закипела». Сначала орудовали киркой и лопатой очень осторожно, а потом пришли к решению последовать указанию унтера, и начали работать «по ударному». Жандарма видно не было, наверное, спрятался за домами. Я стою, смотрю, как работают ребята, жду своей очереди.

Вижу, напротив в дверях дома стоит наш страж и призывно машет рукой. Я посмотрел вокруг себя, думал, кто-то стоит, кого он зовет — никого нет. Показываю пальцем на себя, он кивает головой. Подхожу к нему, сделав сердитое лицо, он неожиданно хватает меня за руку и втаскивает в дом. Думаю: «Наверно, хочет меня застрелить, но для этого вовсе не обязательно было тащить в дом, тем более немецкий, можно и на дворе, на свежем воздухе это сделать». Потом выяснилось: он просто боялся, что кто-нибудь увидит нас входящими в дом. Сказать, что я панически испугался, не могу, но все же эти непонятные действия вызывали подозрения. «Снимай пиджак! Шнель, шнель (скорей)!» Опять ничего не пойму. И понял только тогда, когда он сунул в руки шерстяной свитер со словами: «Скорей одевай!» Я просто оторопел от удивления.

Вообще у немцев кража была не в почете, но чтобы жандарм во время охраны заключенных украл для своего поднадзорного из дома немца вещь! Это для моего разума, да не только моего — для любого, рассказать — непостижимое дело. За это в случае поимки ему грозили

тюрьма или концлагерь. Немцам не разрешалось никакое общения с нами, а тут...

Конечно, мое самочувствие немного улучшилось. Сразу стало теплей и душе, и телу. Я вижу, он парень добрый, спрашиваю: «Можно поискать еды?» Он отвечает: «Да!» Стал шарить в кладовке — ничего! Смотрю: бидон, залез рукой: что-то жидкое полилось — тьфу! — машинное масло. Ребята нашли щепок, ведро, развели костер и начали варить картошку. По двору ходили гуси, наш охранник вытащил штык и давай бегать за гусями: «Зарежу, — говорит, — вам гуся». Конечно, в шутку. В Германии в те времена не только чужого гуся, своего цыпленка без разрешения начальства нельзя было резать. И вдруг в дырку в заборе лезет хозяйка дома и видит такую необычную картину. Наш друг перепугался, покраснел, что-то пробормотал, вроде «пошутил», нож поскорей спрятал. И нарочно закричал на нас: «Арбайтен! (работать!)».

В это время подошла моя очередь «арбайтен». Грунт был — гравий с песком и глиной. Попадались и большие камни. Глубина — уже около пяти метров. Попался мне большой камень, схватил я кирку, бью в одном направлении, и все камень, не могу найти зацепку. Дай, думаю, проверю, что это за камень, расчистил песок рукой — бомба с красными полосами. Вызвали пиротехника. Бомба лежала горизонтально, нос даже чуть кверху. Из трех бревен соорудили над ямой вышку, подвесили блок, на бомбе нашли кольцо, подцепили и подняли, подсунули доску и вытащили, положив рядом с ямой.

Пиротехник обезвредил бомбу, вытащив из нее часовой механизм. Мы привязали веревку и потащили бомбу на улицу по снегу, а там уже лежала другая бомба. Она вошла в землю не так глубоко, как наша, и ее вытащили быстрее. По моему предложению для смеха мы сильно разогнали бомбу и стукнули об другую — раздался сильный металлический стук. Жители, обступившие бомбу, перепугались так, что некоторые попадали на землю. Мы

сами перепугались, как бы нам за эту шутку не попало. Пришли в «родную» камеру, а там пир горой: роздали по кусочку хлеба, крохотному кусочку колбасы и ломтик сыру. Это, объяснили нам, подарок от благодарных жителей города. И на этом «гран мерси»!

Наутро пошли всей десяткой вытаскивать сообща третью бомбу, она упала около речки. Раньше мы не смогли ее вытащить потому, что стенки колодца, который мы вырыли вокруг бомбы, подмывало водой, они обвалились, колодец превратился в котлован, и весь труд пропал. Но сейчас дело пошло быстрее — прибыла пожарная машина с мощной помпой. Пожарники выкачивали воду, а мы работали «ударно»: все-таки не хотелось взорваться. Пришло время обеда, и мы напомнили немцам об этом, тем более что при виде не обычной баланды, а хорошего варева нам захотелось устроить перерыв.

Но на этот раз немцы изменили своей формуле «У нас порядок и дисциплина, дисциплина и порядок» и настояли на продолжении работ. И хорошо поступили! Когда унтер разрядил бомбу — это несколько метров пружин, проводов, механизмов, сделал вывод: «Взрыв должен был произойти через 15–20 минут!» Спасибо охранникам, что не дали разрешения на обед. Вечером нас опять наградили микроскопическими бутербродами.

В один прекрасный зимний день (еще до бомб) меня и двух парней забрали из камеры, привели на товарную станцию и приказали разгружать две платформы скальной плитки. У меня еще не было тогда ни рукавиц, ни свитера; ребята были одеты так же, как и я. А мороз приличный. Вагоны где-то побывали под снегом, потом он подтаял, а затем опять подмерз. Вот где мы узнали, что такое медленная пытка! Пока руки не замерзли, мы отрывали по 2–3 плитки, размер их был, к сожалению, небольшой, примерно 20 на 20 см. К сожалению потому, что иначе мы бы быстрее управились с разгрузкой. Когда руки через несколько минут замерзли, мы вынуждены были закладывать их в щели между плитками и, пользуясь

кистью как рычагом, отламывать одну плитку и аккуратно складывать на землю (немцы любят аккуратность). Слава богу, что железнодорожная колея в Европе уже нашей и соответственно вагоны меньше... Руки до плеч разболелись ужасно, такая была боль, мы думали — наши руки отнимутся навсегда. Возможно, поэтому уже лет тридцать у меня болят плечи, а было время — года четыре подряд — правую руку выше плеча поднять не мог, и только регулярные занятия лечебной физкультурой помогли, но полностью от болей я так и не избавился.

Вот как наградило нас начальство за выкапывание бомб. Утром посадили нас четверых в автобус и повезли в неизвестном направлении за город по горной дороге. Минут через 20 из-за поворота показался большой дом санаторного типа. Перед домом — громадная клумба с красными цветами, в середине — черный крест. Сдали нас какому-то солдату: «Получай рабочих!» Он привел нас в какой-то полуразрушенный сарай и грубым голосом говорит: «Вот видите?» Мы видим. В одном углу кучка капусты, вилок 30, а в другом — такое же количество свеклы.

— Если к обеду (то есть к 12 часам, а было 9) не перенесете капусту на место бураков, а бураки на место капусты — пеняйте на себя, будете наказаны палками и оставлены без обеда!

Вижу, ребята совсем приуныли; конечно, не зная языка и видя злобное лицо, слыша злой голос, что оставалось думать: попали в переделку, вот так награда.

Говорю им: «Ребята, берите вилок капусты все, так, дружно подняли, понесли; кряхтите как будто очень тяжело, так, молодцы, сделайте вдох, хорошо — выдох». Подняли вчетвером свеклу, ох, «швеа (тяжело)». Солдат засмеялся и ушел. Мы поняли, что он тоже артист. Только немецкий. Это было под Рождество, числа 22-го. Прошло несколько дней, нас возили в госпиталь. Работой не перегружали, раненые относились к нам неплохо. Такой премией мы были очень довольны. Но ско-

ро все закончилось. Летел американский бомбардировщик, наверное, увидел крест и сбросил бомбу. Как раз выходил из дверей главврач, с ним были еще люди из медперсонала: все погибли. Приезжаем утром и видим вместо клумбы громадная воронка, дверей и окон нет, в стене трещины.

Нас повели в разбитую часть госпиталя, и мы стали переносить все в уцелевшие помещения. Мы здорово поживились на уборке: масса продуктов была разбросана, немцы разрешили забрать их себе. Вечером мы устроили в камере роскошный пир, одновременно объявив всем провинившимся амнистию. Так закончились наши счастливые денечки.

Некоторое время мы ходили работать на ткацкую фабрику крупного фабриканта Ключачека, имевшего в разных городах еще семь фабрик. На нашей фабрике выделялась отличная шерсть. Но однажды я прочитал на громадных тюках шерсти надпись «Деревообделочная фабрика». Удивился: причем здесь дерево? Спросил у немца, он засмеялся и говорит: «А ты не знал? Мы из дерева делаем шерсть!» Через несколько дней пришел шофер Ключачека и спрашивает: «Есть кто механик?» Я отозвался, и меня перевели работать в гараж, помогать шоферу Антону ремонтировать легковую машину «Опель-Кадет».

Гараж находился во дворе особняка фабриканта. В гараже было тепло, пол паркетом покрыт, несколько гардеробов битком набиты мужскими костюмами и хорошим кожаным пальто. Кухарка у него была старушка-немка. Она жалела меня и в обед приводила на кухню, где кормила меня досыта. (Свои не жалели, но находились добрые враги, с опасностью для себя проявляли человеческие чувства и поддерживали, чем могли.) При виде этого богатства пришла мысль использовать его для побега. Думаю: подкормлюсь на кухне у капиталиста, лицо примет вид нормального худощавого человека, а не как сейчас: череп, обтянутый дряблой кожей, и махну. Выберу

момент, когда шофер Антон отлучится из гаража по ремонтным делам (обычно они отнимали 2–3 часа), быстро облачусь в подходящую «джентльменскую» одежду, и... ищи ветра в поле. Недаром я был одно время инструктором вождения в полковой школе. При удаче можно проехать порядочное расстояние. Будет грозить опасность, брошу машину и пойду пешком. Все же я не терял надежды добраться до Тито.

Однажды сижу, читаю газету (немцы запрещали читать даже немецкие газеты), но здесь контролеров не было. Вдруг входит сам Ключачек и видит одного несчастного доходягу с газетой в руках. Спрашивает меня: «Антон, Антон?» И при помощи жестов пытается продолжить разговор. Я вежливо отвечаю ему, что мы с Антоном разбирали двигатель, обнаружили, что болт блока цилиндров сорван, и Антон пошел к токарю точить новый. Такой обстоятельный ответ, да еще почти чисто, с берлинским акцентом, видно, заинтересовал его, и он присел к столу, посмотрел на газету, но ничего не сказал.

— Где ты научился так хорошо говорить по-немецки?

— У вас в институте.

— В каком?

Я ответил:

— В пленном лагере!

Ключачек засмеялся и стал расспрашивать о жизни в СССР. Как патриот родины я стал врать, что наш заработок в среднем 2000 р. в месяц.

Он говорит:

— О! Это хорошо! А почему хлеб?

Когда же я сказал, что хлеб стоит один рубль 70 копеек за килограмм, он заметил, что зарплата небольшая. И как я ни пытался, усиливая свое вранье, говорить, что живем мы очень хорошо, я уже не мог исправить положение. Вот, оказывается, каким четким показателем уровня жизни является цена на хлеб.

— А как поступали большевики с капиталистами во время революции?

Был декабрь 1944 года, и здравомыслящему человеку стало понятно, что Германия войну проигрывает, и заданный мне вопрос, наверное, неоднократно вставал перед Ключачеком. Я ответил примерно так, как нас учили: «Некоторые капиталисты не выступали против новой власти, добровольно сдавали свои предприятия, и бывали случаи, их же назначали руководителями их заводов». Ключачек задумался о своем явно нерадостном будущем.

Беседа закончилась. Мой собеседник встал, достал большой портсигар, битком набитый сигаретами. Я обрадовался, решив, что он хочет вручить гонорар за информацию: вот сейчас насыплет десяток-полтора сигарет, но получил измятую и надорванную сигарету. «Спасибо», — и он ушел.

По какому-то случаю выдали бутербродики и сообщили: «От Гитлера!» В два приема я уничтожил свой бутерброд и сказал: «Дай Бог Гитлеру здоровья!» Некоторые посмотрели на меня с удивлением, а я добавил: «Чтоб он скорей сдох». Нашлась какая-то стерва, передавшая мои слова. Кто? Осталось неизвестным. Кого-то брали из камеры, приводили обратно, брали еще и еще, и так несколько часов; после выполнения незначительной работы приводили, поэтому определить, кто донес, невозможно. Меня забрал Бучек и привел к начальнику тюрьмы.

Он меня спрашивает: «Ты сказал?..» Я повторил свои слова о Гитлере. Я не стал отказываться, да и не помогло бы. «Да», — ответил я. «Возьмите его». Вывели меня, сердечного, Бучек, Стефан и третий — сапожник, завели в каптерку и изуродовали на славу. Ваня колотил резиновым шлангом, Стефан бил не знаю чем, а третий — колотками. Но моя ненависть была так сильна — не могу описать! Я стиснул зубы, и не слышали гады ни крика, ни даже стога. Вытолкнули меня в коридор, узнать меня было трудно, и я вместе с чехами (они были из других камер) приступил к натиранию пола. Чехи сильно переживали за меня, скрипели зубами и повторяли про себя что-то вроде: «Уж приде тен день по валке» («Вот придет

тот день после войны», я уж забыл те несколько слов, что знал по-чешски).

Как-то ездили мы с одним шофером, развозили продукты по городу для кафе и столовых. Когда проезжали мимо реки, шофер увидел знакомого, остановил машину и заговорил с ним. Я тоже вышел из кабинки посмотреть, что там на реке делают какие-то пленные, и вдруг они мне закричали: «Ада кардаш! Салам алейкум! (Эй, брат! Здравствуй!) Ты живой? Молодец!» Это оказались азербайджанцы, мы были с ними в одном блоке в Ламсдорфе, а потом их перевели в другой лагерь. На реке они ломали лед. «Ада сказал нам, тэбэ поймал и застрелил! Слушай суда, мы так тэбэ ругал, вес лагэр ругал, ты убежал, а нас пять дней немец считал каждый день, три часа считал, немец тожэ ругал, мы тожэ ругал!»

У охраны получилась, очевидно, путаница. Утром в воскресенье пересчитали лагерь (в рабочие дни «апель» делали вечером) — получилась одна цифра. После проверки я из отправительного блока перебежал в свой блок, а утром уехал (это был уже понедельник) в г. Найси и там сбежал. Унтер вернулся в лагерь и доложил о побеге, но когда вечером провели «апель», оказалось, что состав не изменился. В отправительном блоке не хватило одного заключенного, получилось два побега. А надо еще было учесть умерших, а также и новое пополнение. Вот они и мучили людей пересчетами, а это около 20 000 человек. Как подумал, сколько ругани свалилось на мою голову, даже жутко стало.

В середине января мы слышали залпы нашей артиллерии, которые были с каждым днем все сильнее. Однажды старосту и меня должны были взять на работу, это распоряжение было нам объявлено утром 24 января 1945 года, еще при Рони. А в полдень моего приятеля уже освободили, но он пообещал навестить нас на работе. Вечером эсэсовцы загнали в нашу камеру человек 25 из других камер. Затем отобрали примерно пятнадцать ребят и увели. Через 2–3 часа их вернули. Вся эта кутерьма мне не

понравилась. Первое: зачем надо освобождать камеры и перегружать нашу? Если ждут пополнения, проще было бы рассовать по камерам без лишней суеты. Второе. Я стал расспрашивать переведенных из других камер, за что кто сидит: коммунист из г. Киля, еще коммунист, какие-то крупные нарушители, фабрикант с перевязанной грязной тряпкой раной на горле — во время разговора он сильно хрипел, а из раны сочилась кровавая пена, он был арестован за поставку в армию недоброкачественной продукции. (Увидел в окно, что идут гестаповцы, схватил бритву и резанул себя по горлу, но недостаточно сильно.) Третье: вернувшиеся ребята рассказали, что они были на втором этаже и из комнаты над ними перетаскивали вещи в крайние комнаты. Все эти подозрительные действия вызывали чувство тревоги.

Утром в воскресенье 25 января 1945 года мы проснулись не от обычных криков и команд, а наоборот, от какой-то жуткой тишины. Хлеб не раздают, чай тоже, за старостой и мной никто не приходит, а время уже 9 часов. Сажу на тумбочке между двумя дверями камеры, опираюсь на стенку спиной, слушаю лежащего на кровати Сергея, развлекающего нас приключенческими рассказами из своей жизни. Кто сидит на кровати, кто лежит. Мне захотелось курить, я подошел к окну и закурил, пуская дым в окно.

Подошел один парень и попросил докурить. Я не стал жадничать, оставил ему приличного размера «сорок», вернулся к слушателям, и в момент, когда я пристроился на свое место, прямо передо мной, в месте, где потолок соединяется со стеной, показался огонь, одновременно раздался сильнейший взрыв, и нас засыпало обломками здания; поднялась сильная пыль, комната наполнилась газом, наступила мгла. Те, кто был ближе к дверям, пострадали меньше остальных, бывших в центре камеры. Все это выяснилось немного позже, а в эти секунды кто-то орал во всю глотку: «Мама! Мама!» Это оказался здоровенный парень, воровавший у меня хлеб.

Думая, что он ранен, я нагнулся к нему, стал ощупывать, спрашиваю: «Где ты ранен?» — «Нет, я взлякался (испугался)».

Взрывной волной вырвало обе двери. Стало немного светлей: вся стена, выходившая во двор, и частично боковые стены разрушились. Под грудой обломков погибла, наверно, половина наших товарищей по камере. Мы стали пробираться во двор. Там стояли человек пять эсэсовцев, со второго этажа из крайних комнат тоже выглядывали эсэсовцы — все с автоматами. Они крикнули нам: «Не бойтесь, не взорвется больше». Мы не могли узнать друг друга, так сильно запрессовалась на наших лицах смесь пыли и газа. Эта грязь держалась с неделю, мы ходили, как негры.

Когда все успокоились после взрыва, нам объявили, что налетели бомбардировщики и сбросили бомбу. Якобы перед взрывом вежливые американцы сообщили, куда они будут бомбить, сообщили заранее, и аккуратные немцы приняли меры к спасению имущества, а также к расправе с неугодными. Объяснение немцев — стопроцентное вранье, не могли американцы их предупредить. Когда летели самолеты в нашем направлении, давалась предварительная тревога — выли сирены. Если направление не изменялось — давалась боевая тревога, и нас загоняли в подвал.

Подошли автобусы, нас усадили в них и отвезли в централ г. Табора. Это была большая тюрьма, громадные пятиэтажные корпуса. Наши нервы были напряжены до предела: где-то дверь открыли, кто-то прошел, миску уронили, а мы думаем, что вот идут за нами и сейчас поведут на расстрел. Пробыли мы там, в этой нерво-трепке, три дня, а затем нас опять посадили в машины, все 123 человека, и повезли. Ну, думаем, пришел наш конец! Но мы ошиблись, нас посадили в товарные вагоны и под охраной солдат вермахта повезли, объявили: «Везем на работу к крестьянам». Солдаты угощали нас куревом, по-хорошему разговаривали, но я все же не

верил им и оказался прав — обманывали, чтобы легче было охранять.

В тюрьме в Терезине

Привезли в концлагерь Терезин — крепость, которую построила королева Мария Терезия. Со станции нас вели пешком, и вот мы подходим к воротам крепости (а шли в строю по пять человек, я — в последней тройке), и, когда проходим ворота, привратник-эсэсовец медленно их закрывает и, мрачно глядя на меня, вталкивает внутрь крепости. Меня охватила полная безнадежность. Получилась очень суровая символика: одной рукой он меня подталкивал, а другой медленно закрывал громадные ворота, как бы говоря: «Все, отсюда выхода нет».

Подвели нас к какой-то конторке во дворе, скомандовали: «Налево!» — и мы оказались стоящими в пяти шеренгах лицом к конторе (не знаю, как иначе ее назвать). А так как наша шеренга стояла в последней тройке, мы очутились перед дверью. Ну, думаю, повезло нам, первые пойдем оформляться, не придется долго стоять. Но я ошибся, забыл о немецкой пунктуальности: начали с правого фланга, и пришлось стоять около трех часов, и в камеру попали мы позже всех. В этом же здании нас обыскали, отобрали личные вещи и сделали их перепись (!), непонятно для какой цели. Ведь мы были уверены, что останемся здесь навечно.

В конце двора была полукруглая арка, а над ней надпись: «Арбайт махт фрай» («Работа делает свободным») — надпись для дураков. Когда нас выстроили, дали команду «Стоять смирно! За нарушение наказание!» А мороз был 8–10 градусов, и, учитывая нашу летнюю экипировку, нам предстоял очередной кошмар. Прошло лишь несколько минут, чувствую, начинаю замерзать,

но вечная слава спорту! Я придумал с ходу упражнение и спас еще раз себе жизнь: стал напрягать мышцы всего тела, затем расслаблять, в то же время шевеля пальцами ног. Один из стоявших в задней шеренге думал, что там его не видно, и начал активно двигаться; но, оказывается, позади стоял охранник. Увидев нарушителя, он подбежал и начал бить его резиновой дубинкой. После этого все замерли, как статуи.

К сожалению, я не мог помочь беднякам — мы все находились под непрерывным контролем. Некоторое время спустя я увидел двух поляков, которые стояли тогда с нами. Ходили они босиком, мясо на пальцах почернело и начало отпадать, видны были кости. Конечно, о какой обуви можно было говорить! Как они передвигались, трудно понять. Помощи никакой не оказывалось. В строю остался я и старик. Вполне вероятно, что «старик» был моложе меня, но выглядели мы одинаково паршиво — жалкие подобия людей.

Подходит к нам эсэсовец. (Забыл сказать, ввиду плохих времен арийцев осталось мало, и в СС стали принимать представителей других наций.) Это был, судя по красным петлицам, венгр. Подошел и спрашивает: «Кальт ист? (Холодно?)». Действительно, мой сосед выглядел очень несчастным, накрытый мешком, сгорбившийся и дрожащий. Толкаю в бок соседа, а сам бодрым голосом отвечаю: «Нихт кальт!» А сосед, расчувствовался теплым отношением, отвечает: «Да, холодно». Наверное, думал, что сейчас ему подадут горячего кофе. Тогда венгр присел, руки вперед, еще раз повторил и говорит старику: «Мах зо (Делай так)». Бедный старик начал делать «согревательную» гимнастику. Я стою. Венгр командует мне; я говорю, мне не холодно, но он настаивает, и я вынужден был подчиниться. После шести-восьми приседаний «старик» упал. Венгр стал бить его палкой. Подошел русский эсэсовец, спрашивает у венгра: «В чем они провинились?» — «Ничем». — «А зачем наказываешь?» и поднялась ругань. Венгр обозвал русского большеви-

ком, тот что-то ответил, и они, к нашему удовольствию, удалились.

Нас обыскали и привели в громадную камеру, вырытую в земляном валу крепости и облицованную железобетоном. Конечно, «обстановка» та же — трехэтажные нары, посередине большой стол и все, не считая старого «друга» — параши в кабинке. Одно слово — Европа! Но когда дали обед, мы поразились; удивила и вторая жратва — обе были шикарные. Такого питания я не видел ни в одном лагере, а прошел их — ой-ой-ой! Нас так удивляли еще один день, а потом пошла обычная баланда. Старые заключенные сказали: много народу брали на срочную работу — строительство подземного завода, поэтому и кормили, а теперь стройка подошла к концу, и питание ухудшилось. Молодцы немцы! Просто приятно было видеть их точность и организованность! Может, и мы лет этак через полтысячи научимся работать. Конечно, желательно было бы видеть эту организованность по-дальше, без личного участия, но...

В камере набралось человек двести, многие были из нашей тюрьмы. Нашего капу Ванюшу Бучека его неблагодарные хозяева сдали в лагерь на общих с нами основаниях, не сообщив о его добросовестной службе. В камеру заглянул СС и крикнул: «Выбирайте капо!» Основной контингент камеры — европейцы, народ воспитанный, интеллигентный, скромный. Кандидатур не выдвигают, стесняются. Да и не знали еще люди друг друга. Вдруг выходит Бучек, залезает на стол и начинает говорить: «Дорогие друзья, предлагая себя, я хочу рассказать о себе. Я был капо в тюрьме в г. Ягендорф. К заключенным относился хорошо, отношения у нас были дружеские. Всячески старался облегчить тюремную жизнь, как говорится, сколько у меня было сил и возможности, старался для людей, за что имел выговоры от начальника тюрьмы, сам держался, как говорят, на волоске» и т. д. и в таком духе.

Я подбежал к чехам из нашей тюрьмы, в панике обращаюсь к ним: «Други! Что вы смотрите? Выступите, скажи-

те правду об этом негодяе, ведь вы прекрасно знаете его! Сами страдали от этого палача, видели, как мучил других, не допускайте его избрания, иначе он опять будет издеваться над нами». А они мнутя и молчат. А претендент на пост капы заливается соловьем — какой он добрый и хороший. Смотрю, слушатели начали перешептываться, чувствую, настроение меняется в его пользу, вот-вот проголосуют, и тогда я пропал, тем более что он понимал, почему я суетился. Придя в полное отчаяние, решил пойти ва-банк. За его спиной я тихо вскарабкался на стол, тихо подошел к нему и столкнул со стола.

От неожиданности он по инерции пробежал несколько шагов, повернулся и, яростно потрясая руками, бросился на меня. Я не дрогнул и, пока он двигался ко мне, успел сказать (по-немецки понимали все): «Видите его кулаки? А ведь мы его еще не выбрали, что будет, когда он станет капо?» Он опустил кулаки и, стоя у моих ног, со злобой смотрел на меня и, наверное, очень сожалел, что не прикончил меня в тюрьме; а я продолжал: «Смотрите, на нарах сидят ваши чехи, я буду говорить, а они пусть останавливают меня, если я скажу неправду». Я начал рассказывать, а они подтвердили и еще добавили, рассказали о том, что было до моего пребывания в тюрьме. В результате Ивана забаллотировали¹.

Это было мое единственное за всю жизнь публичное выступление, причем на немецком языке, до этого и после я никогда не выступал.

В дальнейшем я забыл о своем геройском поступке и удивлялся, почему чехи так хорошо ко мне относятся и не скрывают от меня ничего. Я завоевал доверие. Например, сидит на нарах чех и в рубахе ищет... вшей! Это в Германии невозможно. Нас регулярно водили в баню,

¹ История с «выборами» капо немного странная. Капо, отвечавшие перед немцами за жизнь и работу заключенных, безусловно, назначались, а не выбирались. «Выборной» могла быть должность старосты камеры, но не капо.

выжигали всю одежду, да так добросовестно, что прожигали дыры. Я спросил его: «Ты бьешь вшей?» Он рассказал, что им приносят из дома передачи — белье и еду, в швы белья вкладывают «писульки» — записки на маленьких листках папиросной бумаги, сворачивают их в трубку, разминают — и в шов. Такую кроху трудно обнаружить. Обычно передавали фронтовые новости, а их получали от подпольных радистов, а потом в лагере заключенные узнавали новости раньше немцев. Еще чехи предупредили: если перед выходом на работу на построении начальство скажет: «Кто не может сегодня идти на работу по болезни или устал, разрешаем остаться», не оставайтесь: отравят и сожгут. Поэтому в таких случаях я принимал самый бодрый вид. Как-то вечером открывается дверь нашей камеры (нас уже было человек 600), и два солдата швыряют молодого парня на пол лицом вниз. Ребята подняли его, положили на вторые нары, обмыли, под голову сунули тряпье, привели в чувство, дали напиться. Лицо избито, кисти рук в синяках и в крови. Бедняга стонет, дышит еле-еле. Никакой серьезной помощи, кроме воды. Утром ко мне подбегает чех и: «Тот русский!» — и палец прижал к губам. Все ясно, подбросили провокатора. А он нам рассказывал, что он гражданский, репатриированный, работал поблизости, помогал бежать пленным.

Дня три пробыл у нас, а затем его убрали, так как никто не подходил и не говорил с ним.

Я очень часто говорю «чехи» потому, что в основном это был чешский лагерь. Но было очень много людей других национальностей, правда, небольшими группами; например два молодых норвежца — они пытались на парусной лодке уйти из Норвегии в Англию.

Случаи, описанные мной выше, говорят о хорошо налаженной подпольной работе. Мой приятель-чех указал на одного чеха и рассказал, что среди них находятся тридцать чешских офицеров, которые замыслили поднять в Чехии восстание, но этого чеха немцы арестовали, пытали, он не выдержал и выдал заговорщиков. Этот человек обращал

на себя внимание своим угнетенным видом. Конечно, мы тоже не веселились, и все-таки вид у него был уж очень подавленный, и печальное лицо никогда не меняло своего выражения. Даже ничего не зная о нем, можно было понять, что он пережил какую-то трагедию. Меня это очень заинтриговало, и я постарался войти к нему в доверие. Он всегда был один. Я стал возле него крутиться, при случае заговаривал с ним, если удавалось добыть курево, угощал; и так завязалось знакомство, и наконец, он вкратце рассказал о своей трагедии, аресте, пытке. Самая тяжелая: они связали его в группировке — руки обхватывают ноги возле ступней и в таком положении, просунув палку между ног и рук, подвесили меж двух стульев и палкой били по пяткам. «Я не выдержал и все рассказал». И теперь остался одинокий, убитый горем и презираемый бывшими друзьями. Может быть, ему стало хоть немного легче, когда он поделился со мной? (Забыл сказать: в дневное время камеры блока были открыты до вечерней проверки.)

На строительство подземного завода, кажется, танковых двигателей нас, 500 доходяг-работяг, возили в автобусе. По прибытии выгружали и загоняли в штольню: в начале, у входа, она была широкая и высокая. Здесь нас ожидали мастера и разбирали в соответствии со своими потребностями.

В первый раз я попал на работу к бетонщикам, вот это была работа! Уже за час я замучился, а до перерыва — два часа, а я готов был лечь и отказаться от работы. Но я помнил угрожающие надписи на досках, висящих на каждом шагу: «За саботаж — расстрел» — коротко и ясно. А бетономешалка (хоть бы она сломалась!) с чертовской скоростью выдавала бетон, двое ребят перекидывали его на помост, где стоял я и кидал его в опалубку шахты. Не представляю себе, как я выдержал эту нагрузку. Сам весил, дай бог, килограмм 40, а лопата бетона — 10. Спасла меня спортивная тренировка, другого объяснения нет. После обеда я нахально дезертировал.

Хорошо, что мастер не принял мер к розыску — поставил другого, и все.

На другой день, обогащенный опытом, я изобрел блестящую методику увиливания от работы на пользу Германии. (И чего ради я буду на них работать?) У входа при разборе рабочей силы не было учета, кто сколько взял, просто последний мастер брал сколько осталось. В конце рабочего дня мастера шли в раздевалку, а мы самостоятельно — к выходу. Там нас пересчитывали, загоняли в машины и везли в лагерь. Но вернусь к «методике». При распределении рабочей силы я становился в самом конце колонны и выжидал, когда будут отбирать группу в 25–30 человек, тогда спокойно я присоединялся к ним, а по дороге к месту работы также спокойно отставал от них и целый день делал вид занятого человека. Для этого подбирал кирку и ходил с ней, при виде немца начинал яростно разрушать любой бугорок, попавшийся мне на глаза, а он: «Гут, гут», а про себя наверняка думал: «Вот старательный идиот». Однажды нашел неизвестно как попавший в шахту альпеншток, он легче кирки, теперь я носил его, и уходя с работы, припрятывал в тайник. Могу похвастать «трудовым неуспехом»: за все время, проведенное мною в шахте, на строительство завода мной было потрачено 3 (три) часа — в первый день.

В шахту приводили также заключенных из другого концлагеря, кажется, Лайтмериц. (У них форма одежды была другая — в белые и синие полосы, и им машинкой выстригали полосу от лба до затылка. В нашем лагере масляной краской красного цвета проводили линии по одежде: по брюкам типа генеральских лампас, на спине крест и по бортам пиджака. Все это для затруднения побега.) Познакомился с одним греком — офицером греческой армии. Давным-давно мой знакомый мальчишка-грек распевал модную греческую песню: «Мадонья Клара, мадонья маэфтыки, Мадонья Клара форму сагапо», дальше не помню, да и за правильность этих нескольких строк не ручаюсь. Но греческому офицеру я пропел до конца.

Мое сольное выступление привело его в восторг. Мы стали друзьями. Оба были великими мастерами по увиливанию от работы, не симулянтами, а именно мастерами по увиливанию. Больных уничтожали, и поэтому притворяться больными не было смысла. При удобном случае, когда была возможность проникнуть в немецкую раздевалку, а их было много, мы не брезговали заниматься мелкими кражами; в основном воровали бутерброды и сигареты, причем всегда брали только часть бутербродов или сигарет. И потерпевший, если замечал недостачу, сваливал все на свою рассеянность. Если попадет моя история кому-то на глаза, простите нас! Даже некоторые немцы говорили: «Ну и что? Голодный был и украл!»

Как-то я спрашиваю грека: а чем греки в основном занимаются? Думал, он расскажет об основных профессиях, например рыбаках, моряках и т. д., связанных с морем. А он: «Половина продает!» — «А вторая?» — «А вторая покупает!» Так мы старались всеми возможными средствами отвлечься от нелегкой действительности, и хоть ремни наши были затянуты до предела, все же с шуткой жить было легче. Но были шутки и другого сорта. Стоим на развилке шахт и мирно беседуем; вдруг (хоть мы и вели наблюдение, но тут прозевали) подбегает капо из их лагеря и — трах! — левой рукой бьет грека по физи, а правой — меня и идет дальше. Мы смотрим друг на друга с укором: прозевали. И вдруг слышим сильный грохот за поворотом: с потолка посыпалась земля (шахту еще не облицевали в этом районе) и пошел сильный гул. Оказалось, что есть Бог на небе и иногда он защищает сирых. Наказал он капу: обвалился порядочный кусок породы и придавил его насмерть. Вот и у нас иногда бывали маленькие радости!

Раз в две недели происходила пересменка: шахтеры дневной смены шли в ночную, и наоборот. Обычно мы получали один день отдыха. Правда, не особо полноценного, потому что камера была рассчитана на 600 человек, а в двух сменах было около 1200. Конечно, лучше отдыхать,

чем голодному работать, но в тот раз отдыха не получилось. Весь лагерь — это 10–12 тысяч человек — выстроили и под охраной усиленного конвоя СС повели колонной по десять человек в ряд.

Было довольно прохладно. Мой свитер — подарок жандарма — отобрали при обыске. Я шел в середине, решив, что меня не заметят (была команда идти строевым шагом), засунул руки в карманы и иду, шевелю плечами в такт движению. Но один из конвоиров увидел, подкрался сзади — и как даст мне по копчику носком сапога! Света я не взвидел. Привели нас к противотанковому рву, его глубина уже была метра два, на дне — вода по колено.

Разместили нас вдоль рва не как попало, а по национальностям. Первое место отдали евреям, затем советским военнопленным, полякам, чехам, французам, англичанам, а в конце немцам. Вел нас, как я говорил, усиленный конвой. Справа и слева чуть ли не в затылок шли конвоиры с автоматами, кроме этого, по полю, вокруг колонны, — патрули с пулеметами. Начали мы работать в хорошем темпе, голову боялись поднять. Эсэсовцы стояли над нами, что-то рассказывали веселое, судя по смеху. Изредка покрикивали: «Давай, живо!»

Потом началось, по-видимому, совещание. Снова подошли к краю, поближе к евреям. «Эй, вы двое! Да не те, а вот с краю, да, да!» — и приказали: «Боритесь!» Евреи с жалкой улыбкой начали имитировать борьбу. Тогда немец вскинул автомат и заорал: «Борись по-настоящему!» Те, до смерти перепуганные, схватились по-настоящему и стали кататься в воде во всю силу, зрители (конечно, не мы) хохотали, глядя на невиданное зрелище. Заставили бороться несколько пар еще, а потом, насытившись диким зрелищем, отошли.

Мы смотрели только вниз, боясь поднять голову на секунду. Прошло некоторое время, немцы опять начали какое-то обсуждение. Несмотря на страх, из-за своей проклятой любознательности или простого любопытства я иногда искоса посматривал в их сторону. Вижу, они что-то

делают с куском фанеры, а что, не разобрал; догадаться просто не хватило бы никакой фантазии, в этом я убедился, когда увидел, для чего ее готовили. Продолжаем работать. Опять к евреям подходят наши «весельчаки». «Ну ты, жидовская морда! Вылезай!» Выбрался один несчастный из ямы. Отвели его чуть подальше. На грудь повесили фанеру, так вот для чего они возились! На фанере нарисована мишень. Выстрелил один, подбежали, посмотрели: «Эх ты, в восьмерку попал!» Вызвали другого, и так было убито человек 25, пока наконец они не прекратили свою кровавую игру.

Подошли к нам, и один головорез заявляет: «Сначала евреев перестреляем, потом вас, потом поляков, чехов и так до конца!» Хорошенькое сообщение о прекрасной перспективе. Мы не сомневались, что исполнение не задержится.

На другой день наш барак отправили в шахту, поэтому о дальнейших событиях не могу ничего сказать, тем более что и судьба военнопленных изменилась. На работу мы пошли во вторую смену. Я любил вторую смену, потому что хорошо высыпался. Залезал в опалубку и спал. В шахте было тепло. Еще один такой умник нашелся, но он заснул в дневную смену и, наверное, после обеденного перерыва, так как по окончании работы при проверке обнаружили нехватку и, когда нашли, крепко наказали. Один лагерник переоделся, наверное, стащил одежду в раздевалке мастеров, сумел выйти незамеченным из шахты, прошел один проходной пункт, но на втором, последнем, его задержали и, конечно, жестоко наказали. Это я знал по рассказам, оба случая были до моего прибытия в лагерь.

А вот случай, свидетелем которого был я сам. Я сидел в камере «четвертый двор» или «блок», точно не знаю, чехи его называли «na IV dvur». Однажды ночью раздалась стрельба из автоматов, затем стихла. С утра стрельба возобновилась и продолжалась с перерывами, постоянно приближаясь к нам, пока, наконец, не раздалась в

нашем дворе. Слышим выкрики, затем три короткие очереди. Тишина, и вновь все повторяется. И так раза три. Снова тишина.

Вдруг открывается дверь, и врывается комендант лагеря с парой эсэсовцев. Его лицо было страшной маской злодея, изрезанное массой глубоких морщин, злобные глаза с ненавистью оглядывали нас, столпившихся у входа и не понимавших, что происходит. За время плена я прошел много лагерей, встречал разных злодеев, но большинство из них имели нормальные лица, не отражавшие характер владельца. Такое страшилище я увидел впервые. Тем временем он, как видно, окончил осмотр и начал указывать на нас пальцем. На кого покажет, эсэсовцы хватают и вышвыривают во двор. Наверно, человек пятнадцать вытащили и у дверей расстреляли, и так по всему лагерю. Оказывается, ночью был совершен побег из нашего блока. В следующий раз, объявил нам комендант, в случае побега расстреляем половину, а в третий — прикончим всех. В камере, где были одни евреи, и в этот раз никого не выбирали, просто зашли в камеру и выпустили несколько очередей; сколько убили по всему лагерю, никто не считал.

Как совершили побег? После вечернего апеля, вернее во время его проведения, четыре чеха приступили к выполнению плана своего побега. Довольно длинный двор блока был с закруглением в конце. В нем размещались 3 или 4 камеры меньше наших, также встроенные в крепостной вал, но находились они на площадке выше двора метра на полтора. Туда вела лестница. По краю площадки стояли перила. Край крепостного вала возвышался над площадкой метра на три. Для проверки выстраивались камера за камерой по 5 или 10 человек в ряд, точно не помню, правый фланг находился у подножья площадки. Когда охранник начал с правого фланга считать и прошел на несколько шагов вдоль шеренги, чехи, стоявшие в заднем ряду, спрятались под лестницей и в ее тени от прожектора.

После апеля нас развели по камерам и ушли, только на вышке торчал часовой. Переждав несколько часов, что было нелегко, беглецы выбрались из своего убежища, прокрались к стене, один встал на перила, другой поднялся на плечи и влез на стену, за ним все остальные, втащили товарища наверх и стали прыгать вниз в ров, наверное, в этот момент часовой стал стрелять. Немцы сказали, что убили всех, а чехи — что два человека ушли, я поверил чехам.

Короткие эпизоды лагерной жизни. В лагере держали несколько коров. Иногда удавалось проникнуть в хлев и стащить пару бураков, больше не было возможности — некуда было спрятать, а в случае поимки последствия могли быть очень неприятными. Придя в камеру, резали тонкими ломтиками и, если горела крохотная железная печка (иногда удавалось собрать щепки), приклеивали к стенкам бураки и слегка поджаривали. Если огня не было, грызли сыром.

Часто апель проводил начальник блока офицер Ройко. В 1946 или 1947 году я прочитал в газете о его казни как военного преступника. Это был очень плотный, сильный мужчина высокого роста. У него была садистская манера при подсчете, который он делал быстрым шагом, вдруг останавливаться перед заключенным и изо всей силы бить его по лицу. Некоторые падали, а Ройко преспокойно шел дальше до следующей жертвы. Каждый апель страдало 8–10 ребят.

Просыпаюсь и чувствую, что у меня неладно с лицом — нос и верхняя губа опухли. Выхожу на проверку, подошел к Сергею (из тюрьмы) и спрашиваю, что со мной: а он сделал испуганное лицо — и ходу от меня! Я снова к нему, и только тогда он остановился. Оказывается, у меня был флюс: и губа, и нос так увеличились, что он с трудом меня узнал. К тому же у меня появился французский прононс такой силы, что бедный Сергей испугался за себя, потом уже за меня. А помощи не было никакой.

Но я узнал, что в лагере есть зубо врачебный кабинет! Пришел к врачам, а они преспокойно сидят и не шевелятся. «Помогите!» — кричу, а они отвечают: «Нечем, есть

бормашина, но она испорчена, лекарств нет». — «А зачем сидите?» — «Наверное, для комиссии Красного Креста». Не знаю, в порядке ли это вещей или какое-то чудо, но флюс прошел сам. Он напомнил мне лагерь в Даугавпилсе, где полицай выбил мне зубы, жаль, корни оставил; если бы не было корней и флюса не было бы.

Было в лагере много наказаний: например, заставляют человека присесть, дают два кирпича в руки, и сиди в таком положении четыре часа.

В один прекрасный весенний день, может быть, он был холодный и дождливый, но для нас прекрасный, потому что за много дней нас впервые вывели из камеры и, самое главное, повели к выходу из лагеря. У ворот лагеря нас остановили и по одному стали выпускать на дорогу, чтобы стоявший слева эсэсовец мог нас осмотреть, не выносим ли мы чего-нибудь с собой. В концлагере по непонятной доброте нам выдавали солдатские одеяла, изношенные до тонкости простыни; больше никаких «ценностей» у нас не могло быть.

Мне принципиально захотелось нанести лагерю хотя бы незначительный ущерб. Пусть никто об этом не узнает, буду знать только я, все равно получу маленькое удовлетворение. И вдруг вижу впереди через несколько человек немец колотит дубинкой парня, обнаружив у него одеяло. Мне не удалось установить, была ли это просто кража или, как и у меня, месть, но признаюсь, я струсил и хотел выбросить одеяло в канаву, пока немец был занят расправой, но желание навредить победило. Я взял одеяло в правую руку, прижал его чуть за спиной. Проходя мимо сторожа, потихоньку обвел одеяло вокруг себя и благополучно прошел.

Побег в пути

Нас пригнали на вокзал и погрузили в товарные вагоны, 140 человек, было тесновато. Раздали марш-пак: доволь-

но приличный кусок колбасы и буханку хлеба — колбаса хорошая, а хлеб — обычный эрзац. И начался пир. Я разделил паек на порции, с большим трудом, но воздержался от немедленного его поглощения. Двери захлопнулись, и эшелон двинулся в неизвестном направлении. Посовещавшись, мы решили, что двигаемся на запад. Но что же ждет нас? Была предложена версия о готовящемся сепаратном мире, и мы предназначены для обмена.

В моем углу сидела компания из 3–4 человек в немецких кителях с сытыми рожками, сразу видно, не наш брат-пленный. Из общего мешка они достали продукты, гораздо богаче наших, порезали и начали трапезу. У одного из них был отличный складной нож золингеновской стали, он мне очень понравился. Я попросил одолжить его. Порезал свою колбасу, хлеб, а нож, не закрывая, положил в карман шинели.

Прошел час. Глава, как я выяснил, полицейской шайки, за какой-то проступок переведенной снова в пленное положение, обратился ко мне: «Эй, друг! Ножичек передай!» На это я выхватил нож и крикнул ему: «Твой друг в серой шкуре в лесу! Только двинься в мою сторону, пробью твое брюхо, продажное отродье!» Не ручаюсь за точную передачу содержания нашей беседы, но что-то в этом духе. Их соседи, которых они угощали окурками, начали выступать в защиту бывших полицейев, но тут неожиданно я получил подкрепление, и шум прекратился, а нож остался у меня (к сожалению, ненадолго).

Я хотел этим ножом порезать пол и уйти на остановке, но сил-то было мало, и я стал уговаривать сидящих рядом помочь, но это оказался не тот народ. И хотя я пытался обратить их внимание на то, что неизвестно, куда нас везут, возможно, на уничтожение и нам лучше бежать, тем более что близится конец войны. Ничего не помогло. Расстроенный, я лег спать, укрывшись лагерной ветошью под названием «одеяло». Ехали по большей части стоя, часов 10. Стемнело. Стал накрапывать дождь. Об этом

явлении природы нам стало известно благодаря проржавевшей крыше. Меня это не расстроило, и я задремал. Поезд стоял. Вдруг сквозь дремоту слышу какое-то тархтенье и скрежет по стенке вагона. Потом тишина... Опять эти звуки...

Я поднял голову, смотрю в дальнем углу вагона светлей, точно досок нет, и вот звуки повторились, на секунду свет прервался, и что-то ухнуло снаружи. В голове молнией сверкнуло: «Побег!» Я вскочил, бросил одеяло и, наступая на людей, падая, стал пробираться к свету. Лежавшие стонали и жаловались: «Из-за вас и нас постреляют», но я им предложил: «Бегите и вы». Добравшись до окна и растолкав (откуда сила?) ребят, явно сильнее себя, я схватился за край люка. Но тут ребята сказали: «Подожди, пока караульный пройдет».

Оказывается, мы стояли на станции Карловы Вары. Когда остановились, ребята в щели досок увидели часового и спросили у него, почему стоим. Он оказался недалеким парнем и подробно информировал: «Из трех последних вагонов вывели пленных, кажется, американцев, и куда-то повели, а я хожу вдоль состава вас вот охраняю». Наши ребята оказались боевые, не то, что в моем углу, слюнтяи, подождали, пока солдат ушел в другой конец, навалились на доски, сорвали их и стали вылезать из вагона. Как только солдат отошел, я снова попытался ухватиться за люк и подтянуться, но... не тут-то было: дух боевой, а сил нет!

Кричу: «Ребята, кидайте меня в люк!» Времени на совещание не было, и они мгновенно выполнили мою директиву. И я, счастливый человек, приземлился целым и невредимым. А ведь люк товарного вагона довольно высоко от земли, да плюс высота насыпи, а я свалился на камни, как на пуховики: царапинки не получил. Всего приняло участия в побеге человек двадцать, по крайней мере, столько нас собралось у станции, на пригорке в кустах. После короткого обсуждения стало ясно: мы находимся в самом центре густонаселенной Европы и скитаться, по-

добно табору цыган, глупо. Поэтому решили прятаться, пока хватит уменя, сил и счастья. Я выбрал парня высокого роста и крепкого на вид; думаю, в случае неприятности он меня поддержит, и мы двинулись в путь с единственной задачей не попадаться никому на глаза, особенно СС, и постараться уйти как можно дальше от места побега. В случае поимки решили врать что угодно, лишь бы только не посчитали нас за концлагерников.

С большим трудом мы с напарником выбрались на шоссе. На пути нам встретилась деревенька, пожалуй, скорее, рабочий поселок. Забрались в одну кладовку — пусто, в другую — то же самое, и лишь в третьей нашли банку чего-то сладкого, съели, в итоге захотелось есть еще больше. Постучали в одно окно, выглянула немецкая добрая бабушка и дала два ломтика хлеба — и на том спасибо. Видно, люди сами в нужде, но нам эти ломтики — как нильскому крокодилу лягушку проглотить. Когда рассвело, мы спрятались, уже не помню куда, и я получил возможность рассмотреть своего партнера и был совершенно разочарование: мой «богатырь» оказался самым несчастным и беспомощнымходягой, да еще, как оказалось впоследствии, слабым духом.

Вторая ночь была еще хуже первой, а силы пропадали в возрастающей прогрессии. Утром мы вышли из леса и увидели перед собой громадное поместье с большим господским домом в окружении парка. Подальше раскинулись какие-то службы, мастерские, конюшни, коровники и т.д. Пока мы разглядывали и обсуждали, что делать, солнце поднялось над лесом, и наступило яркое весеннее утро. На наше счастье, за деревянным забором, окружавшим поместье, почти вплотную к ограде мы увидели крышу и часть второго этажа крохотного кирпичного домика. Окно чердака было открыто и к нему приставлена лестница. Прокравшись к забору, с большим трудом взобравшись на него, мы проникли на чердак. Надеялись, что найдем там какое-нибудь тря-

пье, но чердак был пуст. Мокрые, замерзшие, усталые и голодные — целый комплекс несчастий! Можно еще добавить мрачное будущее. Разувшись, мы поставили ботинки на край окна, портянки повесили сушить, а сами легли спать. Часа три поспали, проснулись, в окно чердака ярко светит солнце, но нам его тепла было мало. Перевернули портянки в надежде, что к вечеру они высохнут, к сожалению, надежда не оправдалась: внезапно зашаталась лестница, я выглянул и ужаснулся: по лестнице поднималась немецкая девушка лет семнадцати, симпатичная. Спрятаться не было никакой возможности: настолько был мал чердак.

Я напрягся и, приготовившись к встрече, сделал свою рожу как можно более приветливой, и в этот момент показалась ее голова. Увидев нас, она от страха замерла на месте. Воспользовавшись заминкой, я заговорил, ласково улыбаясь: «Не бойтесь, фрейлайн, мы хорошие, мы вас не тронем, не говорите о нас никому, мы уйдем». Но она, в ужасе вытаращив глаза, заохала, сползла с лестницы и, едва коснувшись земли, исчезла, как молния.

Ну, думаю, сейчас нас схватят. В мирное время в полковой школе я был чемпионом по скорости одевания, но сейчас мы оба побили все рекорды. С невиданной скоростью перебросили наши тощие тела через забор и пошли через поле в лес, если только можно назвать эти жалкие и редкие деревца лесом. Был полдень, всюду кипела работа, неподалеку два немца пахали на лошади поле, поэтому бежать значило привлечь к себе внимание. Идем ускоренным шагом, и вдруг новая неприятность: по тропинке навстречу нам идет солдат. Положение безвыходное: с боков пашня, сворачивать нельзя — это сразу вызовет подозрение. Я инструктирую приятеля: «Иди за мной, не дергайся, на немца не смотри, держи себя спокойно, говорить буду я».

Сблизились с немцем, на всякий случай приветствую: «Хайль!» Он ответил, а затем спросил, почему мы ходим без конвоя. «А мы работаем вон на том кирпичном заводе

(я его заметил заранее), а к помещику ходим помогать, он нам дает за это хлеба и картошки». Все это я произнес приветливо, с улыбкой и спокойно. Солдат повернулся и пошел своей дорогой. (Совсем забыл, когда меня выбрасывали из вагона, я потерял свой благоприобретенный нож. Потом в одном дворе мы наткнулись на косу и, за неимением лучшего, использовали ее для изготовления ножа. С большим трудом обломали конец, соорудили из тряпок и веревок рукоятку и получился нож. Наверное, хозяева долго ломали голову, для какого дьявола понадобилось ломать косу.)

Целый день мы прятались в кустарнике. Шли четвертые сутки нашей голодовки. У нас было два выхода: или мы в эту ночь достаем еду, или утром идем сдаваться. Начало смеркаться, мы находились около деревни, выбрали двор, к которому кусты подходили вплотную, и ждем темноты. В деревне тишина, никого не видно. Во дворе под самым носом клетки с кроликами. Почти совсем стемнело, пора! В полной темноте не найдем ни щепок, ни ведра. Заходим во двор. Ищу необходимый инвентарь, и вдруг во двор зашли два мальчика, увидев нас, они вскрикнули и побежали в дом. А мы, собрав последние силы, помчались в лес, не в те редкие кустарники, откуда пришли, а в направлении гор, там виден был густой лес и скалы, но до них было около километра.

Я оглянулся, а там человек десять мальчишек и двое взрослых цепочкой бегут за нами. Что значит организованность и порядок: прошло не больше двух минут, и уже за нами погоня! До леса холмы идут пологими волнами, и мы то видим преследователей, то они скрываются. Конечно, если бы я был в спортивной форме и один, я бы ушел от погони; а какую скорость мы могли развить? Вдруг мой друг падает: «Не могу больше!» Я делаю страшное лицо, достаю нож и кричу: «Давай бегом, зарежу!» Конечно, я не собирался его убивать, да и он понимал это, но все-таки вскочил и побежал еще шагов 40 и снова упал: «Нет, не могу». Тогда я побежал один, хоть и сам был при

последнем издыхании, а до леса еще метров 300 и погоня приближается.

Во время движения так получилось, что я оказался на правом фланге преследователей, где бежали двое взрослых. Я перевалил за вершину холма и на какой-то момент исчез у них из виду, вижу: копна. Я подбежал и спрятался за ней, думаю, когда они пробегут мимо, я побегу вправо, а там тоже горы и лес, и я там скроюсь. И они вначале пробежали мимо, но один взрослый с двустволкой вернулся и стал обходить копну кругом. Я попытался, как дети, поиграть в прятки, но шелест шагов выдал меня, он выскочил, сгоряча навел на меня ружье и крикнул по-чешски: «Руци до горы (Руки вверх)». А я злой, что попался, сунул руки в карманы и кричу по-немецки: «Стреляй, а руки не подниму». Он удивился, видно, не ожидал такого ответа, что-то хотел сказать, но подбежал второй и говорит: «Зачем ему руки поднимать, раз поймали». Подошли, пощупали карманы, спросили, есть ли пистолет, и даже мой булатный нож не обнаружили. И всей компанией пошли в деревню.

Приходим, а мой друг сидит на пороге дома, на коленях громадная кастрюля, и уплетает за обе щеки гороховую кашу, а рядом лежит вторая ложка — сердобольные немки или чешки позаботились обо мне. Друг передал в мое полное распоряжение кастрюлю, и я прилично подкрепился. После угощения повели нас в лагерь. По лицам женщин было видно, что они нас жалели.

Одну ночь я переночевал в лагере. Лагерь был временный — большой сарай, человек 300 пленных, большой двор, чуть дальше сарая — пруд. Кругом лагеря однорядный забор колючей проволоки. На другой день обед получили поздно, так что отсутствием аппетита никто не страдал, наоборот, 100 % обедавших жаловались на большое его присутствие... но жалобы остались без последствий. «Обед», конечно, был из одного «блюда»: или это немытые картофельные очистки, или брюква, или немытый шпинат с корнями. Для получения обеда и пай-

ки нас вывели из барака, построили в колонну, поставили кадушку с баландой, и началась кормежка. Получивший шел к двери сарая, а там стоял немец и следил, чтобы заходили в сарай.

Подошла моя очередь «отовариваться», получив паек, я пошел к сараю, в это время следующий за мной поднял крупный скандал с поваром, не долившим, по его мнению, баланды. Немец, стоявший у двери, пошел к бочке, очевидно, с целью урегулировать конфликт. Я же, хитрый, как индейская лисица, не пошел в дверь, а как африканская змея скользнул мимо, забежал за сарай и притаился в сорняках. Стало темнеть, сарай заперли и немцы ушли, наверно, к воротам, до полной темноты оставались минуты. Я выбрался из сорняков и пошел мимо пруда к дальнему концу лагеря.

Вдруг слышу кто-то вредным голосом говорит: «Куда идешь, немцы запрещают вечером ходить по лагерю». Смотрю, у пруда сидит тип и занимается стиркой. Я понял, что это немецкий прихлебатель, и он может меня продать. Я сделал зверское лицо, подбежал к нему, выхватил свой «булат» и прорычал как можно свирепей: «Смотри, гад, если продашь, тебе не жить, не я, так другие прирежут! Сиди и молчи, твое дело маленькое» — и пошел к забору. Про «других» нарочно сказал, пусть думает, что у меня есть сообщники, может, не пойдет доносить. У забора я упал, ножом прорезал дерн и вылез на волю.

Минута прошла на воле, и я стал другим человеком: и дышится легко, и голода не чувствую, и все кругом красивей. И я сделал вывод: на свободе лучше, чем в неволе. Я пошел в сторону от лагеря, только сделал несколько шагов, слышу в лагере шум и лай собаки. Побежал, через сотню метров встречаю ручей, может, канава для орошения — очень аккуратная, прямая. Идет наискось, если пойти по ней вправо, то подойдешь к лагерю, а если влево, то уйдешь от лагеря.

Нет, думаю, если собака возьмет след и побежит к речке, они будут искать меня в направлении удаления от

лагеря, это для русского дурачка нормально — уйти как можно дальше, поэтому я вошел в воду и направился к лагерю, и вода привела меня буквально к лагерной ограде. Пройдя по воде метров сто, я повернул под прямым углом и двинул в горы. Таким образом, мы с погоней, как я и предполагал, расходились в диаметрально противоположных направлениях, и надежды на встречу не оправдались. Одна сторона была недовольна, а вторая — наоборот.

Пару ночей я провел удачно, имея в виду снабжение продовольствием, видно, в этом краю сельское хозяйство было развито неплохо, судя по загруженности кладовок. Самочувствие улучшилось. Единственное, что вызывало тревогу, — неопределенность. Куда идти? Где я нахожусь? Надежда была на скорое окончание, а оно все не приходило. Пока надо было играть в прятки. Время позднее, иду через деревню. Тишина. Лишь кое-где из окон пробивается свет. Не помню, что мне понадобилось и почему я решил зайти в дом. Выбрал дом на пригорке, подкрался к дверям, прислушался... Несколько минут слышны были только женские голоса.

Собрался с духом и постучал в дверь. Открывает средних лет женщина, робким и вежливым голосом здороваюсь и обращаюсь с просьбой помочь. Я больной пленный, нас переводили из одного лагеря в другой от наступающих советских войск. Я, голодный и очень уставший, присел возле дороги и потерял сознание, пришел в себя, а колонны уже не видно, не проходили ли они мимо вас? У нас хорошая рабочая команда, и я хочу ее найти, а еще я боюсь заблудиться в горах и тогда я могу попасть к своим, а они нас, побывавших в плену, расстреливают (последняя фраза во многих случаях была правдой).

Немка в ответ закричала во всю свою бабью глотку: «Ганс!» Мгновенно появился Ганс, как будто он где-то стоял на старте и ждал команды стартера «Марш!» Я со всей возможной скоростью рванул вниз через кусты, и пока он выяснял у жены, в чем дело, я успел выскочить

на дорогу и пробежать по ней. Дорога заворачивала влево, шагов сзади не было слышно, и я подумал, что спасен. Оказалось, что он побежал напрямик и, выбежав на дорогу, оказался возле меня, закричал: «Стой!», схватил меня за руку, а в другой руке у него был пистолет, его он воткнул мне в бок.

В институте физкультуры в Ленинграде я изучал технику боевого самбо у чемпиона СССР Константина Булочко (это были тренировки к Всесоюзному параду физкультурников). Когда Ганс схватил меня, я хотел кое-что применить, но, вовремя прикинув свое физическое состояние, отказался от борьбы и начал повторять Гансу свою историю, прибавив, что хочу пойти к бургомистру, чтобы он устроил меня на работу; что я хороший, честный, работающий, порядочный пленный и хочу работать на пользу Германии, и поэтому пусть он покажет мне дом бургомистра, и я сам пойду к нему, а Гансу не стоит устраивать себе лишние хлопоты, он может спокойно идти домой. Но он не согласился. Тогда я попросил убрать пистолет с моего ребра — все равно я уже не смогу убежать. Он не стал возражать, спрятал пистолет, и мы продолжили путь, проводя время в дружеской беседе. Я на него не был в обиде — он немец и выполнял свой долг.

Бургомистру Ганс рассказал все, как было, и ушел. Бургомистр собирался ужинать, а пока стал уточнять подробности. Я постарался представить дело так, как будто сам добровольно пришел. Он не стал спорить и сел за стол, а мне предложил сесть на маленькую скамью у двери.

Хозяйка подавала ему ужин. Мне надоело быть пассивным наблюдателем, и я говорю: «Господин бургомистр, я житель Кавказа, и у нас есть хороший обычай!» — «Ну, расскажи, что там у вас за обычай?» — «Когда человек, друг или враг, заходит в дом, по закону гостеприимства его приглашают за стол!» Бургомистр, видно, неплохой парень, от души расхохотался и дал жене указание принести хлеба, картошки и простокваши. Жена, толстая баба

пудов на восемь, старая карга, была страшно недовольна этим распоряжением, начала бурчать, но муж произнес пару слов, и она подчинилась.

Начала резать хлеб — отрезала два тончайших ломтика, муж сделал ей замечание и показал, сколько надо отрезать, тогда со стонами и скрипом она отхватила еще два куска. Я немного перекусил из вежливости, так как недавно ел, а кроме того, побоялся нажимать на кислое молоко из-за его большой кислотности. Посмотрел на картошку, она лежала в довольно большой миске, и подумал: куда меня посадят — неизвестно и будут ли кормить — тоже вопрос, а тут картошка пропадает. Потихоньку раскрыл свой вещмешок и опрокинул миску туда, говоря одновременно: «Дизе картофель кан их аух немен? (Эту картошку я тоже могу взять?)». Оба чуть не задохнулись: бургомистр от смеха, толстуха — от злости.

Пришли два фольксштурмовика с охотничьими ружьями, чтобы отвести меня в другую деревню, так как в этой не было камеры и полиции. Дружески распрощавшись с бургомистром, я, шаркнув ножкой, раскланялся и с хозяйкой; но она, что-то буркнув, отвернулась: наверное, никак не могла забыть убытки. Идем с конвоем по вершине горы, слева обрыв, а дальше — равнина. Ночь лунная, видимость хорошая. Слышен непрерывный гул американских бомбардировщиков. Через некоторые промежутки времени слышатся взрывы бомб. Немцы преспокойно идут и беседуют, не обращая внимания ни на взрывы, ни на мои ядовитые замечания, что, мол, подождите, еще хуже будет. Правда, я рисковал собственной шкурой, они могли, разозлившись, не только отколотить, но и пристрелить «при попытке к бегству», но не мог не позлорадствовать, хотя и признавал опасность.

По дороге, зная порядки в полиции, я потихоньку разделил запасы табака и спичек на две неравные части: большую часть замаскировал в одежде, а меньшую положил в карман. Привели в полицию — это была крохотная комнатуха. Провели небольшой допрос, я повторил

свою версию. Полицейский говорит: «Доставай, что есть в карманах». С самым наивным видом достаю из карманов все и кладу на стол. «Ну, а теперь марш в камеру». Протягиваю руку к столу, забираю табак, но полицейай отбирает его у меня и с довольным видом говорит: «У нас в камере курить нельзя!» Я с расстроенным лицом иду в камеру, а они остаются ликовать: «Какие мы, мол, хитрые». Камера была хотя и крохотная — метров восемь, но сделана на совесть крепко, дверь обита железом, на окне толстые решетки. Окно большое, почти до пола. На полу в большом количестве горелые спички. На нарах лежала шинель невиданного фасона, ярко-зеленого цвета с позолоченными пуговицами, и по всем швам яркий желтый кант! Шикарно!

Уже было полночь. Меня заинтриговали просветы решетки, уж очень они показались широкими, вспомнил — если голова пройдет, то и тело тоже. Попробовал, пройдет ли голова — не проходит! Буквально какой-то кусочек моего черепа не пускает. Проверил в других звеньях — не лезет, и все! Немцы разве сделают неточно? Наконец решаюсь — была не была! Ухватился двумя руками крепче за решетку, и изо всех сил рванулся вперед. Голова проскочила, но слегка содрал кожу и пошла кровь. Хотя и разбил голову, зато радость близкого освобождения ликвидировала боль. Стал продираться плечами — не идут, опять клочок тела оказался лишним. Как ни вертелся, как ни крутился — и обе руки вперед просовывал, и одну правую вперед, и левую — бесполезно. Еще мне мешало: не мог надежно упереться ногами, они скользили. Так и сижу, отдыхаю — голова на воле, а тело в тюрьме. Веселенькое положение. Еще не хватает для полного веселья прийти немцу и проверить, чем я занимаюсь. Неприятностей не оберешься. Попробовал протолкнуть голову обратно — где там! Сбитые места распухли и не пускают, кроме того, малейшее прикосновение вызывает боль. Уже добровольно хочу в тюрьму, и ничего не выходит. А попасть обратно надо обязательно. Собрался

с духом, руками взялся за решетку, рванулся; адская боль пронзила голову, но проскочить не удалось. Пробиться наружу было легче — движение начиналось вытянутыми руками, сила и скорость были больше. Сейчас руки были согнуты, да еще тормозило движение боязнь за голову, уже раненую.

Готовлюсь ко второй попытке (как в спорте: 1-я попытка, 2-я). Прижался плечами к решетке, стиснул зубы, собрался и, приложив все силы, как можно резче рванулся назад; голова проскочила, от боли чуть не потерял сознание — упал на нары и долго приходил в себя. Проснулся от холода (окно было не застеклено), уже светало. Заглянул в печку, ура, полностью заправлена! Разжег огонь, весело затрещали дрова, заиграл огонек, и настроение улучшилось, но ненадолго: через пару минут опять беда — дым повалил в камеру. Хотел открыть заслонку, а ее, оказывается, нет, она снаружи. Схватил чайник, а там воды — на дне, и затушить огонь не удалось, а он, как назло, еще больше разгорелся. Схватил шинель и начал крутить вокруг себя, ничего, конечно, из этой вентиляции не вышло.

Слышу щелканье замка, и какой-то новый полицейский врывается в камеру: «Ах ты, проклятый коммунист, сволочь, собака, почему зажег огонь?» (Какой черт поднял его так рано?) «Замерз и развел огонь, откуда я знал, что труба закрыта?» — «А где ты, советский бандит, взял спички?» Показываю на пол, усыпанный спичками. Такой у него был страшный вид, я думал вот-вот изобьет меня. Но на этот раз отделался испугом.

Потом я снова поменял квартиру — меня перевели в другую деревню. Новая камера оказалась поуютней: в окне стекла и вид хороший, чисто, убрать бы замки да решетки, и еще чтобы мама крикнула: «Вова, иди скорее, хватит крутить свои сальто и на голове ходить (это значило — на руках), завтрак на столе!»

Когда меня переводили сюда, я совершил большую глупость — бросил свою старую шинель и взял зеленую, неизвестной национальности. С золотыми пуговицами.

В лагере все от меня шарахались и допытывались, в какой армии и кем я служил; ни один пленный не видел такой шинели, и довели меня до того, что я потихоньку выбросил ее на помойку.

Я уже забыл, но вроде бы в этом лагере были солдаты разных национальностей. Помню, что унтер и солдат везли меня, новозеландца и австралийца в лагерь г. Вайдена (Германия) на поезде. На одной станции был налет американских самолетов, все выскочили из вагонов и побежали в поле. Пассажирами были и гражданские, и солдатня, а я плюнул на это и остался в вагоне, почему-то я был уверен, что мой вагон не привлечет внимания летчиков.

Так оно и получилось — они вообще не бомбили поезд, а обрушили бомбы на мост в километре от станции. А я в это время занимался поисками съестного в сумках солдат как наиболее обеспеченных продовольствием. На всякий случай я не жадничал и брал понемногу. Бомбежка кончилась, самолеты улетели, пассажиры вернулись, но ехать не пришлось — мост американцы перевернули вверх ногами. Нас вывели из вагона, и мы пошли пешком. Шли долго, часа два. Унтер оказал мне особое внимание и поручил нести свой чемодан. Это его доверие меня не обрадовало, но что я мог делать? Накрапывал дождь, и при переходе лужи Бог, всегда стоявший на моей защите, наказал унтера: чемодан раскрылся и его содержимое вывалилось в грязь, правда, некоторую помощь Богу оказал и я посредством легкого сотрясения чемодана. Мои угрюмые англосаксы и то соизволили ухмыльнуться — первый раз я встретил таких неприветливых ребят.

«Интернационал» в Вайдене и освобождение 22 апреля 1945 г.

Добравшись до станции, мы успели на поезд, который доставил нас в Вайден, где находился мой послед-

ний лагерь. Был уже вечер, меня привели в барак, где находились французы; они, как и, наверно, весь мир, знали — раз советский пленный, значит, голодный, а раз голодный, значит, его надо накормить и, не теряя времени, принялись за дело. Хорошо подкрепившись, поблагодарив хозяев, я улегся на пол и сладко заснул. Свободных мест не было. В этом лагере советским пленным жилось хорошо. В лагере помещалось около 1700 пленных, большинство из них были не советскими, а иностранными солдатами: их как будто специально собирали как коллекцию национальностей, воевавших с фашистами. Все они получали посылки Международного Красного Креста и делились с нами, конечно, мы не были на полном их содержании, но все же эта помощь имела для нас большое значение. Кроме этого, нам здорово помогали репатриированные из СССР.

Город бомбили неоднократно. Многие магазины и дома были брошены владельцами, обычной железной дисциплины не было. Этим пользовались репатриированные. При мне несколько раз они привозили на подводе продукты; в подводу впрягались сами. Благодаря этим источникам мы стали поправляться. Охрана лагеря не препятствовала нашему снабжению с воли. Сами охранники еле передвигались: от ветра падали, всем им было по 70–75 лет, так что они еще должны были благодарить нас за то, что мы разрешали им нас охранять. Параллельно с лагерем располагался немецкий военный городок: шесть–семь четырехэтажных домов, посередине — плац.

Несколько раз на город налетали американские самолеты и обстреливали город, но лагерь не трогали: на крышах бараков по-английски белой краской были написаны условные буквосочетания, показывавшие, что это лагерь военнопленных. Самолеты пролетали над нами очень низко, покачивая в знак приветствия крыльями, за лагерем разворачивались, обратно летели над казармами и там тоже приветствовали немецких солдат, но

стрельбой из крупнокалиберных пулеметов. Мы, конечно, чуть не плясали от восторга и, как могли, приветствовали летчиков. В один из налетов стоим с американцем у однорядного забора и наблюдаем за ходом событий, я опустил глаза, смотрю, за забором лежит старикан носом в землю, винтовка в стороне валяется. Я засмеялся и приятелю показываю. Он улыбнулся, подошел к забору, протянул руку и говорит стражу: «Не бойся, вставай!» Тот испуганным голосом: «Не будут стрелять?» — «Нет, не будут, это наши!» Ну раз наши, старик успокоился и поднялся на ноги, отряхнулся и приступил к исполнению воинской службы.

Привезли наши «снабженцы» крупы, макарон, маргарин, еще что-то; местный комитет распределил продукты, и мы с моим приятелем Лешей разожгли костер и стали варить кашу. Опять прилетели союзники, выполнили обычный ритуал и приступили к выполнению своих задач, а мы — своих. Два или три самолета пролетели над товарным составом и обстреляли его не то из крупнокалиберного пулемета, не то из крупнокалиберной пушки и улетели. Через несколько минут вагоны загорелись, значит, обстреливали зажигательными снарядами, раздалось пшиканье, видно, рвались винтовочные патроны. Мы не очень увлекались наблюдением, у нас были свои заботы — за кашей следить надо, а то пригорит. Суеتمدимся с Лешей у костра. Рядом полно таких же, как и мы, кулинаров.

Вдруг через небольшой промежуток времени (каша еще не сварилась) раздался сильнейший взрыв, такого мне не приходилось слышать никогда; я хорошо помню, даже при взрыве арсенала в Тбилиси в 1923 или 1924 году, не было такого сильного звука. Нас засыпало обломками и осколками. Бараки покосились, двери и окна у ближних бараков вылетели, а стекла, наверное, по всему лагерю. Несколько человек было убито, много раненых. Мне чем-то поцарапало палец, пустяковая ранка, завязал тряпкой и успокоился. Американцев мы похоронили

с почестями, при прощании накрыли убитых флагом, а с «эсэсовцами» не церемонились — в общую яму их, и все! И так сойдет.

После освобождения ходили смотреть на последствия взрыва: во всю длину состава был глубокий и широкий ров. Рельсы на концах имели вид штопоров, так их завинтил взрыв.

Прошло еще несколько дней, и стали слышны звуки боя, с каждым днем все сильнее и сильнее, и наконец над головой стали свистеть пули. А мы, как идиоты, ходим и не прячемся, как будто застрахованы от смерти! И действительно, пострадавших не было. Бой продолжался недолго, перестрелка стала удаляться, и вдруг в лагерь въезжает танк с белой звездой на башне; смотрю и думаю: неужели наш? Откуда он мог появиться? Почему звезда белая? Сразу не сообразил, что звезда может быть не только нашей эмблемой.

Мы все скопились у ворот, перед нами был выстроен гарнизон лагеря. Командир скомандовал положить винтовки на землю и подойти к командиру танка, положил о сдаче в плен. Я стоял впереди и вдруг чувствую — слезы текут! Мне стало страшно стыдно! Чего только не пришлось вытерпеть: и на расстрел ставили, и избивали — нигде не охнул, а тут, как женщина, нюни распустил. Потихоньку посмотрел по сторонам и вижу: здоровенные ребята, французы, американцы, англичане, греки, поляки, негры и другие, трут глаза, тогда я набрался смелости и вытер слезы, не скрываясь. Великий момент! Это было 22 апреля 1945 года в г. Вайдене в Германии.

Меня охватила необычайная радость и подъем — такого не пришлось испытать никогда. СВОБОДА! Ура! Ура! Ура-а-а!

Откуда-то мгновенно появились ножницы, кусачки; со всех сторон в заборе прорезали проходы, и все, кто еще мог ходить, разошлись по городу: свободные, радостные, счастливые и живые!

На свободе

Иду в город один — Лешу потерял. Встречается немец, я у него что-то спросил, а он вместо ответа достал финку — и на меня! Еле успел увернуться от удара. Начал метаться в поисках палки или подходящей железки, хотел его проучить, а потом плюнул и пошел дальше.

Заглянул в кафе, там битком: французы празднуют победу. Угостили меня сухим красным: выпил небольшой стаканчик и опьянел, не сильно, но все же в голову ударило. У всех радость на лице, все говорят одновременно, шум, гам.

Я пошел дальше. По дороге из города на фуре едет немец. В упряжке два отличных коня. Спрашиваю: «Куда едешь?» Показал кнутом в сторону группы строений в полукилометре; оказалось, он работник у хозяина этих строений, барона. Я говорю: «Ну, давай, поеду с тобой, посмотрю, как настоящий живой барон выглядит». Одет я был пестро, рубашка американская, брюки английские, сапоги немецкие — все не подходящее для визита к барону, ну, что ж, извинюсь.

Возница спрашивает: кто ты? Я в шутку сболтнул: американец. Он начал хвалить американцев, а остальные — «нихт гуд». Подъехали к черному ходу в поместье. Напротив дом, склад, оттуда выходит русский пленный, из кармана высовывается ручка нагана. Останавливает он фуру и у возницы спрашивает: «Кто это?», тот отвечает: «Американец». Парень подходит, начинает меня благодарить за освобождение, он любит Америку: все это со слезами на глазах. Говорит по-немецки вполне прилично. Когда я увидел такую радость, мне стало жалко его разочаровывать, и я не стал ничего объяснять. Это, конечно, было не очень разумно. «Куда ты едешь?» — «Хочу к барону в гости зайти», — он стал меня отговаривать: «Во время отступления барон прятал эсэсовцев, переодевал их. У него много оружия, и к нему опасно заходить».

Все же я настоял на своем, и мы с ним вместе вошли в здание через черный ход и попали на кухню размером в два теннисных корта. Дверь открывал сам барон. Мой новый друг представил меня ему: «Вот американец, солдат, раненый (рука была перевязана), хочет посмотреть, как живут немцы». Что бы ни говорили: порода плюс воспитание, конечно, значат много. Как его ни одень, все равно чувствуется по выправке, по жестам и другим признакам превосходство этого человека, но оно ни подавляет, а располагает. Нас пригласили войти: «Пожалуйста, заходите». И здесь мой новый приятель продемонстрировал свое воспитание: «Смотри! Он останется здесь ночевать, чтобы его здесь не обидели, а то вот!» — и он достал из кармана наган. Барон заверил его в полной моей безопасности и своим гостеприимстве (что и было выполнено), и мой приятель ушел.

Уже вечерело. Заходит шикарно одетая пожилая немка. Барон (я встал) представил: моя жена. Я шаркнул ножкой, поклонился, барон представил меня — американский солдат. Я назвал какое-то английское имя. Мы сели за стол. Хозяева устроили чаепитие (обслуживание было без прислуги). Когда-то в детстве мама измучила меня изучением хороших манер за столом. И теперь я почувствовал всю ценность ее уроков.

Я прочел массу книг американских писателей, память была отличная и мое вранье о «нашей жизни в САСШ» сходило с рук. Я сообщил им, что мой папа богатый владелец бойни, живем в Чикаго, и еще много навыдумывал. Заходит еще одна дама; я поднимаюсь, опять идет представление, а баронесса радостным голосом сообщает мне: «У меня для вас приятный сюрприз! Моя сестра прекрасно говорит по-английски!» Да, думаю, это конечно, сюрприз, да только не для меня! Но, пока дама любезно приветствовала меня на английском языке, я нашел выход, как отказаться от «родного» языка. С вежливой улыбкой выслушав ее, я ответил: «Простите меня, очень приятно вдали от родины слушать английскую

речь, но дело в том, что я учу немецкий язык, и, перейдя границу Германии, я дал обет говорить исключительно на том языке, на котором писал великий Шиллер!» Это выступление с упоминанием имени Шиллера потрясло их до глубины души и было выслушано с восторгом; а я избавился от необходимости беседовать на «родном» языке. Я еще порассказал кое-что про Америку, вычитанное из книг, выдавая за собственную биографию, и наконец мы встали из-за стола.

Барон провел меня в спальню: там стояла высокая, чуть ли не в мой рост, кровать, на ней лежала ночная рубашка и ночной колпак. Это была настоящая немецкая кровать. Барон вышел. Переодевшись, я лег и провалился почти до пола! Даже дух захватило. Когда я улегся, заглянул барон и спросил, не желаю ли я чего-нибудь. Я подумал, что это будет здорово, если раз в жизни мне будет прислуживать настоящий барон, и я, предварительно извинившись за причиняемые хлопоты, пожелал стакан холодного молока из погреба. И барон лично принес мне молоко. Когда я потушил свет, готовясь ко сну, то обратил внимание на промелькнувшую пару раз под окном тень; подумав, что это или барон, или кто-то из его прислуги ходит по своим делам, не обратив особого внимания, завалился спать. И только позже мой новый друг рассказал мне, что он, беспокоясь о моей безопасности, выставил охрану.

Утром я прилично позавтракал в компании с баронессой и бароном и, дружески распрощавшись, вернулся в лагерь.

У барона я увидел громадные запасы различных продуктов, когда хозяин зашел в кладовку, чтобы принести к завтраку масло, сыр, яйца и кусок окорока. Я в тот момент не обратил внимания на это изобилие, ведь мы уже больше месяца не голодали. Американцы кормили нас, и кормили неплохо, но все это питание было консервированное. В лагере я услышал разговор, что некоторые ребята, на днях прибывшие из других лагерей, очень слабые,

еле передвигаются, хотели бы что-нибудь не консервированное, сами ничего достать не могут, нет сил.

Я обратился к наиболее авторитетным советским, теперь бывшим пленным, с предложением организовать питание нашим немощным ребятам и рассказал про кладовку барона. Мое предложение понравилось. Подобрали четырех помощников, здоровых и сильных ребят, не успевших еще «дойти», и мы отправились к барону.

Когда мы подошли к дому, нас встретился мой друг. Обрадованный, он подбежал ко мне и заговорил со мной по-немецки, но я прервал его и заговорил по-русски, объяснив ему, что я тогда пошутил и что во многом виноват извозчик-немец, представивший меня как американца, и, видя его искреннюю радость, я не стал портить ему настроение. Он очень на меня обиделся и даже устроил мне допрос, а кто я, где был в лагерях, чуть не подозревая меня в каких-то черных делах. Кое-как я успокоил его, а когда объяснил цель нашего прихода, он совсем утихомирился.

Попросил у него на всякий случай наган, но он не дал: «Есть у нас целый склад автоматов, но они без магазинов». Дай, говорю, без магазина, нам только бы на испуг взять. Был в моей команде парень под два метра, отдал ему автомат и сказал: держи, как будто магазин у тебя под мышкой, а в случае чего зарычи погромче и сделай движение, вроде автомат снимаешь. Итак, стучу в дверь, она открывается и в дверях — барон. Специально нас ждал, что ли, подумалось. Я быстро вхожу, а то еще раздумает пускать; за мной вваливается вся банда. «А это кто такие?» — «Это наши союзники, освобожденные советские солдаты!» Сели за стол. Чувствуется, настроение у барона неважное.

Я начал рассказывать о бедственном положении некоторых советских солдат, только что освободившихся из лагеря и от сильной слабости еле передвигающихся, и от их имени попросил господина барона о помощи, надеясь, что он как интеллигентный и гуманный человек в ней не от-

кажет. Барон слушал, и было видно, что с каждым моим словом портится его настроение, но все же он что-то пробурчал жене. Она пошла в кладовку и вынесла нам пятнадцать яиц, около килограмма сливочного масла и четверть буханки белого хлеба, а буханки у них — с колесо телеги. Судя по яйцам, эта подачка была рассчитана на нашу банду. От всей души поблагодарив г-на барона, я сказал, что мы хлопочем не для себя, кстати, получаем хороший паек у американцев, а для наших больных ребят этого мало.

Здесь с барона соскочил весь дворянский лоск, и он разорался не хуже мужика на базаре: «Но у меня больше нет! И я не обязан снабжать советских солдат диетическим питанием», — уже со злобой крикнул барон. «Зачем говорить неправду о вашем критическом положении, когда я сам видел: подвал забит продуктами!» Барон стал снова кричать о своих правах и бедности, но я скомандовал ребятам зайти в кладовку и забрать все, что смогут. Барон в ярости вскочил, по-видимому, с целью перейти врукопашную. Но тут встал наш автоматчик, что-то невразумительное прорычал, подвигал автоматом; барон увидел, что преимущество у нас, прекратил крик и присел у стола. Мы набрали много яиц, ветчины, колбас, масла, пару «колесных» булок.

Перед уходом я обратился к барону и назидательным тоном заявил: «Я пошутил с вами. Я не американец, а советский солдат, бывший в плену. Нам было очень тяжело, миллионы погибли в лагерях. Но мы мстить не будем; не будем грабить и убивать, как многие ваши, хотя я встречал и среди немецких солдат неплохих ребят. Эти продукты мы отдадим нашим ослабленным пленным. А вам я плачу сорок марок и десять пачек сигарет — все, что у меня есть. До свиданья», — и мы вышли на дорогу. Американские сигареты и рейхсмарки ценились высоко. Во всяком случае, барон не протестовал.

Мы вышли из кухни прямо на дорогу, по ней двигалась колонна изможденных, видно, на днях получивших свободу, пленных. Было их человек сто. Увидев нашу поклажу,

они ринулись в атаку на нас. У меня от ужаса помутилось в глазах: «Все пропало, второй раз нам не собрать столько добра». Но я все же попытался спасти нашу добычу. Во всю силу своих легких заорал, подняв руку: «Стой!.. Стойте!.. Вы все ходите, а мы несем ребятам, которые не могут ходить! Я научу вас! Вот видите дверь? Заходите туда, это кухня; а налево дверь в подвал, там вам хватит всего!» — «Правда?» — «Правда! А если нет, мы с этим грузом далеко не уйдем — догоните и все заберете!»

«Пошли, ребята!» — и вся масса рванулась в кухню. О дальнейших событиях мне неизвестно. Мы задачу выполнили, ребят обеспечили, по крайней мере, дней на десять. Конечно, можно обвинить меня в неблагодарности, мол, его накормили и спать уложили, но ведь ухаживали они за «американцем»! А если бы я представился как русский пленный, прием был бы совсем другой. Всех советских немцы ненавидели как диких людей.

Между прочим, мой поцарапанный осколком палец распухал и болел все больше и больше. Еще до освобождения пленный хирург-француз сделал прорези, поставил тампоны и назначил мне явиться на перевязку. А так как это дело очень болезненное, я струсил, и после освобождения 8 мая 1945 года русский пленный хирург под наркозом отхватил мне палец, так как сгнила кость. Американцы собрали всех слабых и раненых, положили в больницу, для нашей охраны поставили караул из пяти человек. Весь обслуживающий персонал в больнице были немцы. Сестры обращались с нами хорошо, особенно одна, Роза-Мари. Все мы, конечно, влюбились в нее «по гроб жизни».

Хирурги лечили добросовестно, но жестко. Когда немец сделал первую перевязку, явно умышленно причиняя боль (я сравниваю с теми перевязками, что делали француз и русский), я ему заявил: «На следующую перевязку одолжу у американца пистолет», — помогло, вторую перевязку он сделал почти безболезненно.

По утрам нам выдавали немного сладостей, которыми снабжали нас американцы. Мы с приятелем (у него была

ранена ступня) выяснили, что сестра-хозяйка обворовывает нас — 30–40 человек. Ночью с большим трудом с помощью приятеля (я — с одной рукой, он — с одной ногой) я залез в кладовку и вытащил примерно 10–12 кг шоколада и других сладостей. Рано утром мы разделили все это между ребятами с условием, что все будет лежать на виду. Сестра-хозяйка чуть не лопнула от злости, но после этого перестала воровать. Американцам потом мы об этом рассказали, но попросили оставить без последствий.

На одном из утренних обходов хирург, осмотрев мою руку, увидел, что опухоль пошла к плечу и еще красные полосы по руке и по телу, и приказал ординатору записать предписание ампутировать мне руку по локоть. Я все понял и категорически заявил: «Руку резать не дам». Хирург весь передернулся: он приказал, и никаких разговоров! А я взял в левую руку графин и сказал: «Будете пытаться отрезать руку, у подошедшего ко мне разобью голову, а осколком порежу себе горло, умру, но с двумя руками». Хирург посмотрел на меня с презрением и сказал: «Пусть умирает!» Потом руку приподняли, привязали к гвоздю дней на пять и загнали два укола в мягкую часть. Один из уколов сделала моя радость, Роза-Мари!

Так, благодаря своей настойчивости я спас руку. Около трех месяцев длилось заживление. На всякий случай я научился действовать левой рукой: скручивал сигарку, зажигал спичку и писал — это было труднее всего. В жизни все это пригодилось, например на бильярде я играл одинаково обеими руками. Опухоль спала, и я отправился в казарму к приятелю Леше. Мы жили на втором этаже в комнате на три человека, не то что в 37-м танковом — около 80 человек в одной казарме. От длительной голодовки у нас развилось такое же чувство неутолимой жадности к еде, как в рассказе Джека Лондона «Жажда жизни».

Мы тащили продукты совершенно ненужные — американцы кормили нас вне всяких норм, но нам все было

мало. У каждого было: ящик масла 20 кг, смалец 20 кг, мешок вермишели, мешок сахара, мясо, консервы и другие продукты. Все это мы натащили в первые же дни безвластия. Мы с Лешкой обедали по несколько раз в день. Хорошо, что наши организмы не были истощенными, а то были случаи заворота кишок при переедании.

Кроме своих «пирогов» я ел в американской военной столовой. Это уже просто ради интереса. Они обедали не как мы в армии: приходили строем, старшина докладывал о количестве, просто подходили самостоятельно, брали поднос с несколькими углублениями и шли в раздаточную. Там обычно стояли несколько поваров — столько, сколько было блюд и гарниров, и каждый клал в углубление свое блюдо. Обед занимал несколько минут. И сколько я ни наблюдал за обедавшими, ни разу не заметил, чтобы кто-нибудь доел до конца. После обеда остатки освобождались в специальный бак, а поднос споласкивался в трех баках с горячей водой поочередно.

Чтобы не ударить лицом в грязь, я все повторял за ними. Для меня было загадкой: ребята все один к одному — крепкие, спортивные, пышущие здоровьем, а едят мало. Вот, думаю, капитализм до чего довел людей. Между прочим, мы в 37-м танковом полку питались неплохо, хотя и не так разносольно, как американцы, и были не худые и не голодные. Зачастую не желали идти на ужин, и шли под угрозой дисциплинарного взыскания от старшины; его любимая поговорка была: «То тебе моя душа балалайка?» — это при сильном возмущении. А вот питание в пехотном полку в Ростове-на-Дону — не сравнить с нашим. Хлеб там получали на отделение, при дележе возникали споры, ругань, и, кроме этого, досыта не наедались.

Один приятель подарил мне велосипед. Я с удовольствием поехал покататься за город (всего 50 метров, и ты уже в поле). Проехал метров 200 — что такое? — чувствую запах спирта! Зарулил в направлении запаха, пришлось свернуть на поле, не проехал и нескольких де-

сятков метров, вижу канализационный колодец, крышка открыта, рядом ручная помпа, и оттуда несет такой вонью, что голова закружилась! Решил привезти в казарму, а посуды нет. Вот горе! Смотрю, рядом со мной на площади побольше футбольного поля вплотную стоят канистры, надеюсь, пустые. Но на другой стороне площади ходит часовой САСШ! Стало страшновато, можно нарваться на международный конфликт. Посмотрел я на него и решил: по уставу везде примерно одинаковому, он не должен сразу открывать огонь, а сначала предупредит.

Подхожу, беру канистру — полная! Открываю пробку и выливаю бензин. Часовой закричал, винтовку снял с плеча, а я в ответ заорал единственное слово, известное мне по-английски: «Рашен! Рашен! (русский)». Он внимательно присмотрелся и... махнул рукой. Я понял этот жест как сигнал к действию. Вылил вторую канистру, накачал обе и отвез к себе в казарму, благо близко, и так пятнадцать раз в этот вечер. Уже создалась очередь — пронюхали любители выпить и попытались поставить меня в очередь, но я доказал свои первооткрывательские права и увез еще две канистры. Приехал я и в 16-й раз, несмотря на сильную усталость, но здесь вмешалось начальство, поставили сильную охрану, а десятка два пьяных увели. Приятное известие, что у одного «рашен»-солдата появился почти неистощимый источник «огненной воды» быстро распространился среди личного состава небольшого американского гарнизона, и в результате ко мне направился почти непрерывный поток жаждущих.

Я от всей души был рад возможности хотя немного отблагодарить наших освободителей и в течение нескольких дней с удовольствием проявлял всевозможное в тех условиях кавказское гостеприимство, наполняя их бутылки веселящей влагой. Ежедневно появлялся ординарец нашего начальника лагеря, из пленных офицеров, по слухам, Героем Советского Союза, и для него наполнялся

графин. Сам распределитель выпил один раз для пробы грамм 30, и этим ограничился.

Пришел один «союзничек», здоровый детина, получил в подарок пол-литра, спрятал в карман и пригласил прокатиться на «харлее», и прокатил так — и сейчас дрожь пробирает! Оказалось, он прилично выпил, а я не обратил внимания и согласился. «Харлей» был без коляски, и не успел я сесть на заднее сиденье, как мой «катальщик» газанул так, что мотоцикл какое-то расстояние проехал на заднем колесе, и я остался бы на месте, не ухватись заранее за водителя. Уверен, что жители Вайдена надолго запомнили эту сумасшедшую езду, когда на повороте мы почти лежали на земле; и какое-то мгновение ведущее колесо пробуксовало, поднимая тучи пыли, а затем мотоцикл совершил прыжок; а сколько раз немцы выскакивали из-под колеса! Наконец, мне удалось уговорить его доставить меня до казармы; хорошо, что он понимал по-немецки. Желаю ему здоровья и выражаю восхищение мастерской ездой.

Заканчиваю свои «мемуары». Дальше был госпиталь в районе Братиславы (4-я степень дистрофии), «фильтрация» в Будапеште и отправка домой в Тбилиси.

Postscriptum

Фильтрацию я проходил в Будапеште, в 122-м проверочно-фильтрационном лагере. Мной было пройдено более 20 различного ранга лагерей: концлагерь Терезин, штрафные команды, тюрьмы, простые лагеря и т. д. Совершенно несколько побегов — и поэтому было много перемен мест заключения. Но когда мой рассказ доходил до побегов, эти события майор КГБ не записывал, как я ни настаивал. Закончив допрос, исписав листов пять, майор предложил подписать протокол, но я, несмотря на угрозы, категорически отказался и подписал только тог-

да, когда он прибавил в конце всего три слова: «совершил 4 побега». Теперь, когда я закончил свой рассказ, у меня получилось пять побегов. Получилось какое-то «перевыполнение плана побегов», за что прошу меня извинить и отнести этот дефект за счет недостатков памяти. Это единственное несоответствие в рассказе.

Юрий Тутов об отце

Владимир Тутов, мой отец, родился в трудное время начала века. Его отец, Семен Михайлович Тутов, из Ставропольского уезда попал в Севастополь, служил радистом на «Трех Святителях» и транспорте «Петропавловск». Когда и как служил, не знаю, так как он умер в конце 30-х годов своей смертью в г. Риони (Грузия).

Когда началась революция, он был начальником почты в г. Сочи. В начале 20-х годов работал в Кремле, но с трудом сбежал. Бабушка шепотом рассказывала, что там было просто ужасно, и дед говорил, что от «них» надо быть подальше. Ему пришлось идти к Ленину и уговаривать его отпустить. Правда, документальных подтверждений этому нет.

Отец рассказывал, что дед «занялся нэпом», в результате загремел в тюрьму на 2 года. Затем он уехал на Кавказ, менял постоянно работу, кочевал. Работал в колхозах главным бухгалтером. Почему кочевал, ясно из «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

Моя бабушка, Инна Васильевна Тугова-Сидоренко, родилась в Харькове в 1890 году, но после исчезновения мужа ее мама переехала в Севастополь, город, который бабушка любила до конца жизни (умерла в 1984 году). В Севастополе она видела, как горел крейсер «Очаков», расстреливали пловущих матросов, и весь ужас 1905 года. Правда, впоследствии говорила: «В 1914 году жизнь кончилась. А ранее жизнь все-таки была». Видимо,

в 1906 году она работала у графа Воронцова швеей, она тепло вспоминала, как они все вместе обедали и ездили на машине на экскурсии. Воронцовы потом, мне кажется, уехали из России. Люди были дальновидные.

Снова о моем папе. Родился он в 1917 году — от цифр дрожь пробивает. В детстве он начал рисовать, когда был маленьким рисовал с тенями, на малюсеньких клочочках бумаги. Я видел эти рисунки, сохраненные его мамой, моей бабушкой. Отдали его учителю рисования, тот заставлял рисовать пирамиды и кубы — желание рисовать у отца пропало. В более взрослом возрасте он занимался спортом: гимнастикой, плаванием. Впоследствии играл в водное поло. Поступил в Ленинграде в спортивный техникум. Много у него было друзей-спортсменов: Петр Мшвенирадзе, Бреус, Жора Харебов, Игорь Тер-Ованесян, Боря Лагутин, Семен Бойченко и много других. Прошу прощения у тех, кого не назвал.

В 1938 году отца призвали в армию в казачью танковую дивизию. Когда танкисты маршировали по станице, обмотки у них с ног сползали, и казаки кричали: «Эй, танкист, гусеница размоталась». Отец стал командиром танка. В 1939 году в феврале двинули их в Финляндию, хотели бросить через Финский залив в тыл финнам, но 12 марта было объявлено перемирие, и война закончилась.

О войне и плене он рассказал сам.

В 1945 году отец вернулся с войны в Тбилиси, ходил между военкоматом и милицией. В одном месте не давали паспорта без военного билета, в другом — военный билет без паспорта. Наконец, его товарищ и сосед, Михаил З., работавший в военкомате, выписал, рискуя жизнью, не полагаящийся ему военный билет, после чего он мог прописаться и работать. Работал тренером по плаванию, научил тысячи людей плавать.

Перед этим подрабатывал в Тбилисской академии художеств натурщиком. Скульптор Гурам Кортзахия лепил с него Маяковского. Памятник стоит в музее В. В. Маяковского в Москве.

В 1948 году отец приехал в Москву с командой ватерполистов и познакомился с моей мамой, Тamarой Михайловной Морозовой (1928–1974). Родилась она в Старой Рузе. Каким-то боком приходится родней Морозовым, они были любвеобильными и «прихватили» ее бабушку, а затем выдали замуж. Мама до 1941 года училась в школе балета Большого театра, но потом все закончилось.

В конце 50-х годов отец по совету соседки тети Раи взял фотоаппарат и начал снимать. Работал он с большой выдумкой. Профессию свою всегда обозначал так: спортивный фотожурналист. В штат устроиться ему было невозможно, мешал плен, тем не менее благодаря таланту и упорству он много печатался в «Советском спорте», «Москоу Ньюс», «Спортивных играх» и прочих изданиях.

Мне с 5 лет отец рассказывал о войне, плене и собственной жизни. Впоследствии я привязался к нему: «Напиши!» Он взялся и на одном дыхании написал. Причем слово в слово так, как рассказывал. Я пытался напечатать, но один редактор мне сказал: «Подумаешь, воспоминания солдата».

Им нужны воспоминания генералов, а они одинаковы: «Если бы меня послушали, война бы закончилась 22 июня 1941 года, вечером...»

Сентябрь 2009 г.

АЛЕКСАНДР МАЛОФЕЕВ

**Воспоминания морского артиллериста,
советского военнопленного,
узника концлагерей
и французского партизана**

Май 1941 г. — февраль 1945 г.

До войны

6 мая 1941 года Военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ¹ провожало своих молодых выпускников-командиров, отъезжавших на Балтийский, Северный и Тихоокеанский флоты. На вокзал вышли преподаватели, командиры, друзья и знакомые отъезжающих. На перроне играл оркестр ВМАУ². Образовалось несколько своеобразных кружков. Одни танцуют, другие прощаются с подругами, третьи обступили своих любимых преподавателей и получают последние напутствия.

Вот группа молодых командиров окружила старого преподавателя — интенданта I ранга Мельничука, находившегося на флоте с 1903 года, участника Цусимского сражения, которого они на I курсе ненавидели за его строгость и придирки, потом — терпели, а на старших курсах — обожали. Человек большого опыта и знаний, он передал курсантам любовь к своему предмету «морская практика», которая так им пригодилась потом в условиях Финского залива.

Рядом с ним начальник училища — капитан II ранга Карандасов, участник гражданской войны в Испании. За умелое руководство боевыми операциями полудивизиона эсминцев республиканского флота он был награжден боевыми наградами — двумя орденами Красного Знамени. Он только что держал пламенную речь о славных боевых традициях советского флота, о будущей службе курсантов. (На Западе Европы бушует пламя Второй мировой войны, и они должны быть готовы ко всяким неожиданностям, так как война в любое время может захватить и советскую страну). Потом Карандасов еще раз напомнил, каким должен быть флотский командир.

¹ Ленинский коммунистический союз молодежи Украины (ЛКСМУ).

² Военно-морское артиллерийское училище им. ЛКСМУ.

Оба преподавателя дают на перроне последние напутствия молодым командирам.

К перрону подали пассажирский поезд. Последние рукопожатия и прощание с провожающими. Оркестр играет «Последний вальс». Поезд трогается.

Последний раз Малофеев охватывает взглядом Севастополь, бухты, Исторический бульвар, Приморский бульвар, свое родное училище. Сколько радостных дней проведено за годы учебы в этом историческом городе морской славы нашей родины («Сей град Великий Севастополь — отчизна моряков»). Под нахлынувшей волной воспоминаний поезд незаметно проходит туннели и движется по цветущим долинам, окружающим Севастополь.

Из задумчивого состояния Малофеева выводит его друг, Иван Иванович Трепалин (которого даже родные дома называли Иван Иванович). «Итак, Саша, до свидания, Севастополь. Как теперь нас встретит Балтика? Одно дело, мы были там на практике курсантами, другое — возвращаемся командирами».

В вагоне сразу завязывается дружеская беседа. Молодые командиры вспоминают годы, прошедшие в училище, говорят об учителях-командирах, о преподавателях, о растущем флоте. Постепенно разговор снова переходит на международные темы. Под ударами гитлеровских войск как карточные домики разлетаются европейские государства. Кстати, вспоминают приезд в училище германского военно-морского атташе в СССР кап[итана] I ранга Баимбаха и слова одного из старых преподавателей, что хотя договор о ненападении с Германией и подписан, но воевать придется не с Англией, а в первую очередь с фашистской Германией.

Порабощены уже преданные своими правительствами народы Франции, Польши, Югославии, Греции, Дании, Бельгии, Голландии, Норвегии, Албании. Пылают английские города под ударами немецкой авиации. Дымятся развалины Ковентри, Саутгемптона.

Англия только начинает приводить в порядок свою армию, имеющую всего 1 млн человек. У нее много танков, авиации. Подвоз из колоний продовольствия и материалов дезорганизован германским подводным флотом и авиацией. Америка почти бездействует, хотя официально и вступила в войну с Германией. Почему же медлят англосаксы с организацией отпора Гитлеру, как будто над ними не нависла смертельная опасность, угроза повторить участь уже порабощенных народов? СССР с Германией имеет договор о ненападении, но большинство выпускников уверено, что рано или поздно придется вступить в мертвую схватку с вероломной Германией.

И так, в затянувшейся беседе незаметно проехали Крым. Минутная остановка у Чонгара возле памятника погибшим бойцам Красной армии при штурме Перекопа — и поезд вырвался на цветущие равнины Украины.

Харьков. Отсюда Малофеев с Воропаевым заехали к своим родным на станцию Чертково. Зашли в родную среднюю школу, где их тепло встретили бывшие преподаватели, поздравили с окончанием училища. А через три дня родные и друзья снова провожали их в путь.

В Москве встретились с прибывшими туда москвичами и расстались с Воропаевым, который должен был раньше Малофеева явиться в Полярное. Вместе со В. Н. Свиридовым и И. И. Трепалиным они побывал в Мавзолее Ленина, в Музее Ленина, в Третьяковской картинной галерее, в парке им. Горького и других исторических и достопримечательных местах Москвы.

12 мая прибыли в Ленинград, посетили Химикотехнологический и Фармацевтический институты, где учились товарищи Малофеева по средней школе. Взобрались на шпиль Исаакиевского собора, откуда любовались видом Ленинграда и смотрели на далекий Кронштадт. Вечер провели в общежитии Химикотехнологического института на Прибытковской у знакомых по школе девушек. Ночевали в распределителе комсостава на Фонтанке, 96.

А ночью с 13 на 14 мая в международном поезде командиры выехали в столицу молодой советской Эстонии Таллин — главную базу КБФ¹, туда прибыли 14 мая в 10.00. Вещи оставили на вокзале, а сами втроем на такси поехали осматривать достопримечательности Таллина.

Зашли в вегетарианскую столовую и растерялись. Здесь на подносе им подали сразу три прибора (ложечки, вилочки, ножи, какао, сливки, яички, какую-то зелень), а они не знали, с какого блюда начинать. Посетители столовой с интересом наблюдали за тремя советскими морскими командирами. Хотя им очень хотелось есть, они решили не давать посетителям столовой возможности наблюдать незнание правил вегетарианского питания и, побеседовав немного, пойти в другую столовую. Из затруднения их вывел молодой русский парень, зашедший в столовую и приглашенный ими за стол. Как обезьяны копировали они все его действия и движения за столом. Не удовлетворившись вегетарианским питанием, зашли в ресторан «Конвик», где поели по-русски.

Вечером они явились в гостиницу «Кульд Леви» («Золотой лев»), или Дом моряков (гостиница), где находился распределитель, по улице Тюйстюса.

Рядом жил эстонский моряк торгового флота, только что через Иран вернувшийся с Индийского океана. Познакомились. В Индийском океане их интернировали англичане после установления советской власти в Эстонии, и они там плавали под английским флагом. Много рассказывал об островах Ява, Суматра, Борнео и др., показывал большой альбом с фотографиями различных островов. Был он помощником капитана торгового корабля с эстонской командой. Англичане долго их не отпускали на родину, но по настоянию советского правительства вынуждены были отпустить. Через год после установления в Эстонии советской власти.

Когда они бродили по Таллину, к ним подошел 60-летний старик и отрекомендовался моряком. Сейчас он

¹ Краснознаменный Балтийский флот.

пенсионер. Хочет показать им город. При буржуазном правительстве в поисках заработка побывал во многих странах мира. Жаловался на преследование судовладельцами за непокорный нрав. Показал свой старый «волчий билет». Теперь, при советской власти, он спокоен за свою старость. Несмотря на свой преклонный возраст, он еще бодрый старик и работает на заводе «Вулкан». (Через два месяца Малофеев встретил его в рабочем истребительном батальоне.)

Сначала осмотрели древнюю часть города — Вышгород. Улицы очень узкие. Встречным автомашинам разъехаться невозможно. Вышли на Ратушную площадь, окруженную высокими зданиями готического стиля. Осмотрели крепость с развевающимися на башнях красными флагами. В одной из башен музей, где собраны орудия пыток Средневековья (клещи для сжатия рук, две половинки с гвоздями, куда зажимали всего человека, кольца, цепи, какие-то приспособления для выкручивания ног и рук и т. д.). Видели Большого Томаса.

Улицы новой части города были широкими, по одной из них ходил трамвай. Были в парке Кордиорг, в Купеческой и минной гаванях, в гидропорту. 15 мая явились втроем в штаб КБФ и доложили о своем прибытии. Свиридов и Трепалин остались в Таллине, а Малофеев с Павловым (он был из Воронежа) были направлены в порт Палдиски¹, куда они прибыли 16 мая. Павлов был откомандирован на остров Осмусор (Одинсхольм), а Малофеев — на острова Роге, расположенные в 7 км от Палдиски.

Добравшись утром на Роге, на пристани Малофеев встретил командира 5-го полка ПВО КБФ подполковника Барямова и доложил о своем прибытии. В штабе дивизиона Малофеева назначили командиром огневого взвода 2-й батареи 2-го дивизиона (командир дивизиона — капитан Черный, начштаба — старший лейтенант Мельниченко, замполит — Гош). В этот же день он по-

¹ Палдиски (Пальдиски; бывший Балтийский порт) — город в Харьуском районе Эстонской ССР, в 40 км от Таллина.

знакомился с командиром батареи лейтенантом А. Белоусовым (из Херсона, окончил сухопутное СУЗА¹), помполитом старшим политруком А. Зименковым (он был ленинградским рабочим, призван в финскую войну из запаса, бывший катерник-торпедист) и командиром взвода управления младшим лейтенантом Геннадием Коробцом (из Великих Лук).

И пошла у Малофеева боевая островная жизнь. Полюбили его моряки сразу. В каждое занятие он вкладывал всю свою энергию, и краснофлотцы могли часами с ним сидеть, будь то занятия по матчасти, огневой подготовке или политучеба. В свободное время он вместе с ними плясал любимое матросское «Яблочко» под баян краснофлотца Сударикова из Горького. Хорошо зная свой любимый предмет — историю Военно-Морского флота, Малофеев историческими примерами беззаветного мужества матросов русского флота прививал молодым краснофлотцам любовь к родному флоту (самые молодые были только что призванные его ровесники).

Краснофлотцы интересовались мощью советского флота, сравнивали его со старым царским. На все эти вопросы Малофеев давал ясные, понятные каждому разъяснения (недаром в училище друзья в шутку называли его «великим морским стратегом», так как он читал очень много морской исторической литературы). На комсомольских собраниях Малофеев выступал с лекциями по истории коммунистической партии и сам готовился вступить в нее.

Четко слаженная до этого работа батареи стала еще слаженней. Здесь была хорошая взаимозаменяемость. Старшины Боровской (помощник начальника приборного отделения) и Гершкович (старшина батареи) сами могли открыть огонь по самолетам врага. Посещал кают-компанию дивизиона береговой обороны командир дивизиона капитан Шевченко. Там кок Ходоров готовил очень вкусные блюда. Говорили, что на корабле

¹ Севастопольское училище зенитной артиллерии.

на камбузе, когда его туда послали учеником кока, тот заставил его ножом сечь муку, и он, ничего не смысля в кулинарии, сек ее, а друзья кока, заглядывая на камбуз, от души хохотали. Было у него, например, блюдо «Покушай сегодня, придешь завтра». Здесь же Малофеев среди командиров выиграл пари — бутылку коньяка за то, что за один прием съел пол-литровую банку сгущенного молока.

Малофеев списался со Свиридовым, Трепалиным и Павловым, находящимися в Таллине, и договорился о том, чтобы 22 июня, в воскресенье, всем собраться в Таллине и отпраздновать день его рождения (20 июня ему исполнилось 20 лет), поделиться своими первыми успехами и неудачами по службе.

Но в тот день в Таллин ему выехать не удалось. 20 июня по флоту была объявлена готовность № 1. Все предполагали, что будут большие учения КБФ. Но вот рано утром 22 июня по радио было извещено о налетах немецкой авиации на Севастополь, Киев, Минск и другие города. Началась война.

На войне. Батарея Малофеева, первое ранение и госпиталь

Днем был зачитан приказ командующего Балтийским флотом Трибуца¹: «Уничтожить флот и базы противника». Все как будто повзрослели, посуровели. Каждый напряженно всматривался в высоту, ожидая самолеты противника. 24 июня с моря доносилась артиллерийская канонада. На большой высоте в сторону Таллина прошел

¹ Трибуц Владимир Филиппович (1900–1977) — военно-морской деятель, адмирал (1943), на Красном флоте с 1918 года. В 1936 году — начальник отдела штаба, с февраля 1938-го — начальник штаба, а с апреля 1939-го — командующий КБФ. Руководил оборонительными действиями у Таллина и Ленинграда.

немецкий разведчик, а через некоторое время оттуда донеслись глухие взрывы то ли зенитных снарядов, то ли авиационных бомб.

Вечером в Палдиски пришел поврежденный крейсер «М. Горький». Миной или торпедой у него был оторван нос по первую башню. Моряки крейсера рассказывали, что немецкие корабли избегают сближения с нашими на дистанцию артиллерийского боя, но их авиация не дает возможности вести успешные бои с кораблями. Под напором превосходящих сил немецких войск наши войска к концу июня оставили Литву, Латвию, часть Эстонии. Немцы рвались к Ленинграду. Все чаще и чаще стали над островами пролетать самолеты в направлении Таллина.

27 июня батарея старшего лейтенанта Погорелого открыла огонь по советскому бомбардировщику ТБ-3¹, который летел со стороны Латвии, где-то поврежденный немцами. Другой раз командование дивизиона открыло огонь по корабельному разведчику КР-2², вынудив его сделать посадку у маяка Пакри³. Его приняли за немецкий торпедоносец (лодку посчитали за торпеду), что говорило о плохой подготовке службы ВНОС⁴ по опознанию самолетов. Батарея Малофеева огонь по КР-2 не открывала.

Девушки-продавщицы в магазинах острова хорошо владели немецким. Эстонка русского происхождения Дуся брала у командиров для стирки белье. В начале войны она была арестована как немецкая шпионка.

30 июня батарея Малофеева сбила два самолета, один из которых рухнул в море, а другой упал у маяка Пакри.

¹ Тяжелый бомбардировщик Туполева, также известный как АНТ-6.

² Корабельный катапультный разведчик (другое обозначение КОР-1) — самолет морской разведки, предназначенный для запуска с корабельной катапульты и посадки на воду.

³ Мыс на восточной оконечности залива Палдиски.

⁴ Служба воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Вскоре был дан приказ взорвать причалы, береговые укрепления, машчасть, переправиться на материк и под командой командира дивизионно-береговой обороны капитана Шевченко пешим порядком двигаться на старую границу (где должны были дать новую технику), в район Кингисеппа. Это привело личный состав в уныние и замешательство. Неужели обстановка так сложна и опасна? Все быстро приготовили к уничтожению.

Вечером было получено сообщение об образовании Совета обороны¹ во главе с т. Сталиным. Командующим Северо-Западным направлением назначен маршал Ворошилов. Зачитали Постановление ГКО № 00381 от 16 июля 1941 года, подписанное И. В. Сталиным. В нем говорилось об аресте и предании суду «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия врагу без боя и самовольное оставление позиций» командующего Северо-Западным фронтом генерала армии В. Е. Павлова, начальника штаба фронта генерал-майора Климовского, командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора А. А. Коробкова, начальника связи Западного фронта генерал-майора А. Т. Григорьева, командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора И. С. Кособуцкого, командира 60-й горнострелковой дивизии генерал-майора М. Б. Селихова, его заместителя по политчасти полкового комиссара И. Т. Курочкина, командира 30-й иркутской дивизии Южного фронта генерал-майора С. Г. Галактионова и его заместителя по политчасти полкового комиссара И. К. Елисеева. Все они, кроме Селихова, Кособуцкого и Курочкина, были расстреляны, расстреляна группа предателей во главе с командующим Западным фронтом генералом армии Павловым.

Эти сообщения подняли боевой дух личного состава. Почувствовалась уверенность в победе над врагом.

¹ Имеется в виду Государственный комитет обороны — высший орган управления СССР в период войны.

У всех на устах были слова т. Сталина: «Наше дело правое, мы победим». Гарнизон маленького острова воспрянул духом.

Получен приказ: «Всеми силами удерживать побережье Эстонии», дать возможность отомобилизоваться армии в тылу. 6 июля батарея получила новый приказ: в полном боевом составе переправиться на материк и двигаться в Таллин на усиление противовоздушной обороны главной базы. Восстанавливаются взорванные на всем побережье причалы. Погружаемся на транспорт «Куйвасто». Трактора с пушками и прицепами на палубу транспорта водит только один опытный тракторист. При погрузке погиб помпотех младший воентехник Бородулин.

Выгрузились в Палдиски и двинулись в Таллин. Вокруг города роют противотанковые рвы. Все стекла окон крест-накрест обклеены бумагой. По улицам Таллина движутся колонны эвакуируемого оборудования, маршируют рабочие истребительные батальоны.

В Таллине батарею установили около кладбища у аэродрома Лонсберг. Невдалеке был расположен штаб дивизиона. Командир дивизиона капитан Черный однажды крепко ругал Малофеева за то, что тот не открыл огонь по немецким самолетам. Однако они находились вне досягаемости огня батареи, к тому же там вертелась «карусель» — шел бой с советскими истребителями и огонь батареи помешал бы им. (Подсчитано, что дивизион Малофеева на один сбитый самолет врага израсходовал свыше 400 снарядов.)

Немецкие самолеты непрерывно рвались на рейд Таллина, где стояли наши боевые корабли, но успешно отгоняются малочисленными советскими истребителями и огнем корабельной и береговой зенитной артиллерии. Самолеты врага сбрасывали свой смертоносный груз на пригороды.

Малофеев поговорил по телефону со своим сокурсником Коваленко. Получил письмо от Трепалина.

Немцы яростно рвались к Таллину и в середине июля достигли Хапсалу. Тогда же Малофеев узнал о первом

погибшем сокурснике — лейтенанте Паперном, чемпионе училища по борьбе. Он погиб на торпедном катере.

Чтобы ликвидировать угрозу Таллину, командование КБФ решило высадить десант в тылу у немцев. Для этого на остров Эдель был подготовлен морской десант. 16 июля под прикрытием артиллерийского огня с кораблей острова Муху (командир — Мартыненко) и полуострова Кубассари (командир — Букоткин) был высажен десант в районе Виртсу. Действия десанта были так стремительны, что немцы даже не успели угнать с Виртсу паровоз, и он так и остался стоять на дамбе, служа для нас на острове Муху хорошим ориентиром.

22 июля 2-я батарея была выделена в отдельную и направлена на усиление ПВО Моонзундского архипелага. Своим ходом бойцы Малофеева направились через Хансалу до пристани Рохекюля. В Рохекюля встретил их командир порта капитан II ранга Яковлев. Погрузились на транспорт «Куйвасто» и пароход «Рудольф». До войны «Рудольф» плавал у берегов Англии под английским флагом (он был интернирован после установления советской власти в Эстонии), и его команда еще там была несколько раз обстреляна немцами.

Получен приказ высадиться на острове Муху в Куйвасто. На «Рудольфе» на остров Эзель отправился член ЦК Компартии Эстонии с женой. В море вышли ночью. К утру оно окуталось густым туманом, и зрительная связь с транспортом была потеряна. Порт Куйвасто из-за тумана «Рудольфа» не принял, и он стал на рейде. Утром туман рассеялся, и стал виден транспорт. Подошли к причалам и начали выгрузку. Немецкие самолеты несколько раз пытались их бомбить и обстреливать, но каждый раз отгонялись огнем с находившихся там катеров КМ¹, МО² и БК³.

¹ Катер малый (обычно — тральщик).

² Малый охотник, или малый морской охотник.

³ Бронекатер.

Батарею установили вблизи порта. Малофеев с Зименковым поселились в отдельном домике на окраине Куйвасто у одинокой женщины Кристины Ыуэ. (В 1966 году, будучи на Муху, Малофеев посетил ее в Куйвасто.)

Малофеев часто ходил на пристань Куйвасто, где встречал бывших выпускников своего училища. Там всегда можно было узнать новейшие известия о боях на Балтике. Там же встречал балагура и весельчака командира катера КМ Диму Овсянникова, который носил поверх кителя куртку и поэтому его знаки различия не были видны. Однажды со стороны Рижского залива курсом к Куйвасто шел катер МО и между Кесулейр и портом Куйвасто подорвался на mine. С него к берегу приплыл только один сигнальщик и сообщил, что катер лежит на мелководье и на нем есть живые люди — они стучали в иллюминаторы надстройки. Но Свирский из-за штормовой погоды на спасение оставшихся в живых не послал никого.

Еще будучи в Таллине, Малофеев в одной эстонской семье увидел уникальную книгу, выпущенную в 1912 году к столетию Бородинского сражения, — «Великая Отечественная война 1812 года» в иллюстрациях и документах. Книгу эту хозяин ему подарил, и он взял ее с собой.

На острове Муху Малофеев встретился с командиром береговой батареи капитаном Мартыненко. Его пушки (полевые 3-дюймовые) были установлены через 1 км в районе порта. Мартыненко — выпускник училища Малофеева, окончил его в начале войны. Налеты на порт стали чаще. Однажды Малофеев с мичманом с катера-охотника поехали на велосипедах в селение Муху на маслозавод за маслом. По шоссе у дорожного домика по ним была выпущена автоматная очередь. Бросили велосипеды и по кювету доползли до домика. Обследовали. Никаких следов живого человека. В подвале нашли безоружного эстонца. Сделали обыск, и нашли только финку. Мичман обратился по-эстонски — не понимает, по-русски — тоже.

Немец? Малофеев, возбужденный прошедшим страхом, вынул пистолет. Заговорил по-эстонски. Кайцелит¹. Возиться не стали и пристрелили. Долго он Малофееву снился потом.

Немцы отогнаны к Пярну и там закрепились. Воен-техник Егоров сформировал особый отряд из моряков. Сам разъезжал по кораблям и батареям и отбирал добровольцев. Брал тех, «кто не боится резать человеческое мясо (немецкое)», как он говорил. Отряд его сражался под Пярну. Под Пярну наши слабые отряды были остановлены усиленной немецкой мотомеханизированной бригадой. На остров Эзель отряд Егорова доставил два трофейных бронеавтомобиля. Один из них был захвачен в его распоряжении на шоссе, куда он беспечно заехал (это было описано в островной газете «На страже»).

3 августа у Малофеева был второй приступ аппендицита, и его направили в военно-морской госпиталь в Курессааре. Операцию сделали доктор Цодиков (армянин) и Н. Каленова. Операция прошла неудачно: 6 порезов в кишечнике, нагноение. Положили к тяжелораненым.

Ухаживала за ним эстонка, сестра-комсомолка Лилли Круль. Большинство в палате — моряки с погибших в бою наших кораблей: лейтенант Броншпиц из дивизиона торпедных катеров, его помощник лейтенант Осипов — лежал в гипсе, живот был прошит пулями из немецкого торпедного катера. С минного заградителя «Сурок» прибыла группа раненых. Во время его подрыва на немецком минном поле они слушали на юте политинформацию. И только эта группа осталась в живых. С ними раненый комиссар корабля, который делал политинформацию. Краснофлотец-весельчак Добронравов с торпедных катеров Богданова всегда веселил больных в палате шутками, веселыми песенками. К нему навещался и помощник лейтенант Богданов. Он когда-то был командиром под-

¹ Кайцелит — военизированные коллаборатнские соединения в Эстонии во время войны.

лодки, потом уволен в запас за лихачество и снова призван, но уже на торпедные катера.

Часто в палату сестра приводила боцмана торпедного катера Еремина (из Горького). Во время налета немецких катеров на их катер на Коссерском плесе ему пуля попала в висок, выбила один глаз, а другой повредила. Врач говорил, что видеть он не будет.

Из Пранги ледокольный буксир «Логплесис» буксировал на Церели в Менту торпедный катер лейтенанта Скрипова, прибывший из Таллина. Поврежден правый мотор. В пути на него напали 4 немецких катера, торпедных. Снявшись с якоря, Скрипов вступил с ними в бой. Прямым попаданием снаряда в катер был убит механик и ранены сам Скрипов и боцман Еремин. Еремин всегда рассказывал веселые истории. Сам здоровенный! Но сестра Пухова (студентка Ленинградского мединститута III курса) рассказывала, что днем он веселится, веселит других, а ночью — плачет.

Встретил земляка — капитана Горбачева Ивана Илларионовича, летчика-истребителя с МИГа. Он был подбит в воздухе, таранил «Мессершмит-110», загорелся и выпрыгнул в море. Подобрали его наши катера. Сильно обгорел — руки, лицо. К нему часто приезжал начальник авиации острова майор Кудрявцев. 6 и 7 сентября группа Преображенского была отозвана на оборону Ленинграда.

Сержант Петунин, артиллерист 315 ББ¹, лежал в палате Малофеева с гнойным аппендицитом. В госпитале было много летчиков с аэродрома Кагул, также сильно обгоревших. Поддерживали их вливанием глюкозы, уколами. Летчики рассказывали, что во время их первого полета на Берлин город был весь освещен, никакого затемнения. На аэродром прилетел Владимир Коккинаки². Инструкти-

¹ Береговая батарея.

² Коккинаки Владимир Константинович (1904–1985) — дважды Герой СССР, заслуженный летчик-испытатель СССР, генерал-майор авиации. Во время Великой Отечественной войны руководитель испытаний новых типов самолетов.

ровал, как на ДБ¹ брать вместо ФАБ² 500 и 1000 т. Часто при взлете самолеты разбивались. В день прилета Коккинаки на Когул был массированный налет 80 немецких самолетов.

Окнами госпиталь выходил на улицу Таллина, по которой часто в комендатуру, находившуюся в крепости, проводили немецких парашютистов. Однажды привели в госпиталь раненого немецкого солдата. С каким презрением на него смотрели! Ранен он был около Виртсу и три дня лежал в пшенице. Питался зерном, как суслик. О его пленении в газете «На страже» писал поэт Веденский, находившийся на острове.

Первый день после операции Малофеев съел большую часть плитки шоколада. Врач Каленова (врач Надя) подняла страшный шум. Пришли начальник госпиталя военврач I ранга Бондаренко и начальник отделения врач Леви и взяли с него подписку, что они не отвечают за его жизнь, если он будет кушать не назначенную врачом пищу. Лилли Круль влюбилась в Малофеева. При выздоровлении приносила из города все, что раненые у нее просили. При воздушных налетах ходячие больные прятались в бомбоубежище, а лежащие оставались на месте. Когда Малофеев стал вставать на ноги, он попросил Лиллю помочь ему спуститься на нижний этаж в красный уголок посмотреть кинофильм. В зале его увидели врачи, нашумели. Лиллю хотели наказать. Но Малофеев сказал начальнику госпиталя, что это он «приказал» ей отвести его вниз. А тот ответил: «Приказывать вы будете у себя на корабле», а здесь «вы подчиненные и будьте добры выполнять указания сестер, врачей, товарищ рядовой больной». Все же Лилли дали выговор в приказе по госпиталю. Часто в госпиталь заходил фотокорреспондент газеты «Краснознаменный

¹ Дальний бомбардировщик. Именно на дальнем бомбардировщике ДБ-3 Ильюшина В. К. Коккинаки установил ряд мировых рекордов по грузоподъемности.

² Фугасная авиабомба. Во время войны ФАБ были калибра (массы) 50, 100, 250, 500 и 1000 кг.

Балтийский флот» Андрей Дудченко — газета «Краснознаменный Балтийский флот» стала выходить в Кронштадте малым форматом.

29 августа (2 сентября)¹ пал Таллин. Эскадра ушла в Кронштадт. При выходе из порта был потоплен наш штабной корабль «Вера». Моряки со сторожевика «Вихрь» подобрали с потопленного штабного корабля несколько краснофлотцев и среди них писателя Всеволода Вишневского².

Сбор эскадры у острова Нарген и потом поход в Кронштадт.

Последним 3 сентября наши катера эвакуировали на острова батальон морской пехоты капитана Абдулхонова.

4 сентября Малофеева выписали из госпиталя с 15-дневным отпуском при части. Простился с медперсоналом (врачи Каленова, Никифорова, Леви, сестры Л. Пухова, М. Сухина, Л. Крюкова, Галя, Л. Круль, старшая сестра Сени).

На войне. Битва на островах, окружение

Прошел слух, что 10-тысячный отряд моряков высадился в Таллине и занял его.

Когда Малофеев вернулся на батарею — не узнал ее. Она ежедневно подвергалась методическому обстрелу

¹ Начало эвакуации намечалось на ночь 28 августа, но шторм задержал выход. Утром 28 августа корабли вышли на рейд, а во 2-й половине дня стали сниматься с якоря. Арьергард прикрывал отход и отражал воздушные атаки врага до вечера. Из-за увеличившихся в темноте подрывов кораблей на минах командующий флотом приказал ночью стать на якорь. Утром движение возобновилось. Днем 29 августа первые боевые корабли пришли в Кронштадт, а 30 августа переход транспортов и боевых кораблей был закончен.

² Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) — советский драматург, автор героико-эпических произведений, посвященных событиям и участникам Первой мировой войны, революции, Гражданской и Великой Отечественной войн.

с материка (каждое утро в одно и то же время — 15–20 минут) и потом бомбилась авиацией. Все были ранены. К обстрелу привыкли и боялись тишины. Однажды ночью на берегу позади батареи Малофеев заметил на холме свет в створе батареи в Виртсу. А рано утром на холме южнее Куйвасто в камнях он обнаружил зажженный ацетиленовый фонарь. Видимо, кто-то показывал врагу расположение батареи. Дежурство на холме ничего не дало, так как никто к фонарю не подходил, заметив наблюдение. Артиллерийская дуэль с немецкой береговой батареей продолжалась до тех пор, пока наша батарея не накрыла немецкую. После этого батарею стала усиленно бомбить авиация. Было повреждено орудие и трактор. Ранены Югренов (наводчик), командир орудия Емалдинов, убит Галкин. Сменили позицию, стали северо-западнее Куйвасто на полянке. На острове Кесулайви связались со А. Смирновым, наблюдателем батареи Кубассаре (130-мм п-р, командир — старший лейтенант Букоткин).

Вскоре на острове Вирдлайд высадился воздушный десант. О судьбе находившегося там нашего поста ОНИС ничего не было известно.

Начальник артиллерии острова Муху (Моон) капитан Шитиков решил выбить немцев с Вирдлайда (в Северной части Зунда, т. е. левее Куйвасто). Для этого они с Мартыненко и Белоусовым разработали схему артиллерийского налета, были собраны плавсредства для переправы десантной группы на остров. Осуществить эту десантную операцию помешали сильные штормы, при которых с необученным десантом на рыбацких лодках высадиться было невозможно.

12 сентября у Малофеева открылась рана, и он поехал на автомашине в госпиталь в Курессааре. Был на квартире у Лилли Круль (ул. Мартын Корбери, 1). Соседский дед старался внушить Малофееву, что сопротивление на островах бесполезно. В госпитале встретил военинженера III ранга Когана, приехавшего на мотоцикле проводить своих раненых (он несколько раз приезжал при Малофе-

еве). Из Курессааре возвращался на автомашинах с боеприпасами для катеров, базирующихся в Куйвасто. Вечером 13 сентября подъехали к дамбе. Контрольный пост ночью на Муху никого не пропускал из-за артобстрела дамбы. Ночь была очень темная.

Остались ночевать в местечке Ориссааре. Ночью получили сообщение, что немецкий десант пытался высадиться на Эзеле в районе Кубассар. Уничтожено 13 и повреждено 14 транспортных единиц. При отражении нападения десанта был ранен Букоткин.

Рано утром через дамбу двинулись на остров Муху. Едва только проехали дамбу, как попали под артиллерийский обстрел. Впервые открыла огонь с материка тяжелая артиллерия. Не проехали и 10 км от дамбы, как налетели самолеты противника. Машину оставили сбоку дороги под деревьями, а сами укрылись в подвале отдельного домика (видимо, это был дом дорожного мастера или лесника). Их заметили, и началось пикирование и обстрел домика. Машины с боеприпасами загорелись. Рядом с домиком упала 500-килограммовая бомба. В месте падения образовалась воронка глубиной более двух метров и радиусом 7–8 м. В доме вылетели окна, двери, осыпалась штукатурка, но дом остался цел. Стоявшие поодаль от места взрыва стог сена и сарай были разбросаны взрывной волной, а по огороду — белые куры, в воздухе кружились их перья. Подвал также остался целым.

Пешком Малофеев добрался до батареи. Лес вокруг весь иссечен пулями и осколками бомб и снарядов. Еще одному орудию перебило опорную лапу, и оно завалилось на бок. Снарядные ящики изрешечены. Появились убитые и раненые. Убит Комаров, ранены Судариков, Заринов, Березин и еще ранее убит Галкин. Вся позиция покрыта воронками. Комбат Белоусов ранен (отбита осколком пятка) и отправлен на Эзель. Но батарея по-прежнему ведет огонь из двух орудий.

Командовал батареей младший лейтенант Коробец. Связь с соседями и вообще с внешним миром была прервана. Малофеев принял командование батареей. Все

утро немцы ее бомбили. С берега последнее сообщение было о том, что в 6.00 утра немцы большими силами пытались высадиться в районе пристани Куйвасто.

Десанту противодействовали расставленные через 1 км орудия лейтенанта Мартыненко и батарея Лукина и Потопокина. С эстонского берега непрерывно вела огонь немецкая береговая артиллерия, поддерживаемая авиацией. Немецкие самолеты кроме бомб бросали пустые бочки, рамы от тракторов. С бреющего полета самолеты обстреливали даже одиночных бойцов.

Перед этим немецкие самолеты сбрасывали листовки, в которых говорилось, что Ленинград и Москва окружены, защитникам Моонзунда надеяться не на что и они обречены. Сначала немцы обращались с призывом: «Бейте жидов и комиссаров!» Потом к командирам и политработникам с призывом переходить на их сторону и давали гарантию, что все будут обеспечены работой и всем будет сохранена жизнь. В последние дни сбрасывали листовки, где говорилось, что «морякам и артиллеристам пощады не будет». К женщинам обращались ходить в белых платках, чтобы их было заметно с воздуха и их не обстреливала авиация. Некоторые женщины-эстонки так и сделали, и Малофеев был очевидцем того, как в огородах с самолетов были убиты женщины в белых платках.

К листовкам прилагались пропуска и указания пунктов на эстонском и латвийском берегах, куда должны с пропусками уходить с Моонзунда. Случаев перехода к врагу Малофеев не видел. Вскоре по прибытии Малофеева на батарею на ее позиции снова налетела девятка самолетов противника на бреющем полете. Открыл огонь с дистанции 4 км, но все самолеты прорвались на позицию. Орудийные расчеты спрятались в укрытии, а огонь открыла счетверенная пулеметная установка. Один «юнкерс» рухнул в месте укрытия тракторов. Одна бомба взорвалась около орудия и исковеркала платформу. Раненых и убитых не было.

После этого полета наступило затишье. К вечеру восстановили одно орудие из двух поврежденных. Артилле-

рия противника перенесла огонь вглубь острова. Там же слышна была артиллерийская стрельба нашей полевой артиллерии. В этот момент на позицию батареи из леса вышел начальник артиллерии острова капитан Шитиков. Приказал сняться и двигаться на Эзель. Об остановке он знал только то, что немцы закрепились на берегу севернее и южнее Куйвасто и по берегам двинулись к дамбе. Мы остались у них в тылу. Малофеев приказал сниматься с позиций и шоссейной дорогой двигаться к дамбе.

Перед снятием с позиции к батарее с боем отошел орудийный расчет батареи Н. Мартынова, располагавшейся южнее Куйвасто. Командир орудия рассказал, что с самого начала отражения десанта была потеряна связь с командиром батареи и другими орудиями, и он самостоятельно вел огонь по десанту. Потопил много плавсредств. И если бы самолеты врага не сровняли бы с землей их орудийный дворик, они бы и сейчас вели огонь по противнику. На их участке враг не высадился и повернул южнее. Расчет этого орудия прорвался с бойцами Малофеева на Эзель.

В темноте быстро привели батарею в походное положение. С соседнего двора по колонне была выпущена автоматная очередь. Посланный туда орудийный расчет выведенного из строя орудия сержанта Белоусова ничего не обнаружил. Двинулись вглубь острова по шоссе. Не доезжая до острова Муху, встретили расположенную у шоссе полевую батарею, на которой служил Лебедев, лежавший в морском госпитале вместе с Малофеевым.

Командовал батареей старший лейтенант Н. Ф. Лукин. Одним из орудий командовал сержант Андреев М. (до этого замковой¹). Малофеев с ними неоднократно встречался в Ленинграде и на островах².

¹ Замковой (правильнее — замковый) — боец орудийного расчета, обслуживающий орудийный затвор.

² «При встрече в 1966 году в Эстонии выяснилось, что при отходе у села Муху в лесу, справа от шоссейной дороги, мы встретили батарею старшего лейтенанта Н. А. Лукина. Об этом случае вспомнил артиллерист этой батареи Андреев и сам показал место встречи и

Артиллеристы сообщили, что в селе Муху немцы. Вскоре сюда же подошли морская пулеметная рота в неполном составе (во главе с сокурсником Малофеева лейтенантом В. Михайловым) и пехотный батальон с батареей 120-миллиметровых гаубиц и минометов. Поздним вечером у кирхи устроили военный совет. Командир батальона настаивал бросить матчасть и лесами пробираться к дамбе. Командиры пульроты¹, полевой батареи и Малофеев стояли за то, чтобы с боем прорваться через Муху и с матчастью двигаться по шоссе к дамбе. Батальон ушел в обход Муху лесом, а командиры батарей установили свои пушки у шоссе вблизи с. Муху и открыли сильный артогонь. Из села отвечали пулеметы и автоматы. Вскоре от артогня загорелся маслозавод и мельница. После артналета в селение была послана на разведку автомашина со счетверенным зенитным пулеметом, а по кюветам двинулись туда же пешим порядком моряки и красноармейцы.

Автомашина медленно прошла первые дома селения, но вдруг ярко вспыхнула и загорелась. Назад вернулись шофер с раненым краснофлотцем и доложили, что из окон второго этажа одного из домов машина была полита какой-то горючей жидкостью и моментально вспых-

место совещания у кирхи. Перед снятием батареи с позиции к батарее с боем отошел расчет одного орудия батареи Мартыненко. Он рассказал, что в первые часы отражения десанта связь с командиром и другими орудиями была потеряна. И орудийный расчет, приученный к самостоятельным действиям, снаряд за снарядом посылал в двигавшиеся плавсредства противника. Потопили их множество, южнее пристани, где стояло их орудие, немцы высадиться не смогли, и только днем орудийный дворик сровняли с землей бомбы самолетов (расчет во время налета спрятался в щели). Орудие было полностью приведено в негодность, и расчет пробился к нам, после чего мы отступили вместе на Эзель. С Малофеевым оставались командиры орудий сержанты Заринов, Белоусов, Фомин, заряжающий Емалдинов, командир ПУАЗО (подвижная установка автоматического зенитного огня. — Публ.) Боровской, матрос Красношлыков и др. (Примеч. авт.).

¹ Пульрота — пулеметная рота.

нула. Расчет весь сгорел. Разведка боем ничего не дала. Вернувшись из селения, разведчики доложили, что там много каких-то машин. Продвинуться к центру не смогли. Снова открыли артогонь по селу. Из села выскочила танкетка и на малой дистанции подбила одно из орудий Малофеева, но сама была подожжена другим орудием. Из горящего села по нашей позиции был открыт минометный огонь. На полевой батарее вышли из строя две пушки. Тогда решили сняться с позиции и обойти село проселочными дорогами. Пройдя 3 км от шоссе влево, были обстреляны противотанковой батареей. Решили уничтожить матчасть, разделиться на мелкие группы и лесом двигаться к дамбе.

На рассвете уничтожили матчасть и, договорившись о месте встречи около дамбы, двинулись мелкими группами в лес. Со стороны дамбы слышны были артиллерийские раскаты и пулеметная стрельба. Хуторов избегали. Однажды нарвались на хутор, занятый немцами. На предложение немцев сдаться открыли по ним винтовочный огонь и обошли хутор. Однажды были обнаружены в лесу авиацией, были обстреляны с воздуха. С Малофеевым осталось 12 его краснофлотцев огневого взвода (Белоусов, Фомин, Зарипов, Емолдинов, Боровской). К утру 16 сентября подошли к дамбе, за которую шел бой.

У рощи слева от дамбы (в 3 км) залегли у каменной изгороди. Впереди луг, заросли Малого Зунда. В ореховой роще начали скапливаться бойцы различных подразделений, оставшихся в окружении. К вечеру собралось более ста человек, из них 6–7 человек комсостава. Собрались на военный совет. Подсчитали наличное оружие: два станковых пулемета, три автомата, шесть ручных пулеметов, один миномет без опорной плиты и 12 мин к нему. У остальных — винтовки и личное оружие.

Решили с наступлением темноты подползти как можно ближе к немецким окопам и ударить по ним с тыла. По дневным наблюдениям, основная масса немцев (по интенсивности огня) находилась ближе к шоссе-дороге, т. е. справа от въезда на дамбу.

С наступлением сумерек ушла немецкая авиация.

По-прежнему с обеих сторон велся беспокоящий пулеметный огонь. К 10 часам вечера стрельба утихла. В расположении немцев взлетали сигнальные и осветительные ракеты. Мы подползли к линии немецких окопов на 70–80 м. По сигнальному выстрелу вся масса бойцов безмолвно ринулась на немецкие окопы. С 20–30 м открыли беспорядочную стрельбу. С криками «ура!» и «полундра!»¹ налетели на окопы. Задние стреляли вверх, передние бросали гранаты. Даже с миномета без опорной плиты выпустили все мины вдоль немецких окопов. Атака наша была так стремительна и неожиданна, что немцы в нашу сторону еще не успели повернуть пулеметы, как мы были в их окопах. И за 3–4 минуты все было с ними кончено.

Бойцы ринулись всей массой к дамбе. По-видимому, нашим у дамбы были слышны крики «полундра» и «ура», поэтому они не открывали по нам огня. Зато когда мы подбежали к дамбе и залегли у своих окопов, немцы всю свою огневую мощь обрушили на наши позиции у дамбы. Капитан, руководивший обороной дамбы, передал по цепи приказ приготовиться к контратаке немецких позиций, по сигналу — одна красная ракета по направлению Мухи. Через некоторое время бойцы, едва отдышавшись от яростного бега во время прорыва, снова поднялись, уже в лобовую атаку, но, не добежав до немецких позиций, залегли под сильным минометным и фланкирующим пулеметным огнем, а потом возвратились на свои позиции. Наша артиллерия и минометы бездействовали, да их, по-видимому, на этом участке и не было. До часу ночи они несколько раз поднимались в атаку, но каждый раз с потерями откатывались к прибрежным позициям. Нас было слишком мало, чтобы сбить немцев с их позиций и сбросить в море.

¹ Моряцкое восклицание, означающее «Берегись, падает сверху!» или просто «Берегись!».

В 1.00 ночи 17 сентября полковник Ключников (заместитель командира 3-й стрелковой бригады) передал приказ: приготовить дамбу к взрыву и в 2.30 начать отход на Эзель.

В это время с острова Муху по шоссе на большой скорости выскочил бронеавтомобиль. Ведя огонь с пулеметов по немецким и нашим позициям, он на большой скорости устремился на дамбу. Это было похоже на авантюру или самоубийство, лезть в лобовую на наши позиции. Наши от входа на дамбу отскочили в стороны, бронеавтомобиль подскочил к въезду на дамбу и остановился, беспорядочно ведя пулеметный огонь в обе стороны. Когда огонь был прекращен, к нашей группе, лежащей ближе к дамбе, подполз капитан, руководивший обороной дамбы, и вызвал желающих подорвать броневик. Вызвались сразу три ближайших краснофлотца. Когда они были уже на расстоянии броска гранаты от броневика, вблизи разорвалась немецкая мина, и при ее взрыве моряки увидели на броневику звезду.

Тогда они начали вызывать экипаж. Услышав голоса своих, из люка вышли израненные танкисты. Оказывается, они еще два дня назад были обстреляны немецким самолетом, который повредил их машину. Незамеченные немцами, они в лесу отремонтировали ее и, не зная обстановки, ринулись ночью на дамбу, проскочили немецкие линии и, получив много пулевых пробоин, остановились у дамбы.

Этот случай показывает, что немцы были самонадеянно беспечны и не имели тылового охранения. Их можно было при умении выбить с позиций и сбросить в море.

В 2.30 начался отход на Эзель. Краснофлотцы Малофеева отходили одними из последних и подобрали на дамбе несколько кем-то брошенных станковых пулеметов без замков. На рассвете все части отошли на Эзель и залегли на подготовленных прибрежных позициях. Дамба была в трех местах взорвана. Отряд Малофеева занял позиции на берегу около местечка Ориссари. Утром Малофеева и других прорвавшихся командиров вызвал в Орисса-

ри полковник Ключников и полковой комиссар Вайсман. Поблагодарив за прорыв, всем командирам заполнили наградные листы (на Коробца, Лебедева, Закржевского, Малофеева). В 1959 году Малофеев узнал, что ему тогда присвоили звание старшего лейтенанта.

На Муху краснофлотцы Малофеева вытащили из болота выпрыгнувшего на парашюте из нашего подбитого истребителя летчика младшего лейтенанта П. Ф. Гузова, таранившего немецкий бомбардировщик. За его спасение были представлены к награде и его спасители (Красношлыков). Пехотный батальон и личный состав встреченной Малофеевым около села Муху полевой батареи на Эзель не прорвались. Видимо, они были обнаружены раньше, чем подошли к дамбе, и разбиты немцами. Отряд Малофеева передислоцировали севернее Ориссари на участок, занимаемый катерниками (ОВРК¹, МО, БК) под командованием капитана III ранга Свирского. Здесь были заранее отрыты в полный профиль окопы, противотанковые надолбы, установлены пулеметы. Почему-то немцы со стороны Моона (Муху) бездействовали до 9.00 утра.

В 9.00 появились немецкие самолеты и с Муху открыли артиллерийский и минометный огонь. С эстонского берега открыла огонь дальнобойная артиллерия. По телефону передали, что утром немцы пытались по дамбе прорваться на Эзель, но были отбиты. И только здесь, у Ориссари, Малофеев узнал, что вблизи пристани Куйвасто был убит подполковник Охтинский. В нескольких пунктах немцы пытались высадиться на Эзель. Везде шли бои по отражению десантов.

Скоро связь с Ориссари и соседями была прервана. Свирский посылал связистов наладить связь с Ориссари, но они обратно не возвращались и связь по-прежнему бездействовала. Появилось много убитых и раненых. Окопы разрушались под воздействием минометного огня и авиабомб. К вечеру огонь прекратился, а само-

¹ Один из видов противолодочных катеров.

леты начали бомбить шоссейную дорогу на Курессааре в нашем тылу. Свирский с тремя краснофлотцами отправился в Ориссари в штаб обороны (на командный пункт) узнать обстановку. Малофеев остался на участке старшим. Связи с соседями по-прежнему не было. Малофеев решил осмотреть свои окопы и двинулся по ним на северный участок. Вдруг страшной силы взрыв взметнул перед ним высокий столб огня и земли, обрушившейся на него. Последнее, что он увидел, — это ряд таких же огненных столбов по побережью и бежавших к нему моряков.

Потом он как будто полетел в пропасть и потерял сознание. Очнулся ночью и сразу не мог понять, где он. Сначала ему показалось, что он находится на корабле на подвесной койке и его покачивает на волнах. Окончательно придя в себя, он понял, что двое его несут на самодельных носилках. «Где я?» — вскрикнул он, но своего голоса не узнал. Носилки остановились и были опущены на землю. Над ним склонилось несколько голов. На ленточках бескозырок заблестели золотые буквы и звездочки. Значит, у своих. Сильно болела голова и ноги. Во рту соленый привкус крови. Не слышно никаких звуков. Пощупал голову — голова мокрая, но ран никаких нет. Ноги ему ощупать не дали. Кто-то приложил палец к губам — «тихо!». Все время шли болотом, меняясь у носилок. Всего шло шесть человек. Малофеев не слышал никаких звуков. По пути от дамбы, проходя болотами, на одном хуторе в сарае встретили раненого краснофлотца. В сарае стоял трактор. Матрос попросил снайперскую винтовку, сказал, что будет отстреливаться, а утром на тракторе попробует проехать по проселочным дорогам к Курессааре. Винтовку ему дали.

Поставили на сухое носилки, собрались все вместе. Вскоре от группы отделились двое и исчезли в темноте. Когда они вернулись, то взяли носилки и вскоре зашли в дом на каком-то хуторе. При свете Малофеев узнал только одного своего краснофлотца — Красношлыкова из Кубани. У двоих на ленточках было написано «Охрана

водного района КБФ», у остальных — «Военно-Воздушные силы КБФ». Один из матросов имел также нашивки главстаршины.

Над Малофеевым склонились два заплаканных лица. Когда он показал, что хочет пить, ему подали кружку молока. Потом сняли шинель, обмыли лицо и перевязали левую ногу, раненную осколком в колено. Ему стало легче, он даже смог стоять на ногах. В ушах и носу была засохшая кровь. Старшина на клочке бумаги написал: «Тов. лейтенант, Вы ранены взрывом авиабомбы на берегу. Рана пустяковая. Мы подняли Вас в бессознательном состоянии и несем к своим. Ст. Матрончик». Как потом узнал Малофеев, это был старшина 12-й гидроавиаэскадрильи.

Женщины дали им молоко, хлеб, сало. Один из краснофлотцев караулил у ворот. Снова двинулись в путь. Одна из женщин долго провожала, показывала направление и дорогу. Шли на юго-запад. Слева в нескольких местах полыхало зарево. Видимо, горели подожженные хутора. К рассвету вышли на шоссе Куйвасто — Курессааре. Подошли к поселку. В поселке Малофеева уложили на санитарную машину и с ранеными отправили в Курессааре в военно-морской госпиталь. Рана оказалась пустяковой. Врач Леви, осмотрев его, сказал: «Отделались легко. Слух восстановится, а пока что ходите с палочкой». Действительно, уже 19 сентября слух немного восстановился, но появилось заикание при волнении.

Был получен приказ — всем частям отойти на полуостров Церели и там закрепиться. Малофеев выписался из госпиталя и явился в штаб БОБР¹, в крепость. В госпитале где-то затерялась его фуражка, и старшая сестра Лидия Пухова отдала ему свою, старого образца, без кантов. Надю Каленову Кудрявцев сумел эвакуировать в Ленинград на самолете с тяжелоранеными. Малофеев хотел, чтобы туда уехала и Лилли Круль, но она не смогла. Передал ей планшетку с деньгами, облигациями и очень много своих фотографий еще с училища.

¹ Береговая оборона Балтийского района.

В штабе почти никого не было. Через начальника III части Калинина получил приказание генерал-лейтенанта принять командование штабной ротой и подготовиться к эвакуации на Церелли. Ранее ротой командовал Борисов, ставший адъютантом Елисеева. Роту сдал старшина Н. Рязанцев.

В штабе формировались отряды из выздоравливавших и отступивших в Курессааре, которые на автомашинах отправлялись на передовую. Получил отряд и Виктор Михайлов. В госпитале Малофеев встретил выписавшегося с береговой батареи в Кихельконе лейтенанта Матвея Германа, который звал к себе на батарею.

Комендант Курессааре майор Федоров попросил Малофеева о помощи в эвакуации имущества. На следующее утро к штабу были присланы автомашины. Бои шли в 3 км восточнее города. Генерал-лейтенант Елисеев приказал взорвать пристань Рамасар со складами боеприпасов, здание штаба и склады на аэродроме Кагул. В 11.00 почти одновременные взрывы на Рамасаре и Кагуле потрясли здание штаба.

В Курессааре в столовых наших денег уже не брали. В штабной столовой питание отпускали по запискам. Население в большинстве провожало отходившие части с сочувствием, люди говорили, что «при немцах снова будут кушать кошек, как в 1918 году». Но некоторые уговаривали краснофлотцев остаться у них и не отходить. Штабное имущество было увезено. В 16.00 бои уже шли на западной окраине города.

Вечером 19 сентября в штабе Малофеев встретил В. Букоткина. Он был ранен и сидел в каске в коридоре. Букоткина наградили орденом Красной Звезды и присвоили внеочередное звание — старший лейтенант. С его батареи на Кубассари была получена радиogramма открытым текстом: «Со стороны суши к нам подошли танки. Часть орудий выведена из строя. Боеприпасы кончаются. По решению общего собрания батарею по израсходовании боеприпасов взрываем, сами пойдем на прорыв».

«Прощайте, товарищи, отомстите за нас», — это были последние слова героев. Они почти все пали смертью храбрых, нанеся большие потери противнику.

Рано утром 20 сентября с последними частями Малофеев начал отход на полуостров Церелли¹. На главной линии обороны последний раз увидел Букоткина. Он получил одно морское 130-миллиметровое орудие, вывезенное с севера острова, и установил его у дороги. Пушка была поставлена на мысе Рахусте. На перешейке Церелли срочно были подготовлены три оборонительные линии с бетонированными пулеметными гнездами и установлены полевые 76-миллиметровые батареи.

Главной опорой обороны была прославленная батарея 180-миллиметровых орудий капитана Отебея. К этому времени он уже отбил несколько попыток немцев высадить десант и не пропускал Ирбенским проливом в Рижский залив ни одного крупного корабля.

Однажды в штаб БОБР, еще в Курессааре, привели сбитого немецкого летчика. Он имел кресты за Испанию. Немец был одет в гражданское. За что-то его судил наш военный трибунал и приговорил к расстрелу. Перед расстрелом немец попросил показать ему батарею Отебея, на которую он сделал 18 налетов и ни разу ее не обнаружил, так хорошо она была замаскирована.

К сожалению, не все воинские части смогли отойти на полуостров. В северной части острова были отрезаны части 46 стрелкового полка, в Кихелконе гарнизон другой 180-миллиметровой батареи № 317 старшего лейтенанта Д. Османова.

Командир саперного батальона, капитан, сумел вывести только часть своих подчиненных. В образцовом порядке отошла батарея 76-миллиметровых полевых орудий лейтенанта Анатолия Слепокурова, 512-я зенитная батарея старшего лейтенанта Казакова (до этого раненого). Начальник артиллерии 46-го стрелкового полка капитан Говорков также вывез не всю артиллерию. На полуостро-

¹ Мыс Церель на юге острова Эзель.

ве было очень много автомашин. На Церелли штабной взвод был расформирован (т. е. влился в части, оборонявшие первую линию), и Харламов по просьбе Малофеева отправил его в распоряжение начальника ПВО капитана Филиппенко, а тот — на батарею Казакова, стоявшую ранее на прикрытии 180-миллиметровой батареи № 317 на мысе Кихельконе. Харламов приказал с батареи выделить два орудия для борьбы с наземным противником на передовой. Принявший командование батареей младший лейтенант Мартьянов (Казаков был отправлен в госпиталь) направил туда лейтенантов Малофеева и Чепракова, который был выпущен из училища вместе с Малофеевым. Затем Чепраков был выделен со своей батареей и с батареей 45-миллиметровых орудий и отправлен для прикрытия Триги. Оттуда после высадки немцев он прорвался на автомашинах и вернулся на батарею к Казакову.

Вскоре на батарею из переполненного госпиталя вернулись раненые Казаков и Белоусов, но по состоянию здоровья командовать они не могли и давали только свои советы. Малофеев установил свое орудие на заранее приготовленной для полевого орудия позиции и вел интенсивный огонь по позициям немцев. Отражал атаки танков.

На передовой был кошмар. Весь район обороны находился под перекрестным огнем артиллерии, минометов, пулеметов. К тому же у нас не было ни одного самолета, в то время как немецкие самолеты с рассвета и до сумерек висели над головами, бомбили, обстреливали. На полуострове скопилось до 5000 раненых, которых никуда не эвакуировали. Здоровых было меньше. По кораблям противника метко вел огонь Стебель. Когда наша оборона немного стабилизировалась, батарея Казакова была снова собрана в одно место — напротив пристани Тамуна, где базировались торпедные катера. Рядом был пост СНИС¹ батареи Стебеля на западном берегу. Рядом — пристань Тамуна, еще севернее — поселок Тамуна.

¹ Пост средств наблюдения и связи.

28 сентября наш счетверенный пулемет сбил Мс-110¹, грохнувшийся в 200 м от батареи. Пулеметной очередью у него был срезан передний фонарь (кабина), и он упал на позицию батареи. В двухместном самолете был только один летчик (с крестом за 1936 год, по-видимому, за Испанию). Когда Малофеев подбежал к самолету, то увидел, что от летчика осталось одно месиво, перемешавшееся с окровавленными стропами парашюта. Малофеев искал пистолет, но его не было, только ракетница. На память взял ложку с вилкой. Карманные часы в брюках еще шли. Авторучка деформировалась. Прожектированный бензобак треснул сверху, в нем было больше половины бензина, но он не загорелся. Подобрал топографическую карту Эзеля с пометками.

27 сентября немецкие корабли на рассвете подошли к полуострову с западной стороны и открыли по нему огонь. Малофеев поднялся на наблюдательную вышку и на горизонте увидел немецкую эскадру из 3 крейсеров и 9 эсминцев, еще дальше виднелись транспорты, видимо с десантом.

На огонь немцев отвечала батарея Стебеля. В это же время из Ташуны вышли 4 торпедных катера Богданова и устремились в атаку. Вскоре под крейсером типа «Кельн» взметнулся черный столб дыма и закрыл собой весь корабль. Когда через 2–3 минуты дым немного рассеялся, корабля не было видно. Удачное попадание снаряда. На некоторых кораблях вспыхнули пожары. Корабли начали маневрировать. Почти одновременно взорвались два эсминца типа «Ягуар», ставшие добычей то ли наших торпедных катеров, то ли снарядов капитана Стебеля. Немцы поставили огневую завесу, но все же торпедные катера вышла на дистанцию торпедирования. На обратном курсе один торпедный катер был подбит. Другой сделал дымовую завесу, и катера подобрали экипаж погибшего. Когда дымовая завеса рассеялась, Малофеев увидел отходившую эскадру. На некоторых кораблях продолжались

¹ Имеется в виду истребитель «Мессершмит-110».

пожары. В 3–4 милях барахтались немецкие матросы с погибших кораблей. Еще один эсминец затонул, отойдя от Эзеля. Налетевшие в это время немецкие самолеты почему-то открыли пулеметный огонь по своим матросам, добравшимся вплавь к берегу.

В этот день (27 сентября) немцы особенно свирепствовали. Маленький полуостров насквозь простреливала артиллерия, а в воздухе все время висели самолеты. О масштабах налетов авиации в этот день можно судить хотя бы по тому, что только над полуостровом было сбито 18 самолетов (это видно из приказа БОБРа).

По ночам прилетали МБР¹ и привозили на одном самолете табак и один комплект боеприпасов к батарее Стебеля. Продуктов у защитников полуострова было в изобилии. Тяжелораненых еще с Курессааре увозили на самолетах в Ленинград и освобожденный Тихвин. Начальником связи острова был майор Спица. Из окруженного Ленинграда специально для защитников Моонзунда были организованы радиопередачи. Сравнивали их с защитниками острова Крит, где немцы небольшими силами сломили сопротивление значительно больших сил греков и экспедиционного корпуса англичан. А защитники Эзеля с меньшими силами более 20 дней сражались с двумя мотомеханизированными дивизиями немцев. (К моменту вторжения немцев на Эзеле было меньше бригады, а на Церелли отошла только часть гарнизона.)

Над островом Моон Малофеев наблюдал, как два Мс-110 атаковали наш МБР-2. МБР-2 сбил одного Мс-110 и скрылся в облаках.

На Церелли проявил себя и младший лейтенант Харченко, сбитый немецкими самолетами еще до высадки на Мооне. К сожалению, на Церелли боевой авиации не было, она ушла на защиту Ленинграда, и аэродромов полевых не было. Еще около дамбы в одной из наших контратак была захвачена автомашина немцев, у одного

¹ МБР-2 (морской ближний разведчик) — летающая подка (гидросамолет), одномоторный моноплан с толкающим винтом.

из них были документы начальника связи 46-го стрелкового полка Хайкина.

Боеприпасы защитников полуострова были на исходе, а пополнить запас было неоткуда.

Весь полуостров покрыт густым лесом, скрывавшим бойцов с воздуха, но над Церелли день и ночь взрывались сотни авиабомб, снарядов и мин. При таком скоплении живой силы и техники большинство из них попадало в цель. Лес был изуродован, а земля — в язвах воронок.

3 октября сражение за полуостров достигло своего кульминационного момента. Над нашими позициями появилась масса немецких самолетов. Гитлер решил подавить сопротивление, несмотря ни на какие потери. В бой за полуостров немцы бросили много танков, артиллерии, пехоты. Против них защитники выставили свое мужество и злость к врагу. Никаких признаков обреченности. Моряки, зная, что за их спиной осталась лишь узкая полоса суши, а за ней море, сражались хладнокровно и мужественно.

Даже приказы об отступлении для переформирования иногда не выполнялись. Нередко сухопутные командиры, пытавшиеся увести свое подразделение в укрытие, сталкивались с фактами открытого неповиновения, так как почему-то моряки признавали приказы только морских командиров, а те из-за незнания основ сухопутного боя иногда отдавали нелепые приказы, что приводило к большим потерям в рядах защитников. Иногда в яростной злобе к ненавистному врагу под ураганным огнем немцев моряки поднимались в контратаку в одних тельняшках без касок, говоря: «Наши отцы и деды сражались в тельняшках и бескозырках». На Церелли мы впервые в Европе приучили немцев зарываться в землю, хотя сами этому не научились.

3 октября генерал-лейтенант береговой службы Елисеев назначил вместо себя полковника Ключникова и ушел на торпедных катерах на о. Даго, пренебрегши старыми традициями русского флота — капитан уходит последним.

Это внесло некоторую неуверенность в рядах защитников Церелли. («Крысы уходят с тонущего корабля».)

Люди, бросившие других в беде (Елисеев, Зайцев, Копнов), способны уверять других и, что особенно важно, искренне верить в необходимость и целесообразность такого поступка, оправдывая его попыткой позвать на помощь («пришлем катера»), бессмысленностью своей возможной гибели, необходимостью сохранить себя для более важного дела (продолжения борьбы с немцами на Даго) и т. д. («мол, нам дан приказ»).

К вечеру немцы заняли две оборонительные линии. По словам начальника радиостанции маяка Церелли лейтенанта Евгения Глухова (мужа врача Каленовой), вечером 3 октября Елисеев с о. Даго передал радиограмму под грифом «сов. секретно», в которой предлагал всему командному составу собраться в ночь на 4 октября для эвакуации у маяка Церелли, куда подойдут катера с о. Даго.

В связи с этим у маяка собралось большое число командиров. Линия обороны была ослаблена. Интересно отметить, что когда шли бои за Таллин, Ворошилов предлагал эвакуировать гарнизон Моонзунда в Кронштадт. Елисеев ответил, что немцы придут на острова только через его труп. Но теперь он ушел. Предлагал уйти с ним и капитану Стебелю, который сказал, что родился среди матросов, среди них и умрет. Стебель стрелял по врагу бронебойными снарядами, а когда вышли и они, зарядил орудие своей фуражкой и выстрелил. После этого батарея была взорвана, бумажные деньги сожжены, а мелочь выброшена в море.

Немцами была прорвана последняя линия обороны и уже 4–5 и 6 октября происходили бои с изолированными отдельными группами защитников Моонзунда. Началось «бегство в море». В море уходили на всем том, что могло удержать на воде человека: рыбацких и надувных саперных лодках, наскоро сколоченных плотках, автокамерах. Еще 4 октября полковник Ключников сдал командование капитану Яцуку и исчез. 4 октября, перед вечером, капи-

тан Ковтун собрал группу моряков, под бушлатами они навесили гранаты, прицепили на штыки пропуска (с немецких листовок), подняли белую простыню и строем двинулись к немцам. Наши и немцы прекратили огонь. Навстречу группе поднялись несколько офицеров. Группа подошла, развернулась фронтом к немцам и бросила к их ногам винтовки и белую простыню. Солдаты повылезали из окопов и окружили моряков. Тут по знаку Ковтуна в немцев полетели гранаты. Немцы растерялись, шарахнулись в стороны, а моряки, подобрав свои винтовки, рванули в лес.

В это же время на автомашине проскочила в тыл немцев другая группа моряков. Судьба обеих групп неизвестна.

На шхуне «Мери» ушли на Ханко начальник ОВР¹ острова Моон капитан III ранга Свирский и комиссар Вайсман. Начальник артиллерии Эзеля капитан Харламов ушел на катере на Даго, но в море где-то подорвался на минах. На Церелли начали жечь автомашины и имущество, чтобы оно не досталось врагу.

Вечером 5 октября Малофеев с Чепраковым пробрались к берегу около с. Тамуна. Там встретили политрука П. М. Жукова (с батареи Казакова) и краснофлотца Романова, моториста катера с батареи Стебеля. Чепраков и Жуков были в краснофлотских шинелях без каких-либо знаков различия, а Малофеев был одет в свою форму. У Романова было с собой два одеяла и моток легкого провода, у Чепракова — артбуссоль², а у Малофеева — только японская винтовка «орисана» с плоским штыком и морская карта.

На берегу они нашли полузатонувшую рыбацкую лодку, несколько досок и с этим имуществом, вычерпав из лодки воду, ушли в море. Сначала гребли досками. С полуострова из района маяка слышались автоматные очереди последних защитников Церелли. Западнее полуостро-

¹ Начальник охраны водного района.

² Прибор для управления огнем артиллерии. Служит для целеуказания, изучения местности и целей топографической привязки огневых позиций и наблюдательных пунктов.

ва на месте последнего морского боя стояла немецкая эскадра, по-видимому, дожидавшаяся утра, чтобы подойти к берегу.

В темноте они незаметно прошли между немецкими кораблями. Лодка давала течь. Один греб, другой правил, третий вычерпывал воду, четвертый отдыхал.

На море был полнейший штиль, как часто бывало в эту пору. Море как будто было в трауре из-за разыгравшейся здесь трагедии. Миновав эскадру, начали мастерить штыком весла, из жерди сделали мачту. Для такелажной оснастки использовали провода, с помощью которых из двух одеял пошили квадратный парус.

Часа через 2–3 Малофеев вышел из строя. По-видимому, в госпитале он сильно ослаб. Его парализовало — не действовали ни руки, ни ноги. Никогда раньше с ним такого не было.

На рассвете ему стало еще хуже, и он, чувствуя себя на полузатонувшей лодке балластом, стал просить Чепракова пристрелить его, выбросить за борт, тем самым дав возможность остальным увеличить скорость лодки. Чепраков обругал его за малодушие и заверил, что все пройдет. У Малофеева в кармане шинели лежал трофейный «парабеллум». Владея одними пальцами рук, он в такт качки стал просовывать руку к карману. Заметив эти движения, Чепраков отобрал у него пистолет и обругал.

Медленно под парусом они двигались на запад. На горизонте не было ни единого пятнышка, только волны мерно катились на юго-восток. На вторые сутки, 7 октября, ветер посвежел, и лодка поплыла быстрее. Ветер все крепчал, и во второй половине дня двигаться под парусом стало невозможно. Лодка, накренившись, черпала носом воду. Спустили парус и стали против волны. Их стало сносить к берегам Латвии. Ветром срывало гребни волн, и на них несся дождь брызг. Одни в безбрежном море!

Малофеев к этому времени совсем оправился и даже мог сидеть за рулем. Помощи ждать было неоткуда. Бе-

глецы были предоставлены самим себе и волнам. Все промокли. Непрерывно вычерпывали воду и держали лодку в разрез волны. На закате они увидели далекие берега Латвии. Теперь стали противоборствовать волнам, чтобы как можно дольше продержаться в море и к берегу пристать в темноте. В стороне от них на малой высоте прошел немецкий самолет. Бросились на дно лодки и без движения пролежали, пока не стих шум мотора.

Так как все их внимание было сосредоточено на берегу, они неожиданно для себя обнаружили приближавшиеся со стороны моря два корабля. Жуков, взяв артбуссоль, увидел в трубу красные флаги на кораблях, радостно вскрикнул: «Братцы, мы спасены! Красные флаги! Корабли наши».

Малофеев и Черпаков побледнели и вопросительно уставились друг на друга. Красные флаги на мачтах боевых кораблей в море могли быть только с омерзительной белой паучьей свастикой. Политрук это понял по выражениям лиц Чепракова и Малофеева, которые ощупывали пистолеты и гранаты. «Неужели фашисты?» — спросил он. Получив утвердительный ответ Чепракова, он выхватил пистолет, вскрикнул: «Прощайте, товарищи!» — приставил его к виску, выстрелил и свалился мертвым на дно лодки. Его примеру хотели последовать и Малофеев с Чепраковым и уже взяли в руки пистолеты. На них с выражением ужаса смотрел Романов и затем сказал: «Неужели конец? Не верится, что нас сразу убьют, а раз не убьют, можно ведь и убежать!»

Малофеев и Чепраков опустили пистолеты. Что делать? Корабли приближались, заметив беглецов. Воду со дна лодки никто теперь не вычерпывал, и она медленно наполнялась водой. «Что же теперь предпринять?» — спросил Черпаков. В ответ на это на вражеских кораблях забегала прислуга у орудий. Над их головами просвистела пулеметная очередь. Инстинктивно прилегли. Вода прибывала. Корабли были совсем рядом.

«А что если бросить связки гранат на палубу?» — мелькнула мысль у Малофеева и погасла. Булавочный укол.

Романов выбросил свою винтовку и противогазную сумку с гранатами за борт. Это вывело из оцепенения и Малофеева с Чепраковым. За борт полетели пистолеты, винтовки, гранаты, личные документы. Малофеев с сожалением посмотрел на свои четыре гранаты, вложил их в противогазную сумку, туда же вложил комсомольский билет, привязал ее к японской винтовке и выбросил.

Лодка до половины была заполнена водой, совсем красной от сочившейся из виска Жукова крови. Все трое, став безоружными, как бы оцепенели после первого возбуждения. Что будет с ними?

В плену. Лагерь Саласпилс

Один из кораблей впритирку подошел к лодке. Бросил веревочный трап, и одновременно в лодку спрыгнул немецкий матрос и завязал конец прямо на переднюю банку. Потом матрос грубо толкнул Малофеева и показал на трап — мол, поднимайся. Довоевались!

Чепраков первый понял его жест и медленно полез по трапу. За ним последовали Малофеев и Романов. Малофеев с тоской посмотрел в сторону моря, как будто инстинктивно ожидая оттуда помощи. В лодку спустился еще один немец, они взяли тело политрука, подняли на палубу и, засунув его в мешок из парусины, положили на корме корабля.

Лодка, почти полностью заполненная водой, осталась за кормой.

На палубе всех троих тщательно обыскали и забрали содержимое их карманов. Вокруг собрались свободные от вахты матросы. С пленников стекала кровавая вода. После обыска Романова и Чепракова увели вниз в трюм, а Малофеева, бывшего в командирской форме, поставили у ходового мостика, выставив около него часового. Море по-прежнему бушевало.

Безразличный ко всему окружающему, Малофеев начал постепенно осознавать случившееся. Он делал для борьбы с немцами все, что мог, но ведь в плен он не имел никакого права сдаваться. Изменник? А в 20 лет так хотелось жить, бороться.

Палубу обдавало брызгами налетающих волн. Теперь Малофеев почувствовал страшный холод, усталость, голод и страх перед неизвестным будущим. От слабости подкашивались ноги.

Показать свою слабость противнику? Никогда! И Малофеев крепился. «Нет. Долой слабость. Мы еще будем драться с ними», — смотря на продрогшего немца, схватившегося за леерные стойки, думал Малофеев. Корабль шел на восток у побережья Латвии.

Вечером пришвартовались у маленькой пристани Дундага, и всех троих сдали солдатам береговой охраны. Снесли и тело политрука, которого у пристани и похоронили. Пленных завели в отдельный домик, в котором было уже человек 12–15 краснофлотцев и красноармейцев, пойманных на латвийском побережье. Здесь были краснофлотцы из батареи Стебеля, которые высадились вместе со своим командиром на берег, но сразу же были обнаружены и обстреляны. Комиссар дал очередь из автомата по своим и застрелился (Беляков).

Утром 8 октября принесли чечевичной похлебки и наших трофейных сухарей. Потом принесли отобранные документы и начали раздавать. Малофеев, который лучше всех знал немецкий, передавал документы владельцам. Немцы спрашивали назначение документов. Здесь были водительские права, осоавиахимовские билеты и др. гражданские удостоверения. Малофееву и Чепракову вернули документы об окончании Морского училища.

И вдруг немец показывает комсомольский билет. «Was ist das?» — спрашивают Малофеева. «Das ist Ausweise dur Autofahrer», — переводит Малофеев. «Почему не похож на предыдущий?» — спрашивают. Малофеев поясняет, что то были права на вождение грузовых автомашин, а это — легковых (он и сам не знал о существовании прав III, II и

I классов). Немец подал билет, и Малофеев оставил его у себя. Когда немцы ушли, Малофеев посмотрел его. Это был комсомольский билет Чепракова, он его в спешке не выбросил в море. Потом вместе с Чепраковым они порвали билет на мелкие части и бросили под пол в щель.

Пленных повели берегом на восток. Через каждый километр на берегу были установлены пулеметные гнезда. Береговых батарей не встречали. Передавали их от поста к посту. Только один немец все время следовал с ними. По пути все время спрашивали о Малофееве, не комиссар ли он, показывая на золотые звездочки знаков различия на рукавах. «Er ist Admiral»¹, — отвечали моряки. «Du bist forrigt»², — говорили немцы. Тогда один из моряков, каким-то образом сохранивший перочинный ножик, предложил Малофееву спороть звездочки, что и было сделано.

Вели их километров 12–15. В какой-то рыбацкой деревушке посадили в грузовую автомашину, приказав сесть на пол кузова и не подниматься. В кузове встали два автоматчика. Куда-то выехали, сзади ехала легковая машина с направленным в их сторону станковым пулеметом и освещавшими их фарами.

Пленники ожидали, что где-нибудь в лесу их расстреляют. Но их привезли в Виндаву и высадили около железнодорожного депо, заперев в каком-то большом помещении. Здесь было много пленных советских солдат и матросов, защитников Эзеля, подобранных в море или высадившихся на латвийском побережье. Здесь же Малофеев встретил военфельдшера Закржевского Бориса, начальника санслужбы батареи, в которой они вместе служили на Мооне.

Здание тщательно охранялось немцами и айсаргами (латвийскими фашистами). Возможностей для побега не было никаких. Утром их погрузили в полувагоны и под охраной айсаргов повезли в Ригу. Перед погрузкой снова

¹ «Он адмирал».

² Надо: «Du bist verrückt» — «Ты с ума сошел».

произвели обыск, и толстый латыш объявил, что их повезут в лагерь, где военнопленные работают и их хорошо кормят. Конечно, никакого понятия о немецких лагерях они не имели. Настроение у всех было подавленное. В первые дни плена все были так ошеломлены, что потеряли всякую силу воли, стали ко всему безучастны. Будущее так угнетало и пугало, что среди пленных не было почти никаких разговоров.

В Риге остановились. В каждый полувагон немцы бросили по несколько буханок хлеба. Хлеб был с опилками, такой твердый, что, несмотря на голод, его не ели, а иногда выбрасывали. Рижане бросали пленным хлеб. Многие пленные были в одних тельняшках и сильно мерзли. Моряки делились обмундированием, которое у них было. Вечером 12 октября эшелон остановился на маленькой станции Саласпилс, в 18 км к востоку от Риги. Пленников высадили из вагонов, вывели за станцию и плотно окружили большой группой немецких солдат. Через полчаса привели к каким-то кирпичным казармам и остановили на поляне около рощи.

Взорам пленных предстала картина, многих приведшая в ужас. Маленькая роща в метрах 300 перед казармами была ограждена густой колючей проволокой. За ограждением под открытым небом помещалось несколько тысяч пленных бойцов и командиров. Чтобы хоть как-нибудь укрыться от осенней непогоды, люди руками, ложками, котелками, кто чем мог, выгребали себе в корневищах деревьев норы. В таких норах помещалось по 2–3 человека. Сверху кое-где были натянуты плащ-палатки, тряпье, а некоторые норы ничем не были укрыты, виднелся только вход в них.

Деревья в роще на высоту человеческого роста были ободраны, словно железными зубами, до половины своей толщины. Щепки для костров отдирались гвоздями, железками, камнями. Люди еле передвигали ноги. Часть из них плотной толпой выстроились перед проволокой, глядя на вновь прибывших. Все грязные, оборванные, с глубоко запавшими глазами, истощенные до невероят-

ности. Это были не люди, а живые скелеты, мумии с туго натянутой кожей, с натянутыми на череп распущенными пилотками и обгоревшими шинелями. Ни возраст, ни род войск определить было невозможно. Никаких знаков различия, все заросшие, как дикари.

Наверное, чтобы убить моряков морально (мол, вас ждет такая же судьба), их выстроили перед этим лагерем и начали раздевать и обыскивать. Впервые после их пленения немцы пустили в ход резиновые палки. Со стороны станции подъехало несколько легковых автомашин, и из них вылезла группа немецких офицеров и штатских. Один толстый штатский подошел к пленным и громко позвал: «Евгений Курц — выходи!» Из рядов вышел высокого роста моряк, с глубоким шрамом на щеке, с неприятным взглядом. Малофеев видел его впервые. Курц смело подошел к толстяку, поздоровался за руку, и они пошли, беседуя, к группе офицеров.

Через некоторое время из группы отделился длинный тощий полковник и, подойдя к колонне, вдруг дико завопил: «Чистяков, Калинин, шнель раус, выходи!» — и указал пальцем на высокого штатского, стоявшего среди моряков. Из строя вышел мужчина лет 35–40, богатырского телосложения и другой, среднего роста, в морской офицерской форме без знаков различия.

Полковник подскочил к богатырю, неистово закричал: «Комиссар, чекист!» — и со всей силы ударил резиновой палкой по голове. Стоявший рядом здоровенный матрос рванулся из строя. Его удержали товарищи: «Коля, спокойствие. Мы еще им отомстим!» Здоровый матрос заскрежетал зубами: «Старый гад, что он делает?» «Кто это?» — спросил Малофеев матроса.

«Наш особоуполномоченный Иван Петрович Чистяков. Это настоящий человек», — ответил тот. Матрос был с батареи Стебеля. Полковник, неистово избивая Чистякова и Калинина, повел их к группе офицеров. Избиваемые, закрывая от ударов головы руками, не проронили ни звука. Вскоре их отвели в барак.

Позже они какими-то путями узнали, что Курца встретил его родной дядя из Риги. Курц был заброшен на Эзель немцами как матрос с поста СНТС в Либаве. Среди нас были либавцы из СНИС, но его не знали. Однако на Эзеле на это не обратили внимания. Чем он там занимался, неизвестно, особый отдел в конце концов его разыскал и разоблачил, но он сумел скрыться.

Старший лейтенант Пожарный (из связи) рассказывал, что Курц на пристани Менту на Церелли поднял панику стрельбой из автомата, когда немцы были еще далеко, был задержан, но отпущен.

В конце октября сержант с 510-й зенитной батареи А. Н. Буслаев рассказывал, что он видел Чистякова в одном белье, конвоируемого немцами к месту расстрелов в лесном лагере.

Затем немцы принялись за остальных. Всех раздевали и тщательно прощупывали обмундирование, а пленные стояли голые на осеннем холодном ветру. Заглядывали в рот, в волосы. Все забирали.

Из-за проволоки пленные спрашивали у вновь прибывших новости. «Как Москва, как Ленинград? Немцы говорят, что Ленинград они взяли, а в Москве идут уличные бои. Красная армия полностью разгромлена, и ее остатки бегут на Урал». Моряки им рассказывали о боях за Таллин, Эзель, о том, что немцы под Ленинградом задержаны и что обороной его руководят т. Ворошилов и Жданов, что обороной Москвы руководит сам т. Сталин, в бой вступают свежие силы из Сибири и с Дальнего Востока и наступление немцев везде приостановлено.

«Ну, а как здесь?» — спрашивали моряки.

«Э, братишки. Сами видите, наша песенка спета. Все здесь погибнем. Вот у нас каждый день выносят человек 70 вон туда!» — сгорбленный бородач показал на траншею по другую сторону леска.

«Бежать надо, папаша! Немцев здесь мало, а нас и лесов вокруг много!» — сказал какой-то бойкий морячок. «Какой я папаша! Я с 1918 года, наверное, моложе тебя.

Куда ты побежишь? Вон сколько ее накрутили вокруг. Нет, мы уже отвоевались», — махнул безнадежно молодой старик.

«Я под Выборгом не такие заграждения проползал. С Эзеля по воде не уйдешь, а здесь как-нибудь приспособимся к суше и ускользнем!» — сказал другой моряк. Эти переговоры привели в оживление весь лагерь. Немцы им не мешали. Обыск окончился, и пленных построили около проволоки. Съестное у них не отобрали, и вскоре за проволоку полетели хлеб, консервы, флотский шоколад. По ту сторону проволоки сразу же набрасывались на эти маленькие подаяния. В лагере начались свалка и драки.

Немцы, до этого не обращавшие внимания на переговоры, дали несколько автоматных очередей прямо в гущу дравшихся людей. Послышались дикие крики раненых. Были убитые. Тогда пленный полковник предложил ничего не бросать через проволоку, а сложить на плащ-палатку и передать через ворота, что и было сделано.

При обыске немцы за что-то избили Закржевского. В их группе был матрос с эсминца Виктор Смолин, военинженер III ранга Коган, лейтенант Казаков. Как только закончили обыск, всех выстроили и отвели в бараки, огороженные колючей проволокой на берегу Двины, в них до войны находилась какая-то воинская часть. Бараки не были утеплены.

В лагере их выстроили, и к ним подошли человек 30—40 полицейских (с зелеными повязками на рукавах и резиновыми палками) из военнопленных. Большинство из них были казаками с казахом же во главе — толстым усатым Разумановым.

Около немецкого переводчика стоял высокий сидящий мужчина в командирской форме без петлиц. Переводчик подошел к строю и произнес речь примерно такого содержания: «Господа русские военнопленные! Вы должны быть счастливы, что для вас война окончена, и вы находитесь на освобожденной великой Германией территории. Здесь вам будет предоставлена работа, хорошее обращение и питание, но не сейчас, а немного позже.

Через 2–3 недели война закончится, а пока что вы будете отдыхать в этом лагере. Только ведите себя хорошо. Чем лучше вы будете себя вести, тем скорее вас отпустят по домам. В первую очередь отпустим украинцев, так как вся украинская земля освобождена армией фюрера. Скоро будет освобождена вся Россия. Наша армия ведет бои на улицах Москвы и Ленинграда. Через 2–3 недели война закончится, и вы возвратитесь к своим семьям, мирному труду. В лагере вы должны строго соблюдать лагерные порядки. Мы любим дисциплину.

За порядком следить будут вот эти ваши ребята (тут он указал на строй полицейских). Вы должны им беспрекословно подчиняться. А это ваш высший начальник — господин полковник Карамзин и его помощник — господин старший лейтенант Разуманов (указал на высокого сидящего мужчину в командирской форме и на усатого казаха во главе полиции). Прошу их слушать. Они на службе у германского командования и исполняют нашу волю. За непослушание вы будете строго наказаны. За подход к проволоке — расстрел без предупреждения. За попытку и подстрекательство к бегству — расстрел. За оскорбление немецких чинов и русской администрации — расстрел».

«Расстрел». «Расстрел». «Все!» Карамзин и Разуманов бесстрастно рассматривали пленных, те с презрением рассматривали их, так быстро продавшихся нашим врагам. Переводчик обратился к Карамзину: «Господин полковник, разместите этих людей по баракам». Немцы ушли, а Карамзин начал объяснять лагерные правила. Потом вызвал командный состав и направил их в офицерский барак. Отдельно разместили моряков и красноармейцев.

Карамзин сообщил, что под его руководством находятся оба лагеря — в казармах и в лесу. В лагере содержатся около 10 000 человек.

Офицерский барак представлял собой кирпичное здание без потолка с деревянной крышей. В нем уже находи-

лось человек 300–400, таких же истощенных, как и в лесном лагере. Спали на полу и многоэтажных (через 60 см) нарах. Здесь даже повернуться как следует было нельзя. Командный состав был измучен, потерял всякий интерес ко всему. Только немногие держались опрятно и с достоинством.

Как только мы вошли в барак, его жильцы, увидев крепких здоровых ребят, окружили их с расспросами о том, что происходит на фронтах. Пришлось повториться. Большинство потеряли веру в победу. Они были ошеломлены внезапным нападением гитлеровской Германии и быстрым продвижением ее войск на восток. Они были взяты в плен в первые дни войны.

Вскоре всех выстроили в колонну по пять человек. Малофеев получил первое «крещение»: два немца зашли в барак и громко закричали: «Alle raus»¹. Все устремились к выходу, а у входа стоял третий солдат и бил проходивших резиновой палкой. В бараке таким же образом пленные избивались двумя солдатами. Малофееву достался сильный удар немца, стоявшего у двери. Это было его первое личное знакомство с новым германским порядком в новой Европе. Малофеев вспыхнул от боли, гнева и стыда и приостановился, но напиравшие сзади вытолкали его наружу.

В других бараках, с таким же рвением выгоняя пленных на ужин, «работали» совместно немцы и полицаи. Их построили перед бараками. В ведрах принесли какой-то суп, одно ведро на 20 человек. Разливали ложкой в ту посуду, какая у кого имелась. Здесь были и солдатские котелки, и каски, и чашки, и ржавые консервные банки. Разливали старшие двадцаток, а стоявшие в строю наблюдали, и каждый после получения пайки жаловался, что в его посуде худшее содержимое, чем в посуде соседа. Слышалась брань, а иногда начинались и драки. Наконец, суп был разлит, и пленным было разрешено подойти и взять свою

¹ «Все на выход» (нем.).

посуду. Некоторые здесь же жадно прикладывались губами к своей посудине и выпивали содержимое, потом ложками бережно выгребали то, что могло остаться на дне. Другие осторожно несли свою порцию в барак и там медленно, будто священнодействуя, ели, растягивая трапезу. У Малофеева не было никакой посуды, и один из «старых» пленных, лейтенант-пехотинец Берлизов, дал ему консервную банку.

Малофеев взял ее одним из последних. В банке была какая-то дурно пахнувшая жидкость. Взяв трофейную ложку со сбитого немецкого самолета, он попробовал содержимое банки. Это был отвратительный суп из нечищенной грязной картошки вместе с соломой и брюквой. Он был очень голоден, но не так истощен, как его товарищи по несчастью, и отдал суп товарищам. После ужина все разошлись по баракам.

Малофеев с группой морских офицеров — Глуховым, Пожарным, Черпаковым, К. Копаном, Медведовским, морскими летчиками Голубем, Коровиным, Виноградовым, военфельдшерами Закржевским и М. Васильевым и другими — ушли в барак, выделенный для матросов. Там поддерживался относительный порядок, и было значительно чище, чем в смешанном офицерском бараке. Там они остались ночевать. Они заняли угол, предоставленный им моряками.

Начались мучительные дни жизни в плену.

Уже на следующий день Малофеев стал есть и эрзац-хлеб с деревянными опилками, и суп, который вряд ли ели бы даже свиньи. А со временем он, как и все другие, считал за счастье, если ему каким-либо образом попадали мерзлая картошка, брюква или картофельные очистки. Ежедневно утром с проволочного ограждения снимали трупы в матросских бушлатах пытавшихся выбраться на волю. По ночам с вышек слышались пулеметные очереди. Вскоре большую группу рядовых увезли в Германию.

В эту группу попали Чепраков, Казаков и другие, зарегистрировавшиеся рядовыми офицеры. В лагере

Малофеев встретился с луганчанином — лейтенантом-артиллеристом Александром Спектровым, который в Луганске учился в 1-й средней школе, Николаем Бородиным — бывшим курсантом ВМУ¹ им. Фрунзе и Василием Белобородовым. Начались холода. В бараках построили шестизэтажные (через 60 см) нары. На верхних этажах было душно, а на полу замерзала грязь.

Рядом с лагерем, в 3 км по шоссе на Двинск, находились летние бараки Рижского пехотного училища. Немцы в них разместили раненых пленных. Обслуживал их наш медперсонал, в том числе и девушки из санбата.

Из Саласпилса в этот лагерь для расчистки от снега водили большую группу пленных. Однажды попал в эту группу и Малофеев. В группе он сдружился с матросом с погибшего эсминца Виктором Смолиным. Решили бежать. Для этого они забрались в яму от выкорчеванного дерева, а товарищи сложили на нее подобранные при расчистке парка ветки и не подожгли их, так как это было к концу дня. Ночью Малофеев со Смолиным вылезли из ямы и пошли на восток, двигаясь лесами вдоль шоссе Двинск — Рига. В Огре на мосту через Двину охраны не было, и они его перешли. Однажды в лесу зашли на хутор и попросили поесть. Их накормили, дали еды на дорогу, а затем оказалось, что у калитки их ожидают предупрежденные хозяином айсарги. И на четвертый день побега их доставили обратно в Саласпилс.

Лагерь обвели вторым рядом колючей проволоки, а между рядами уложили еще проволоку кольцами (спиралью Бруно²).

Люди умирали сотнями ежедневно от холода, голода и пуль охранников. В лесном лагере началось людоедство. У только что умерших срезали мякоть и варили на ко-

¹ Военно-морское училище.

² Противопехотное заграждение в виде цилиндрической спирали диаметром 70–130 см и длиной до 25 метров, сплетенной из нескольких пересекающихся нитей колючей проволоки.

страх. Говорили, что первыми это начали делать татары. Немцы за людоедство расстреливали.

Пищу в лесной лагерь носили из лагеря, в котором находился Малофеев. Часто заключенные наблюдали, как в вырытой траншее между лагерями немцы группами расстреливали пленных. А иногда их заставляли прохаживаться перед траншеей и стреляли по движущимся людям.

Из лагеря забирали политработников и евреев и уводили. Из моряков увели старшего лейтенанта Пожарского и сержанта Молочевского — они больше не вернулись. В лагере немцы охотились за отдельными евреями. Проходя по территории лагеря, немцы останавливали похожих на евреев, заставляли раздеваться и, «определив», что это еврей, здесь же расстреливали. Много таким образом было убито мусульман с Кавказа. Так было и с Мишей Васильевым — военфельдшером с зенитной батареи, которого остановил немец после раздачи пищи, направил на него автомат и приказал снять штаны. Малофеев в это время возвращался со своим супом в барак. Миша позвал его. Малофеев подошел. Немец спросил: «Это иуда?»

«Что вы, герр солдат, разве еврей может служить во флоте? Они любят более легкую работу. Это флотский доктор», — сказал Малофеев солдату, а сам оробел: вдруг Миша снимет штаны, солдат узнает, что он еврей и заодно и его пустит в расход. Но солдат, к удивлению, удовлетворился полученными сведениями, ткнул Мишу носком под зад и стал расспрашивать Малофеева, на каком корабле тот сдался в плен. Малофеев понес такую околесицу, какую только ему позволяло знание немецкого. Но Миша был спасен и все время после этого держался рядом.

Иллюстрацией того, насколько немцы были Гитлером идеологически подготовлены и ненавидели русских людей, служит такой факт.

Однажды в лагере-спутнике (казармах Рижского пехотного училища) заключенные расчищали прилегавший к

нему лесок. Охраняли их тодтовцы¹ — молодежь из высших учебных заведений. Однажды Малофеев попросился «до ветру». Сел под кустиком и видит, что сзади ему в штаны заглядывает юноша-солдат. Одев штаны, Малофеев спросил солдата, что тот разглядывал. Солдат ответил, что смотрел, есть ли у русского хвост.

Оказалось, что он учился в университете. Тогда Малофеев предположил, что солдат изучал «Анатомию и физиологию человека» (по наивности он думал, что все учебники в мире одинаковы), а там сказано, что нечто подобное хвосту было у одного русского мальчика, но не у всех русских, так же как заросшее волосами лицо было у некоего Евтихеева, но не все русские, как Евтихеев, покрыты волосами.

Тодтовец спросил Малофеева, кто он. «Студент кораблестроительного института. До войны окончил III курс. Сын крестьян». Разговорились. Малофеев любил высшую математику и знал ее. На песке взял несколько интегралов. Немец заинтересовался и задал несколько задач. Малофеев их решил. На следующий день немец принес карандаш, тетрадь, отозвал Малофеева в сторону и дал ему решать несколько задач. В лагере Малофеев спросил Филиппова, как ему быть. Филиппов посоветовал Малофееву помогать студентам в решении задач по высшей математике, тем самым убеждая их в том, что русские не дикари и не варвары, как убеждает их Геббельс, а культурные образованные люди. Так Малофеев более недели «просвещал» тодтовцев, выполняя их каникулярные задания.

Старая рана Малофеева затянулась, и он стал готовиться к новому побегу. Для этого он пошел в команду, которая рубила дрова за проволокой около комендатуры. Команда состояла из 12 человек. Охраняли их два

¹ Военнослужащие из так называемой организации Тодта, занимавшейся военным строительством. Поначалу в ней служило и работало много немцев, в том числе и на низовых должностях, но позднее их заменяли советскими гражданами и военнопленными.

немца. Удобного момента все не предоставлялось. Однажды глубокой осенью он почувствовал сильную усталость, температуру и шум в голове. По-видимому (он так подумал), подходит и его время от истощения попасть на свалку. Старался не ложиться, даже плелся на работу в гольц-команду¹.

Дней через 7–8 он проснулся, но уже не смог подняться. Его отнесли в санчасть и признали сыпной тиф. В лагере началась эпидемия. Немцы, боясь заразиться, вначале увозили больных в лесной лагерь и там расстреливали. Малофеев часто терял сознание. Однажды, после очередной потери сознания, он очнулся в телеге, которая вывозила трупы и больных в лесной лагерь. На нем навалом, как колоды, лежали другие больные. Малофеев решил, что всему конец, но остался безучастен.

Но их привезли не в лес, а в соседний лагерь-лазарет (в 3 км от Саласпилса), откуда он так неудачно бежал в первый раз. Выгрузили, как мешки, в одном из бараков, где лежали тифозные. Малофеева выгрузили последним и бросили на нары у входа около параши. Но ему все было безразлично, он был в полубморочном состоянии и потерял всякий интерес к жизни.

Утром он очнулся от того, что кто-то его тормошил, дергая за шинель (черную флотскую, посеревшую от вшей).

«Алло! Моряк, что ли?»

Малофеев сбросил шинель и увидел склонившегося над ним человека в морской форме. Оказалось, что тот заметил на Малофееве флотскую парадную тужурку со следами отпоротых знаков отличия (Малофеев обменял свой китель на тужурку офицера из штаба БОБРа, который готовился к побегу, не имел шинели и мерз).

Наклонившийся вежливо спросил:

- Откуда, товарищ командир?
- На Балтике служил.
- А где попали?

¹ От Holzkommando (нем.) — дровяная команда.

— На Эзеле!

— На Эзеле? Значит, земляки. Я с острова Даго, с береговой Федоровского. Может, слышали о нем?

Малофеев на Даго не был и никого там не знал. Однако так он познакомился со старшим тифозного барака краснофлотцем Василием Орлом. Орел позвал Чапаева (санитара с отросшими как у Чапаева усами и в кубанке) и приказал ему перенести Малофеева на нары за стенкой своей комнаты. С Малофеева сняли все, что на нем было, и выдали чистое белье и одеяло.

На кухне здесь работали одни моряки: рубили дрова, готовили пищу для немцев и больных пленных. Ребята держались дружно и помогали друг другу, чем могли. Через них Орел доставал Малофееву еду. Но тот во время болезни почти ничего не ел. Рядом с Малофеевым лежал, а потом умер осетин Герой Советского Союза Бוצазов. Героя он получил в Финскую, сохранил каким-то образом золотую звезду, которую у него нашли уже после смерти.

Больше месяца Малофеев провалялся в тифозном бараке в полузабытии и остался жив только благодаря заботам Орла. Зимой выздоровел. Во время выздоровления Орел ему доставал через матросов Адамчика, Зеленского, Черновоченко все, что мог.

После выздоровления Малофеева снова перевели в Саласпилс. За зиму часть военнопленных оттуда увезли, но большинство умерло от голода, холода, болезней и пуль. Бараки не отапливались. Лагерь в лесу перестал существовать, большинство из обитавших там умерли или были расстреляны.

Зимой на территории лагеря построили несколько барakov-землянок (над поверхностью возвышались только крыши). Ежедневно из лагеря вывозили 70–80 умерших. Из 10 000 военнопленных к весне в обоих лагерях осталось человек 400. Зимой ходили слухи, что наши заняли Двинск, были около Риги, но отошли.

Весной прибыло «пополнение», и среди них Малофеев встретил физрука Ивана Александровича Масленникова,

у которого учился в 10-м классе. Он работал санитаром в лагерьном лазарете и за свои усы тоже звался Чапаевым.

Однажды привели в лагерь беглецов из Рижского лагеря. Среди них Малофеев заметил друга детства из своего села — Федора Логвиновича Громакова, служившего на Эзеле в 12-й гидроавиаэскадрилье КБФ. Из Рижского лагеря он бежал с отважным солдатом по имени Дима. Их поймали айсарги, прострелив Федору при этом руку. Федор месяца два пролежал в санчасти, но в начале лета 1942 года умер от голода.

Его напарником по побегу был Дима Овсянников, катерник с КМ. Его привезли в Саласпилс весной 1942 года. Когда Овсянникова вели в комендатуру, матросы показали его Малофееву: «Вот привезли из Риги капитан-лейтенанта». Малофеев узнал Диму, который веселил всех в Куйвасто своими смешными рассказами. «Это не капитан-лейтенант. Я его хорошо знаю. Он мичман и его зовут Дима», — сказал Малофеев. Так он узнал о Дмитрии Анисимовиче Овсянникове, которого, как я узнал в 1966 году, наше командование забросило в сентябре 1941 года в Латвию для подпольной работы. Но он попался, так же как и Малофеев во время побега из Саласпилса, айсаргам.

Весной в лагерь привезли пленных из Эстонских и Рижского лагерей. В этой группе был и старший лейтенант Илья Федоровский из Белгорода. Особой бодростью духа в этой группе отличался моряк военинженер I ранга Филиппов из Либавы. В боях за Либаву он потерял ногу и ходил на костыле. Он старался вселить в пленных уверенность в нашей победе, часто анализировал происходившее на фронтах. Около него всегда группировалась молодежь, он призывал к стойкости, к побегам на волю.

Приехавшие рассказали, что капитан Стебель умер в лагере Валга в Эстонии. Немцы предлагали ему восстановить свою батарею, но он категорически отказался. Военинженер Коган, став переводчиком, вошел в доверие к немцам и бежал вместе с В. Дегаем и матросом Смолиным, но они были пойманы и увезены в Рижскую тюрьму.

На нарах с Малофеевым лежал капитан Потапов. Зимой он отрастил бороду, бежал и долго пробирался на восток, но был пойман айсаргами и снова доставлен в лагерь. Ему было лет 35, но на вид — более 60. Одет он был в гражданском, подпоясан веревкой, с длинной бородой, и более всего походил на старорежимного крестьянина. (Спустя 2 года Малофеев с Потаповым встретились в партизанском отряде во Франции и вспоминали, как Малофеев помог ему обменять на хлеб у немецких солдат свой золотой зуб, и они тогда хорошо подкрепились.)

Из армейских с Эзеля здесь остался весь командный состав артиллерийского дивизиона 46-го стрелкового полка во главе с начальником артиллерии полка капитаном Говорковым. Все они организованно (Говорков, Сидельников, Вишняков, Драницын, Мартиросьян, Сакаев и др.) еще во время первых боев на Церелли оставили свои батареи и переправились в Латвию, сдались в плен, и теперь все, кроме Говоркова, были в полиции. Начальником полиции был уже не Разуманов (казахов к этому времени увезли), а капитан-танкист Анатолий Кривошеев из Сталино, до него — майор Плескацевич.

Летом в лагерь привезли из Риги пленных украинцев и стали их обучать. Гимнастерки они носили советские, брюки французские, а на рукавах повязки: «Am Dienst auf der Deutsche Wehrmacht» («На службе у германских Вооруженных сил»). Несколько человек ушло туда и из саласпилского лагеря. Этих изменников днем где-то обучали, а на ночь приводили в лагерь в отдельные бараки-землянки. Видимо, им еще не доверяли.

Непонятно стало и поведение В. Орла. Был он все время задумчив, уединялся, а потом вдруг поступил в лагерную полицию, пробыл там месяца два и в одно прекрасное время бежал. По слухам, переданным приезжавшими в лагерь латышами, бежал он удачно и присоединился где-то к партизанам.

Некоторых рядовых зимой брали на работу к богатым хуторянам. Летом 1942 года их начали возвращать в лагерь. Трое из них пошли в похоронную команду

(Todgrabenkommando), состоявшую из 20 человек. Всего их охраняло два немца. Однажды, когда группа копала траншею для умерших, один солдат ушел в лагерь. В это время один из пленных, вернувшись после работы у крестьян, подозвал второго часового к траншее, показал ему что-то в ней, часовой наклонился, в это время другой ударил его лопатой по голове, убил и бросил в траншею. Вся бригада разбежалась в разные стороны. Но к вечеру все они (кроме тех, кто до этого работал на хуторах у крестьян и был физически крепким) были выловлены и расстреляны.

Малофеев же сильно истощал. Нижняя часть его тела так опухла, что он с трудом передвигался. Зимой людоедство было и в Саласпилсе. Ночью пленные пробирались в сарай, где складывались трупы, и обрезали у них мягкие части тела.

Чтобы пленные не сидели без дела, немцы заставляли их с места на место переносить камни и обессиленных здесь же приканчивали ударом приклада по голове. Рядовых водили рубить лес. Охраняли их немцы и айсарги. Ослабевших в пути оставляли у дороги в снегу, привалив их срубленным деревом. Через несколько часов они уже были мертвые. Кроме лесных работ рядовых брали для рытья траншей, в которых потом расстреливали евреев из Рижского гетто и военнопленных Красной армии.

Комендантом лагеря стал полковник Вербицкий, бывший начальник штаба 7-го армейского корпуса, а Карамзина немцы перевели комендантом Покровского лагеря. Вербицкий в тапочках и габардиновой гимнастерке с виднеющимся пятном отколотого ордена, как собачонка, услужливо бегал за немцами. (Карамзин хоть гордо себя с ними держал, хотя они были одного поля ягодами.)

Летом, после того как в Саласпилс стало прибывать много пленных, офицеров отделили и перевели в бараки летнего лагеря Рижского пехотного училища. На работу оттуда никуда не водили. Тогда же начали приезжать вербовщики во власовскую армию. В Саласпилсе во вла-

совскую армию вербовал капитан Плетнев (из пленных, ленинградцы говорили, что он до войны был начальником районного отделения милиции в Ленинграде). По слухам, рядовых в РОА брали насильно. Присылались газеты. Раздавали газету «Правда». Она была такого же формата, как и наша родная, такой же заголовок, но к призыву «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» было добавлено: «для борьбы с большевизмом». Там Власов опубликовал свою автобиографию. Писались всякие небылицы о разгроме Красной армии. «СССР» в газете расшифровывалось как «Смерть Сталина спасет Россию».

В лагерь заходил некто Нейхауз, толстый гражданский немец, который вызывал некоторых в комендатуру и о чем-то расспрашивал. Однажды немцы отобрали человек 10 светлых блондинов и увели в один из барачков за лагерем. В группе был и Малофеев. Там была какая-то комиссия. Начали делать какие-то антропологические замеры. Измеряли голову: расстояние между ушами, глазами, лоб, шею. Заставляли растягивать в руках ремни и все это фотографировали. Все думали, что их расстреляют, но их вернули в лагерь и больше никого не вызывали.

В плену в Германии. Цигенхайн, шталаг IX A

В конце сентября или начале октября 1942 года офицеров погрузили по 50–60 человек в вагон, выдали по одной консервной банке и по 2 буханки хлеба на человека и повезли в Германию. По пути к эшелону подцепили еще вагоны с пленными офицерами из Каунасского и какого-то еще лагеря. Люки в товарных вагонах наглухо забили досками и обтянули колючей проволокой. Двери заперли, в вагоны поставили деревянные параши, которые в пути почти не опорожнялись.

На перегоне около Шауля из одного вагона бежала группа офицеров, прорезав самодельными ножами в

полу вагона дыру. Уже в Германии на перроне одной из станций немецкий офицер застрелил нескольких пленных, пытавшихся бежать таким же образом. В Германии какая-то благотворительная женская организация Красного Креста (монахини) один раз за все время пути накормила их супом.

Их привезли в Нюрнберг. Этот город запомнился густой сетью электрических проводов над железнодорожными путями. Из вагонов выгрузили умерших в пути, очень много. Выгрузили и живых и повели в какой-то лагерь. В нем, как оказалось, содержались советские генералы и Яков Джугашвили.

В лагере было много брезентовых палаток. В них они переночевали, а утром снова погрузились в вагон. Привезли их в лагерь IX А в Цигенхайне (около г. Касселя)¹. Когда со станции пленных вели в лагерь, то за ними бежали мальчишки, которые, закрывали носы пальцами, отворачивались от пленных и кричали: «Russische schwein» («Русские свиньи») и другие оскорбления.

Лагерь IX А был построен еще во времена Первой мировой войны. В нем были изолированные секции для военнопленных СССР, Франции, Польши, Югославии. Провели регистрацию, Малофееву присвоили № 45645, и он стал не человеком, а номером. С этим номером, написанным мелом на черной доске, его сфотографировали.

Кухня была вне сектора русских, и ее обслуживали французы: они всегда старались помочь русским сигаретами, супом. Им пищу готовили лучшую, и они получали посылки Красного Креста.

Лагерной русской полицией командовал Дворецкий, толстый усатый мужчина. Говорили, до войны он был директором одного из сочинских санаториев. Свирепый человек, он ненавидел своих соотечественников и изощрялся в издевательствах над ними.

¹ В Цигенхайне находился не офицерский лагерь IX А (он был в Шпангенберге или Ротенбурге), а шталаг — стационарный лагерь для рядовых военнопленных.

В бараках — разговоры о калорийности различной пищи. Здесь были ученые — специалисты пищевой промышленности. Обсуждаются бои у излучины Дона и ворот Сталинграда. Немцы писали, что бои идут за каждый дом. Некоторые дома заняты одновременно двумя сторонами — на первых этажах находятся немцы, на верхних — советские солдаты.

Снимок: немцы поят лошадей на великой русской реке Волге. Очень обидно.

Однажды в ноябре или декабре, в разгар битвы за Сталинград, в барак Малофеева пришел старый старший фельдфебель, переводчик, и обратился к пленным с речью. Смысл ее сводился к тому, что Красная армия разбита и бежит за Урал, что на оккупированной немцами территории жизнь налажена и там «строится новый порядок без большевиков» и военнопленным оттуда разрешается писать письма родным. При этом он перечислил области СССР, куда разрешалось писать письма. Писать можно было о том, что жив, здоров, и все.

Длинный-предлинный младший лейтенант Жулев обратился к фельдфебелю: «Господин фельдфебель! Немецкое командование сообщает, что Сталинград уже освобожден. Советские войска остались там только в подвалах и верхних этажах, продолжают вести "отчаянную" борьбу, но скоро будут выбиты и оттуда. Я сам из Сталинграда, рабочий, живу по ул... дом №... и занимаю там квартиру в средних этажах, которые вы освободили. Квартира прекрасная, из трех комнат и кухни...» «Так вы, наверное, инженер или ответственный работник!» — перебивает его фельдфебель.

«О нет. Я же говорил, что я рабочий, рабочий-лекальщик тракторного завода! — продолжает младший лейтенант. — Так вот, вы говорите, что на "освобожденную" вами территорию можно писать письма. Я бы хотел сообщить своей матери, жене и детям, что я здесь тоже живу на средних нарах значительно лучше, чем дома на среднем этаже, кормят, как видите, хорошо, обращаются вежливо, вроде вас. Что еще может пожелать русский?

Может, моим родным даже разрешат приехать ко мне? А? Скажите, господин оберфельдфебель, можно ли им написать, ведь они же живут на освобожденных этажах?»

Во время их разговора воцарилась полная тишина. Оберфельдфебель не понял никакой иронии в вопросе Жулева и подумав, ответил, что, хотя средние этажи Сталинграда и освобождены, писать туда еще нельзя, ну а скоро будет можно. Чувство юмора у советских людей сохранялось и в таких ужасных условиях. И как только тупой оберфельдфебель ушел, барак разразился громким смехом («Вот так Жулев, вот так поговорил со старым п...»).

В ноябре всех прибывших из Прибалтики разослали по рабочим командам. Вместе с 60 офицерами Малофеев попал на работу в каменный карьер около станции Лизинтен и деревни Лямсфельд, в 8 км от лагеря IX А. Карьер был расположен в буковом лесу. Камень добывался для химической промышленности. От станции Лизинтен до карьера, находившегося на возвышенности, вела узкоколейка, по которой камень отправлялся на станцию. Жили в огороженном проволокой деревянном бараке из 5 комнат. В первых трех комнатах размещались по 20 военнопленных, в четвертой была столовая, в пятой — швейная и сапожная мастерские. Рядом находилась уборная и wascherei¹, где кипятили белье и мылись. К воротам была прибита доска с готической надписью: «Советская военнопленная офицерская рабочая команда № 2595».

Около ворот стояли малый барак для охраны и кухня, где две рыжие немки готовили пищу для охранников и пленных. В карьере они работали вместе с гражданскими немцами, стариками и инвалидами. Все гражданские смотрели на них как на дикарей.

На время взрыва в карьере пленных уводили в укрытие в буковый лес, где они собирали орехи. Один раз охотник отдал им ободранную лису, которую они с удовольствием съели. Немцы варили суп так: сначала варили карто-

¹ Прачечная (нем.).

фель в мундирах, потом ее очищали и бросали в котел для супа. Вареные очистки бросали в яму перед баракom. Особенно счастлив был тот, кто, придя с работы первым, подбегал к этой яме и в шинель или фуражку выбирал содержимое. Картофельные очистки прессовались в руках, клались на раскаленную железную печку в бараке и таким образом получались «картофельные котлеты». А очистки брюквы промывались и были деликатесом.

Когда Малофеев работал у крестьян, расчищая ручеек, то там они ловили иногда больших линей, а Козырь наловил лягушек, часть в лагере сварил, а часть у него из умывальника разбежалась и расползалась по углам, за что его избили полицейские.

На следующий день после приезда всем выдали деревянные колодки, разбили по бригадам и под охраной солдат погнали в карьер. К каждой бригаде прикрепили гражданского немца. Малофеева с Мишей Войташевским поставили у ручной водяной помпы — выкачивать из забоя поступавшую туда грунтовую воду.

Всех взвесили. Малофеев чувствовал себя лучше, чем в Саласпилсе, и тем не менее весил всего 43 кг, тогда как в госпитале на Эзеле в начале войны — 71 кг.

Среди гражданских немцев особой жестокостью отличался бывший фельдфебель со значком «наци» десятник Кнат. При погрузке он заставлял пленных в одиночку поднимать особенно крупные камни. При этом в них летели камни, ругательства, по их спинам и ребрам прохаживались приклады охранников. Только и слышно было — «Schnell Schweine! Imma Shnell» («Давай, давай, быстро»).

Потом Малофеев попал в забой к десятнику по кличке Робинзон. Этот часто кричал военнопленному: «Alexander der Grosse! Arbeits! Arbeits!»¹, хватал его за воротник и тыкал носом в землю или щебенку. Такие номера он проделывал часто и со многими. Более человечно к русским относился десятник Штрипель, в бригаду которого Малофеев попал позднее.

¹ «Александр Великий! Работай, работай!» (нем.).

Малофеев все время мечтал о побеге, и поэтому начал присматриваться к товарищам, чтобы найти единомышленника. Вскоре он сдружился с лейтенантом Виктором Квашко, командиром взвода армейской полевой батареи, стоявшей до войны в Шауляе в Литве. В их лагере никто еще не пытался бежать, никто не мог поделиться опытом.

Квашко с Малофеевым хотели к побегу подготовиться основательно. Для «обмена опытом» решили под видом больных попасть в центральный лагерь IX А. Там были бежавшие из команд и пойманные, у них можно было незаметно проконсультироваться. В их команде был кубанец военфельдшер Борисенко, который после работы оказывал товарищам медицинскую помощь. К нему-то Малофеев и обратился с просьбой изобрести тонкую болезнь, чтобы попасть в лагерь и там отдохнуть.

Борисенко посоветовал объявить коменданту о грыже, якобы полученной от тяжелой работы. Для проверки комендант мог отправить Малофеева в лагерь IX А.

Жалобы больных принимались в субботу. В одну из суббот Малофеев объяснил коменданту, что у него грыжа. Борисенко подтвердил. Фельдфебель самолично потрогал двумя пальцами, как будто заправский врач, кивнул головой, мол, есть грыжа, и в понедельник приказал свести Малофеева в лагерь вместе с другими больными. И вот в июле месяце Малофеев был направлен в IX А.

Здесь в лазарете в присутствии немецкого врача врач Киселев из военнопленных производил осмотр. Посмотрев Малофеев, он сказал: «Вы, молодой человек, симулируете. Никакой у вас грыжи нет, возвращайтесь в команду». Малофеев пошел на откровенность: «Да, у меня нет грыжи, но я хочу остаться хотя бы на время в лагере и отдохнуть. И если у вас есть хоть капелька чувств и совести советского человека, вы должны меня оставить. Вы — врач, изобретите любую болезнь, чтобы немецкий врач не обнаружил мое вранье. А насчет работы в команде, вы должны меня понять. Надеюсь, вы еще помните обращение нашего главнокомандующего (я не назвал име-

ни т. Сталина, чтобы не понял немец) к нашему народу?» Совесть, наверное, в Киселеве заговорила, и он оставил Малофеева в лазарете.

Малофеев обстоятельно беседовал с каждым появлявшимся в лагере беглецом, интересовался способом передвижения и добычи продовольствия. Потом вместе с командой выздоравливавших он ходил на сельскохозяйственные работы к крестьянам. Если удавалось достать курево, собирал его, а в конце концов достал у французов шерстяной свитер и кожаные ботинки, так необходимые при побеге.

Когда перед союзниками капитулировала Италия (Бодоглио или Бадальйо — маршал итальянский¹), в лагерь привезли несколько тысяч обезоруженных итальянцев и заперли в отдельную секцию.

Однажды перед ними выступал итальянский генерал, был шум, крики. Генерал к чему-то призывал (говорили, что воевать на стороне Германии). Потом к ним ворвалось много немецких солдат и итальянцев начали избивать прикладами. Итальянцев морили голодом, они ели траву около колючей проволоки, точь-в-точь как советские военнопленные в Саласпилсе. В общем, под контрударами Красной армии германская империя начала трещать, а ее сателлиты откалываться.

Когда больных осматривал немецкий врач, Малофеев уходил в другие бараки, но однажды его выдал санитар из немцев Поволжья (не то Рейтер, не то Рихтер). «С почестями» (резиновыми дубинками) его отправили обратно в команду работать.

К этому времени Малофеев немного окреп, а самое главное — хорошо изучил условия передвижения по Германии. После возвращения в команду они с Квашко стали разрабатывать план побега. Установили, что вокруг огороженного барака ночью ходит только один часовой.

¹ Бадольо (Badoglio) П. (1871–1956) — участник смещения Б. Муссолини (июль 1943 года), в 1943–1944 годах — премьер-министр Италии, заключил перемирие с союзниками.

В 10 часов вечера в комнаты вносились параши, приходили комендант со сдававшим и принимавшим пост солдатами, и начиналась проверка. Ворота в это время запирались изнутри висячим замком. Проверка всегда начиналась с первой комнаты, потом проверяли вторую и, наконец, третью. На проверку первых комнат уходило 10–15 минут, и в это время лагерь извне фактически не охранялся.

Этим и решили воспользоваться Квашко и Малофеев, жившие в третьей комнате. Надо было только подобрать ключ к замку на воротах и, пока будет проверка в первых двух комнатах, спокойно уйти. Но как подобрать ключ?

В карьере шли работы фронтом в одну сторону. Камень выбирался, а порода с тыльной стороны разравнивалась, потом на этих площадях сажали сначала люпин для скрепления грунта, а потом молодой лес. Однажды группа (Kirkommando), в которой работали Квашко с Малофеевым, провела рельсы почти к самому барaku и начала засыпать там все неровности вывозимой с карьера красной глиной с песком. От карьера это было всего 100–150 м. Охранял их один солдат. Тут один из пленных попросился в уборную (одна уборная была над карьером, а другая — в лагере и на виду). Часовой, не долго думая, дал ключ от ворот пленному, и тот сам пошел в лагерь.

Квашко многозначительно посмотрел на уборную за проволокой, толкнул Малофеева в бок и сказал: «Есть идея». Как только ходивший в уборную вернулся, Квашко подошел к охраннику и жестами объяснил, что он тоже хочет в туда. Охранник дал ключ и ему. По пути Виктор захватил комок глины, размял ее и сделал несколько отпечатков ключа в профиль и торец. Комок спрятал в уборной.

На станции Лизинген, где камень перегружали с вагонеток в железнодорожные вагоны, находилась кузница, где ремонтировались карьерные вагонетки, инструменты и прочее оборудование. Среди гражданских там работал под охраной солдата один военнопленный — Петр

Фриз (молдаванин, воентехник, в плен он был взят под Таллином).

В бараках стояли двухъярусные нары, железная печка и шкаф для обмундирования на двоих. Для курения давали «Грозненские корешки» — иссеченные табачные стебли без листьев. В конце каждого месяца платили 5 марок, так называемых *Lagersgeld* — «лагерных денег», которые давались только военнопленным и на которые ничего нельзя было купить. Иногда эти деньги они передавали французам, у них в кантине можно было купить сигареты и даже пиво. В команде большинство было украинцев, так как немцы, следуя политике разжигания национальной вражды среди советских военнопленных, разделяли их в первое время по национальностям. Был и еврей Леонид Портнов из Одессы, которого все тщательно охраняли, и русские, как Анатолий Черепяхин, капитан А. П. Морозов, командир 33 ИСБ¹ на острове Дого.

Это были украинцы из третьей комнаты — лейтенант Хижняк (кубанец, из инженерных частей, где был и Я. Джугашвили, стоявших до войны в Наро-Фоминске), воентехник Фриз, Стеценко П., Бибилов Костя, Миша Мулявко, Станислав Юзефчук, капитан Бензин, Квашко и др. (Шевчук П. — сибиряк). В других комнатах были Черепяхин, Остапенко, капитан Морозов, Цема, капитан Самоленко, Чеботарев, М. Верзейко, Фурманов (из Одессы), Козырь, Осталюк М., Войташевский М. (попал в плен под Либавой), Зуев А., Бондаренко Вас., Бондарь Ник., Трогаченко Иван, Кушнир, Рязанов, Пономарчук Вл., Коваленко Петр, Голота, Дыгай В., Зайцев, Дмитриенко, Дмитренко.

Капитан Бензин (он до войны служил на Дальнем Востоке) знал много украинских шуточных рассказов и анекдотов. Он где-то раздобыл немецкий журнал «Новая Европа» на русском языке и весь его исписал рецептами различных блюд и их калорийностью. По-видимому,

¹ Инженерно-саперный батальон.

ему в этом помогал окончивший Тимирязевскую академию Козырь, который работал в Наркомате пищевой промышленности и бывал в заграничных командировках на пищевых предприятиях. Козырь воевал во 2-й ударной армии под командованием Власова¹ и попал в плен зимой 1942 года. Разговоры шли в основном о вкусной пище. Большинство говорили, что если выживем, то будем все свое денежное довольствие использовать только на питание.

Вербейко, Сотамак, Чеботарев, Морозов, Бондарь и Самойленко были недовольны советским строем, и до Сталинградской битвы некоторые из них пытались попасть во власовскую армию, но потом притихли. Молодой (1918 г.р.) капитан Самойленко даже в лагере IX А подавал в комендатуру заявление во власовскую армию, за что в карьере был избит военнопленными. Это желание он объяснял намерением избавиться от лагеря и уйти на Родину. Чеботареву из дома на Украине родители писали письма и предлагали ему пойти служить в украинскую полицию.

Остальные держались стойко, верили в окончательную победу советского народа, и даже те, которые ранее малодушничили, в коллективе, здоровом духом, вернули утраченную было уверенность в своих силах.

Немцы приносили в лагерь газеты «Клич» — на русском языке и «Новую добу» — на украинском. В них печатались разные небылицы. Была напечатана большая статья Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?».

¹ Власов А. А. (1901–1946) — генерал-лейтенант (1942). В Великую Отечественную войну командовал корпусом и армией, заместитель командующего Волховским фронтом, командующий 2-й Ударной армией (Волховский фронт), оказавшейся весной 1942 года в окружении. Сдался в плен, возглавил Комитет освобождения народов России (КОНР) и Русскую освободительную армию (РОА), составленную из советских военнопленных. В мае 1945 года захвачен советскими войсками. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

начинавшаяся так: «Меня ничем не обидела советская власть», — и дальше рассказывалось, как он бродил по лесам после разгрома немцами 2-й Ударной армии и пришел к мысли продать свою Родину. Там он писал, что был до начала войны военным советником у Чан-кай-шена (так немцы называли Чан-кай-ши), потом оборонял Москву. Ну, а дальше — разный бред, вроде того, что нам с немцами по пути, но что после победы они с нашей территории уйдут и т. д. Была статья под названием «Допрос капитана Русанова, начальника штаба партизанского движения Украины» и др.

Однажды вечером в команду зашел капитан владовской армии и произнес речь, предлагая вступать в РОА. Среди пленных был пожилой учитель из Сталино, А. П., который опознал этого капитана: он был немцем, которого в 1938 году выслали из СССР как иностранного подданного. Незадачливого агитатора освистали и выгнали из столовой, где он выступал.

После этого прибежали охранники, около часа гоняли их в деревянных колодках вокруг барака. А в колодках и ходить было трудно, а бегать — настоящая пытка. А падавших избивали. Особой жестокостью отличался немец, которого прозвали «доходяга», такой он был маленький и худой.

После этого пленные жестоко избили переводчика Никиту Бондаря, который доносил немцам о настроениях пленных и зачинщиках освистания немца-агитатора. До этого переводчиком был Фурманов. Но он не захотел им быть, и немцы назначили Бондаря. Избиение Бондаря начал его бывший друг К. Бибилов, до плена вместе с ним служивший.

Часто над карьером пролетали англо-американские самолеты, было слышно, как бомбили Кассель. Часто сбрасывали фольгу. Однажды около карьера упал запасной бензобак с английского самолета, немцы думали, что бомба, бросились наутек и долго не подходили к карьеру.

В плену в Германии. Побег

Итак, Квашко с Малофеевым начали готовить побег. Квашко попросил Фриза изготовить ему в кузнице завес, чтобы приделать дверцы к шкафу и запирать курево, так как его у него уже несколько раз воровали. Дал Фризу чертежик. Диаметр завеса (для штифта) соответствовал диаметру трубки ключа к висячему замку на воротах лагеря. Когда завес был изготовлен, Квашко где-то достал кусок напильника и, уединяясь во время обеда в комнате или в уборной, сделал по отпечаткам из завеса ключ.

Готовясь к побегу, Малофеев как-то самоуверенно заявил, что, если его теперь какой-либо охранник избьет, он сразу же сбежит из лагеря. Этому не придали значения и приняли за шутку. Но вот однажды это произошло. Один охранник часто в разговорах с пленными допускал либеральные вольности, иногда давал пленным бычки (окурки) или куски хлеба. Как-то зашел разговор о войне, Малофеев, глядя на бляху солдата (*Gott mit uns*¹ и одноглавым орлом), заметил, что у него на бляхе ремня одноглавый орел. В России на царском гербе был двуглавый орел и в 1917 году обе эти головы были срублены, с одноглавым же орлом справиться легче. Солдат понял намек, рассвирепел и так избил Малофеева прикладом, что в барак его товарищи привели под руки.

После этого Малофеев с Квашко стали еще энергичнее готовиться к побегу: изучали распорядок и поведение часовых после отбоя (по звукам, конечно). Перед этим бежали Пономарчук, Виноградов и Черепяхин из второй комнаты, которые в коридоре (тамбуре) взломали окно над входными дверями. Охрана была усилена. Черепяхина и Виноградова поймали, а Пономарчука и след простыл.

И вот в сентябре начались темные вечера. 16 сентября Квашко сообщил, что ключ готов и ночью можно попытаться бежать. Малофеев целый день был как на иголках,

¹ С нами Бог (нем.).

ему казалось, что немцы знают о готовившемся побеге, и каждый раз вздрагивал и пугался, когда к нему обращались. Вечером, чтобы скрыть волнение, он пошел в первую комнату и включился в игру в очко. Однако в этой компании были заядлые очкисты. Малофееву чертовски в этот вечер везло, ведь он ничем не рисковал, так как в случае удачного побега отдавать долг ему не пришлось бы. Сначала он играл на деньги (28 марок) и обыграл многих, потом в ход пошли порции хлеба — 125 г хлеба за 4 марки. Деньги, конечно, нужны не были, ну а хлеб (куска 4) мог пригодиться.

В 9.30 вечера зашел комендант с двумя часовыми, отослал лишних из комнаты и начал подсчет (проверку) пленных.

Малофеев ушел в свою комнату. Квашко уже там не было. Малофеев, волнуясь, обратился к разлегшимся на нарах товарищам: «Ну, друзья, прощайте. Схожу в уборную и спать. Ферсон уже в первой комнате считает». И вышел. Виктор Квашко вещи Малофеева вынес в кубовую заранее. С бьющимся сердцем Малофеев переступил порог кубовой. К своему изумлению там, кроме Квашко, он встретил К. Бибикова и П. Фриза. О том, что они тоже готовились к побегу, Малофеев не знал и не предполагал.

«Ну, Витя, вся надежда на тебя. Иди, пробуй свой ключ, — сказал Бибиков, — если что не ладно, беги в комнату, а мы за тобой!»

Квашко быстро подошел к воротам, сунул ключ в замок, отпер и махнул им рукой. Беглецы тихонько на цыпочках подошли к воротам, приоткрыли их, прошли караульное помещение и вдруг, как по команде, сорвались и быстро побежали по лесу. Каждый думал, что сзади погоня, и напрягал все силы, чтобы уйти подальше в лес. Бежали метров 300–400, пока бежавший сзади Фриз не крикнул, чтобы все остановились, так как никакой погони нет.

Собрались все вместе и сразу же по звездам взяли курс на восток. За первую ночь прошли километров

20–25 и утром остановились ночевать (вернее, дневать) в лесу. Здесь же выяснилось, что в то время как Малофеев договорился с Квашко о побеге, Квашко еще договорился с Бибиковым, чтобы Малофеев не знал, Бибиков, в свою очередь договорился о побеге с Фризом, о чем ни Квашко, ни Малофеев не знали. На четырех было два котелка, у всех шинели, все имели тайно приобретенные кожаные ботинки, а Фриз украл у немцев резиновые сапоги.

К тому же Фриз намагнитил несколько швейных иголок. Такая иголочка, воткнутая в пробку и брошенная в котелок с водой, служила им компасом. В безоблачные ночи Малофеев вел группу по Полярной звезде. Ориентировались по кирхам, кладбищам, указателям дорог, по коре деревьев. Шли только ночью, а днем отдыхали. Руководил походом Фриз, как самый старший по возрасту. На первых порах питались картофелем и свеклой из буртов, капустой. Была у них зажигалка с пузырьком бензина для заправки, так что, смотря по обстоятельствам, варили и днем и ночью, маскируясь в лесах. Позже осмелели и начали брать продукты питания по подвалам и домам в селах.

Первый раз взяли живого, очень большого кролика. За ним ходили сначала Бибиков и Квашко, но безрезультатно, так как не нашли входа в крольчатник. Потом Малофеев пробрался в сарай и через него в крольчатник. В клетке он нащупал большого кролика. Когда он взял его за уши, кролик вел себя смирно, но когда Малофеев потянул его из клетки, чтобы положить в рюкзак, кролик неистово завизжал. Малофеев был голоден и не испугался. Если его здесь схватят, подумал он, то он прокусит зубами кролика и напьется крови. Но все обошлось благополучно.

Поместив кролика в вещевой мешок, Малофеев двинулся к товарищам. На месте их не оказалось. Малофеев пошел лесом, подавая условный сигнал (по-лягушачьи квакал, хотя в эту пору вряд ли какой немец поверил бы, что это лягушка). Вдали от злосчастного дома Малофеев услышал крик совы и пошел на него. Это были товарищи. Оказывается, услышав кролиный визг и увидев, что в доме

зажегся свет на втором этаже, они в страхе разбежались, считая, что Малофеева в сарае поймают.

В другой раз Бибиков и Квашко забрались на квартиру к попу, но в тех комнатах, куда они попали, ничего съестного не нашли. Нашли только кофе и карманные часы. Часы, конечно, взяли. В тех краях в большинстве случаев кладовые находятся на первых этажах, а на вторых живут хозяева. Когда забирались потом в подвалы, то старались брать все высококалорийное, но легкое, в пути и иголка весит много.

Однажды Бибиков, Квашко и Малофеев решили проникнуть на вторые этажи. Только вошли в одну из комнат, как были заперты снаружи. Видимо, хозяин услышал, как они забрались во двор. Кто-то из хозяев вышел со двора. Недолго раздумывая, они разодрали простыню и одеяло с дивана, связали их, зажали створкой окна и спустились со второго этажа. Когда скрылись в живой изгороди, где их поджидал Фриз, увидели, что во двор въехал мотоцикл с прицепом, люди с фонариком осмотрели помещение и двор, выстрелили из ружья вверх и уехали.

Беглецы зашагали дальше. А однажды в подвале все наелись кислого молока, но на следующий день по брызгам на шинелях (и прочее) определили, что это был разведенный молоком мел. Но ничего, все сошло. Подошли к какой-то большой реке. Переправочных средств не нашли и решили переправляться через мост. Поднялись по течению немного вверх и подошли к мосту. Справа от моста под высокой горой виднелся город, а сразу за мостом — поселок. К счастью, мост не охранялся, и они его благополучно перебежали бегом.

Через некоторое время освоились с методами передвижения, обнаглели так, что пускались в путь еще за светом, из-за чего вскоре и поплатились. Как-то в ранних сумерках проходили какое-то селение, в конце их путь пересекла женщина. Только вышли из этого селения, как услышали сзади погоню на велосипедах. Свернули с дороги на пахотное поле, убедились, что погоня за ними, побежали к видневшемуся в сумерках леску, не добежав до

него, залегли в борозду. С ними не оказалось Фриза. Он был в резиновых сапогах, и его догнали немцы. Целый час немцы с фонариками искали по леску, а беглецы ни живы ни мертвы лежали рядом в борозде.

Когда немцы ушли вглубь леса, они стороной снова двинулись в путь. Их целью была Чехословакия, где они намеревались укрыться в горах. Свои военнопленные номера они сохранили, так как из опыта других знали, что с гражданскими беглецами поступают еще жестче, чем с военнопленными. Малофеев на своей флотской шинели срезал пуговицы с якорями, нашил гражданские. Стерли на груди и спине надпись SU, и шинель стала выглядеть как пальто. Мичманка старого образца была без кантов. В этом одеянии он выглядел чуть ли не бауэром.

После того как Фриза поймали, среди троих начались разногласия о том как передвигаться. Бибилов даже решил было двигаться самостоятельно, но через час догнал остальных. Теперь стали передвигаться с большими осторожностями. В лесах Тюрингии встречали оленей и даже бурого медведя. В тумане иногда передвигались и днем.

Однажды в поле вечером нарвались на крестьянина, разбрасывавшего в поле навоз. Остановились, крестьянин заметил их и перестал работать. По совету Бибилова Малофеев, лучше всех говоривший по-немецки, подошел к крестьянину и спросил его, далеко ли до села Н. (назвал село, которое проходили прошлой ночью). Туда, мол, нас ведет часовой и послал спросить вас. (Ночью ведь не видна форма.) Идем на работу к крестьянам. Крестьянин ответил, Малофеев попросил у него закурить (хотя сам не курил, попросил для друзей). Крестьянин насыпал табак на ладонь, и он вернулся к друзьям. Пошли в обратном направлении, пока не скрылся из виду крестьянин, а потом свернули снова на восток.

В другой раз в тумане подошли к работавшим в поле. Услышали: «Ийо, ийо» — так немцы погоняют лошадей. Остановились — немец. И снова: «Ийо, ийо, мать твою так!» Ага, значит, русский. Осторожно подобрался. Пашет молодой парень. Подошли смело к нему и спросили,

кто он. Вывезен из Харькова, бежал. Поймали и взяли подписку, что больше убегать не будет. Били и бьют. Плачет и просит взять его с собой. Нам и так трудно. Дали совет, чтобы подобрал товарища и бежал вдвоем. Рассказали, что знали. Попросили чего-нибудь поесть. Но у него ничего нет, а рядом пашет парень из Западной Украины, у того есть. Он надежный. Пошел к нему. Вскоре подошел парень из Западной Украины и принес свой обед. Поблагодарили обоих, подбодрили и пошли дальше.

В поле стоит телега. В телеге накрытая кошелка и сверху будильник. Где-то в тумане пашет фриц, по часам обедает и работает. Будильник отшвыриваем в сторону, а содержимое кошелки перекладываем в свой мешок (бутерброды, яблоки). Еще несколько раз встречали своих людей в тумане. Они помогали беглецам продуктами, дали еще одну зажигалку, заправили ту, что была. Они же сообщили, что вблизи — где-то страшный лагерь Бухенвальд, и советовали взять направление южнее Веймара на Хемниц.

На рассвете однажды зашли в городок, тянувшийся вдоль реки Эрфурт. Свернуть было некуда: налево сплошные заборы домов, направо железная дорога и рядом река. Светало. Смело шли вперед. По-видимому, зашли в пригород какого-то города. Подошли к мосту через железную дорогу и реку, перешли его и оказались на какой-то городской площади. Свернули влево. На трамвайной остановке несколько пассажиров (еще очень рано), среди которых генерал с красными отворотами на шинели. Смело протопали по мостовой, так как военнопленным хождение по тротуарам было запрещено. На улицах густая красная рябина.

Свернули в какой-то парк и сели на скамейке. В парке пусто, тишина. Проехал какой-то немец на велосипеде, увидел, что русские, и к чему-то бросил: «Русский русских забирали» и исчез за входом в парк. Никого. Бросились в зеленые кустарники, влезли в самую гущу и моментально заснули. Ночью двинулись дальше. Прошли какой-то танкодром, дачный поселок. Домики на замках.

На веранде одного из них передневали. Один раз спали в дощатом киоске, до потолка набитом кочанами капусты. В конце октября стало холодно. Пересекли тюрингскую железную дорогу (узнали об этом из подобранных проездных билетов).

В лесах Тюрингии подобрали английскую листовку. В ней говорилось, что Черчилль весной 1943 года предупредил Гитлера, чтобы он эвакуировал гражданское население из перечисленных пунктов. Гитлер этого не выполнил, гражданское население несет потери. С наступлением длительных ночей удары английской авиации будут перенесены вглубь Германии. Если Гитлер и сейчас не эвакуирует гражданское население, то вся вина за их гибель ляжет на немецкое правительство.

Теперь двигались по лесам и горам Тюрингии. В горах выпал глубокий снег. Идти становилось труднее. Ночевали в горах на сеновалах. Однажды, уже недалеко от Хемница, расположившись утром на одном из сеновалов, услышали галдеж и немецкий говор: «Russe! Rous!» Посмотрели в щели и увидели, что сарайчик окружен несколькими десятками стариков, подростков и полицейских. Сопротивление было бесполезным. Их много со всех сторон, и у них оружие. Делать нечего, подняли руки и вышли.

Обыскали, не били и увели в лагерь для русских девушек. Девушки принесли хлеба, жаловались на плохое с ними обращение. Почти все они были больны. Среди девушек были мальчик лет 9–10, в лаптях и ветхой одежонке. Девушки в окно бросили записку с просьбой сообщить о положении на фронтах. За два месяца скитаний беглецы сами знали очень мало, но все же сообщили им все, что удалось узнать во время встреч с советскими гражданами во время редких встреч в пути. Вскоре прибыли солдаты, и полиция сдала беглецов им. Во время допроса в женском лагере девушки заходили в комнату допроса и незаметно совали им хлеб в карманы. Бедные, они были сами так изнурены, но помогали, чем могли.

Приняв беглецов от полиции, солдаты привели их в сербскую военнопленную команду (городок не помню). Югославы, человек 15, жили в гостинице (готеле) и работали у крестьян. Днем они работали, там их кормили, а на ночь запирали в гостинице. Пока открывали их комнату, солдаты вместе с беглецами сидели на нижнем этаже в пивной. Потом их заперли в пустой комнате, сербы еще не возвратились с работы. Вечером пришли югославы. Ничего съестного у них не было. Теплая дружеская встреча. Они сообщили все то новое, что могли прочитать в немецких газетах.

Почти целую ночь провели в беседах. Сербь интересовались довоенной жизнью в СССР, а беглецы — жизнью в Югославии. Жители Белграда рассказали, как весной 1941 года посол СССР в Югославии Болотников в начале войны с Германией выступил с балкона посольства и говорил, что если югославы продержатся до какого-то времени, то СССР им поможет. Однако летчики-усташи предали Югославию, а потом и армия царя Петра капитулировала.

Рано утром следующего дня сербы ушли на работу, а беглецы остались. Просили у солдат, чтобы они их накормили, но они сказали, что «пусть вас накормят братья-славяне».

У хозяина гостиницы работала прислугой вывезенная из Киева девушка Галя. Беглецы видели в окно, как она ведрами носила свиньям вареную картошку. Попросили передать что-нибудь им. «Ага, хозяин як побаче, то будэ мени за вас». И ничего не передала, боясь за свое благополучие у «добрых хозяев».

Вечером вернулись с работы сербы. Почти каждый что-либо принес. Малофееву с товарищами стало очень обидно за свою землячку Галю. Очень возмутились ею и сербы, узнав о ее ответе. Очень дружные и хорошие ребята. Особым авторитетом у них пользовались унтер-офицер Илья Янкович (банковский чиновник из Белграда) и народный учитель из Срема (в Сербии) Бранко Михайлович. Они рассказали все новости с фронтов и о герои-

ческой борьбе югославских партизан. Михайлович рассказал и о своем однофамильце, ставленнике англичан генерале Драже Михайловиче, который среди них авторитетом не пользовался.

Через 2–3 дня за беглецами приехали охранники из лагеря IX А. По пути в свой лагерь остановились и ночевали две ночи в лагере IX В¹. Там произошел интересный случай. Беглецов привели в лагерь днем и посадили в отдельный специальный барак. Вечером унтер-офицер привел еще одного беглеца. Он его на русском языке неистово ругал и угрожал: «Завтра я тебе покажу, как врать». Беглец ему отвечал: «Зря, дед, ругаешься, завтра ты меня не увидишь».

Когда унтер ушел, беглец спросил: «Ребята, какой сейчас год?» Они, пожав плечами, ответили, что 1943 год. Это был здоровый парень, белорус. Одет был в рваное гражданское, на ногах из сырой кожи какие-то постолы². Сказал, что бежал из лагеря в 1942 году, жил в какой-то водосточной трубе. Брал в крестьянских дворах коз, из их кожи вымостил в трубе какое-то логово и жил там больше года. Все над ним посмеялись и ничему не поверили.

Вечером вывели всех наружу, выстроили перед баракком, посчитали и снова заперли. В бараке было темно. И тут оказалось, что белоруса нет. На проверку он у одного соседа попросил ботинки, у другого — фуфайку. «Провокатор, — подумали, — но почему так быстро исчез?» До поздней ночи говорили о нем. Утром их не разбудили. Посмотрели в окно и увидели, что через два ряда проволоки сделано отверстие и в него просунута доска. Рядом с отверстием много солдат с собаками, которые вскоре направились в долину к речке, по-видимому, по следам. Часов в 11 их открыли, пересчитали. Конечно, всем досталось резиновых палок и прикладов и до вечера их не кормили. Оказалось, что белорус после проверки, когда все под ударами старались скрыться в дверях барака, нырнул

¹ Имеется в виду шталаг IX В Вестхайде (Бад Орб).

² Прimitивная обувь из одного или нескольких кусков кожи, стянутых на щиколотке ремнем.

под барак. Ночью, когда ряды проволоки периодически освещались прожекторами из сторожевых вышек, белорус проделал в проволоке отверстия, положил на кольца лежащей между двумя рядами заграждения колючей проволоки доску, пробрался наружу лагеря и ушел. Его не поймали, пока нас не увезли из лагеря.

Старый унтер всю злость обрушил на оставшихся. Их снова привезли в Цигенгайм в лагерь IX А. Допросили с пристрастием. Били нещадно. Они говорили, что бежали от тоски по родине и питались только картофелем и свеклой из буртов. Бросили их втроем в карцер — камеру-одиночку. Там уже сидел гвардии младший лейтенант Иван Сухов, мордвин. Тоже бежал, обморозил ноги и был пойман. Попросили у надзирателя воды, не дал. Камера была площадью 3 на 1,5 метра. В конце койка и параша. Трое поместились, сидя на койке, четвертый стоял у двери. Через некоторое время Квашко, стоявший у двери, нажал затылком сигнальную кнопку вызова и сделал вид, что спит стоя. Остальные тоже облокотились друг на друга, закрыли глаза. Прибежал надзиратель, крепко ругался, но повел к крану и напоил.

Несколько дней сидели в карцере. Уборщиком был француз, который помогал им в карцере. Потом перевели в барак для беглецов. Там уже был Фриз, которого поймали раньше. Фриз рассказал, что когда его поймали, то в зубы тыкали пистолетом, требуя, чтобы сказал, куда они убежали, сильно избили, посадили в деревенский морг и затем увезли в IX А.

Из своей прежней команды увидели Мишу Войташевского и Мулявко. Бибилов отдал взятые у попа часы Мулявко.

В немецких концлагерях. Бухенвальд и Кельн

13 декабря из барака беглецов вызвали 40 человек (15 офицеров и 25 рядовых) повели в Цигенгайм и там передали в распоряжение гестапо. Цепями сковали за

руки по два человека. Малофеева сковали с Суховым (он был убит эсэсовцами 14 мая 1944 года во Франции). Повели на вокзал, посадили в пассажирский вагон и повезли на восток. Если кто хотел в уборную, то вел с собой и напарника. Привезли вечером на какую-то станцию, выгрузили и поместили в какой-то туннель, с обеих сторон закрытый железными решетчатыми воротами. Подъехали крытые машины («черные вороны»), куда их и погрузили.

Все были уверены, что пробил их последний час. Сейчас их повезут на расстрел. Попрощались. Почти что никакого страха, так как все были готовы к этому. Малофеева с Суховым вывели последними. По-видимому, в будке места были все заполнены, а поэтому им разомкнули наручники и поместили в одиночных отделениях около кабины. Здесь можно было только стоять, даже ногу согнуть было нельзя, так было тесно. Тронулись.

Вскоре по натужному гулу мотора заключенные определили, что машина поднимается на крутую гору. Вскоре их высадили и завели в какие-то длинные бараки, стоявшие на площади. Впереди огромные железные ворота с башнями по сторонам и мостом между башнями и с надписью «Jedem das Seine¹». Около ворот — две боевые пушки. Сняли цепи, пересчитали, переписали и провели в ворота. Построили у глухой стены здания, примыкавшего к правой башне ворот и выходившего фасадом наружу. Поставили лицом к стене со сложенными над головой руками. С моста над воротами на них направили пулемет и приказали стоять и не оборачиваться, не разговаривать, иначе будет открыт огонь.

Долго они так стояли. Через ворота начали проходить колонны людей в полосатой форме. Куда их привезли, они не догадывались. Потом в лагере перед воротами на площади было какое-то построение, длившееся более часа. После этого ко вновь прибывшим подошел немец в гражданском, отвел от стены, построил по трое и объа-

¹ Каждому свое (нем.).

вил, что они находятся в концлагере Бухенвальд и будут здесь вечно, если только не придут русские.

Н. Петренко, хорошо владевший немецким языком, заявил, что немецкое командование, согласно международным конвенциям, не имело права помещать их за провинности в концлагерь и что для этого существуют штрафные команды. Немец на это предложил пожаловаться «Nazi», а он такой же заключенный, как и они, только сидит в Бухенвальде с 1937 года. Он отвел их в баню, расположенную справа от ворот около крематория. В первой комнате их раздели донага и тщательно осмотрели (смотрели зубы, уши и т. д. — искали драгоценности, это у военнопленных-то?).

Карманные вещи и документы велели вложить в выданные мешочки, связать их ремнем с обувью и сдать. Малофеев вложил туда фотографии, диплом об окончании ВМАУ им. ЛКСМУ и пр. Эти вещи, кроме обмундирования, обещали им вернуть. В другой комнате сняли весь волосяной покров. В третьей два дюжих немца подхватывали каждого и бросали в бассейн с холодной вонючей дезинфицирующей жидкостью, после чего заключенные направлялись в душевой зал (комната, в которой с потолка лилась вода). Потом в длинном коридоре каждый получил полосатое белье, брюки, куртку и халат. В последнем окошке выдали одну иголку с ниткой на всех, по три красных треугольника с буквой R и по три номера. Угольник с номером нашивался на левом кармане халата, куртки и на правой стороне брюк ниже кармана. Итак, Малофеев стал теперь номером 37117. Обувь с ремнями вернули, но мешочков с карманными вещами и документами — нет.

Завели в деревянный барак, одноэтажный, разделенный поперечным коридором на две половины. Это был карантинный блок № 16. В бараке чисто, нары с бумажными мешками (матрасами) и такими же одеялами. Радиофицировано. Вечером и утром на площади перед воротами проверка. С непокрытыми головами заключенные стояли по несколько часов на дожде, ве-

тре, снеге, пока не пересчитают. Больных выносили на проверку на скамейках. Внутрелагерная администрация (Lageraltester, Капо, Blockältester, Vorarbeiter¹ и др.) состояла из политических заключенных. До 1940 года эти должности занимались заключенными бандитами (с зелеными треугольниками). В 1940 году привезли много военнопленных из Франции, Бельгии, Голландии, Польши и др. оккупированных немцами государств, бандиты не могли навести порядок, и внутренняя власть была передана политзаключенным.

В правом переднем и левом заднем углах лагеря день и ночь работали крематорий и лазарет. Бывали дни, что целые эшелоны (зимой 1943 года к лагерю подвели железнодорожную ветку) направлялись прямо в крематорий. В левом заднем углу лагеря — «научно-исследовательский институт», где производили различные опыты над заключенными. Оттуда никто не возвращался. Чешское правительство с красно-сине-белыми повязками. Старший переводчик — бывший министр иностранных дел Чехословакии Крофта². Отдельно слева за колючей проволокой находились румынские заложники, там же — генералы Гамелен³, Жиро⁴, Делапье. Лагерь был обнесен несколькими рядами проволоки, часто стояли сторожевые баш-

¹ Старший по лагерю, капо, старший по блоку, бригадир (нем.)

² Крофта (Krofta) К. (1876–1945) — чехословацкий государственный деятель, историк. В 1936–1938 годах — министр иностранных дел Чехословацкой Республики. В 1940 году заключен немецкими оккупантами в концлагерь, откуда освобожден в 1945 году.

³ Гамелен (Gamelin) М. Г. (1872–1958) — французский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны. Во время режима Виши в сентябре 1940 года арестован и осужден за предательство на Риомском процессе, инициированном правительством маршала Петена, наряду с другими политическими и военными деятелями Третьей республики и позднее депортирован в Германию, где находился в концлагере.

⁴ Жиро (Giraud) А. О. (1879–1949) — французский политический и военный деятель, армейский генерал. С началом Второй мировой войны командовал 7-й, а затем 9-й армией. В мае 1940 года попал в плен.

ни. Днем и ночью горело электричество, рядом союзники бомбили Веймар и Эрфурт, но освещенный Бухенвальд не бомбили. (Первый раз на Бухенвальд сбросили бомбу в августе 1944 года, тогда под эту бомбежку эсэсовцы убили Тельмана¹.)

Днем заключенные работали в карьере, военных мастерских и заводах «Густлов-Верке». Убивали за все: за то, что не понимаешь немецкого языка, за то, что понимаешь немецкий язык, за то, что эсэсовцу не понравился твой взгляд или лицо. Жена коменданта Ирма Кох брала заключенных на квартиру, загоняла под койку и там убивала. А то брала нескольких заключенных, заводила в конюшню, садилась на лошадь и, кружа, на скаку упражнялась в стрельбе по заключенным из пистолета.

На работе заключенные, чтобы немного отдохнуть, собирались в уборной. Там дежурил эсэсовец Шмидт, и когда выслеживал там большую группу, заходил, ставил всех лицом к стене, заставлял снимать штаны и зимой обливал ледяной водой из брандспойта. Однажды днем подошел к троим заключенным, которые пилили дрова. Одного из них он заставил залезть на дерево, а двух других — спилить его. Дерево рухнуло, и заключенный поляк разбился насмерть.

Шефом лагеря был сам Герман Геринг, и мастерские работали на авиацию. Комендантом лагеря с 28 января 1942 по апрель 1945 года был оберфюрер СС Герман Пистер.

Первый (с 1937 года) побег из лагеря совершил русский в 1942 году. Каким образом — не известно, но удачно. Другой побег совершила группа немецких коммунистов. Они убили нескольких офицеров из проверявшей

¹ Тельман (Thälmann) Э. (1886–1944) — деятель германского и международного рабочего движения. В августе 1944 года был доставлен в концлагерь Бухенвальд и убит по прямому приказанию Гитлера и Гиммлера.

комиссии, переоделись в их форму и на их же автомашины выехали из лагеря.

В лагере кроме политзаключенных содержались бандиты (они имели зеленые треугольники и зеленые треугольники с буквой S — Schwere¹), саботажники (черные треугольники), священнослужители (фиолетовые треугольники) из различных стран Европы.

В лагере порядок идеальный. За воровство (что было обычным в военнопленных лагерях) — смерть от своих же товарищей. За обмен хлеба на курево избивали и покупателя, и продавца. Утром блокковые сообщали новости (уже в Кельне Малофеев узнал, что работавшие в мастерских по частям перенесли и смонтировали на дне мусорного ведра радиоприемник).

Говорили, что однажды советский генерал бежал из крематория, ему нашили номер умершего и этим спасли жизнь. Ходили слухи, что через лагерь транзитом перевозили мать героя Гражданской войны А. Железняка. После нового, 1944 года в лагерь привезли и поместили в 16-й блок 90 югославских партизан. Малофеев подружился с некоторыми (с Владо Фарланом, братьями Гуина и др.) и впоследствии работал с ними в одной бригаде.

В первый день после прибытия Малофеева в лагерь двое югославов, бывших офицеров царской югославской армии, обратились к блоковому Гансу Шеферу (они не знали, что он такой же заключенный) с просьбой посодействовать им в поступлении в СС, так как они среди партизан случайные люди. Ганс им объяснил, что это очень просто, стоит лишь написать заявление, а он передаст по инстанции. Оба здесь же написали такие заявления. Ганс передал их лейтенанту Петренко, чтобы тот сообщил о предателях признанным вожакам югославов (были у них и такие, пользовавшиеся большим авторитетом).

¹ Тяжесть (нем.). То есть имеются в виду лица, совершившие особо тяжкие преступления.

Однажды утром после аррел'а (проверки) югославы задержались у входа в барак. Вверх полетели колодки. Через несколько секунд все вошли в барак, а у входа остались лежать оба бывших офицера югославской армии и Бродкин.

После карантина русских перевели в каменные двухэтажные блоки. Малофеев попал в блок 40. Старшим блока был пожилой поляк. Его сын работал в крематории.

До 1940 года из Бухенвальда заключенных никуда не отсылали. Теперь же их развозили по разным «транспортам». В частности, самым страшным был транспорт «Дора». Заключенные делали все возможное, чтобы туда не попасть (рубили пальцы рук). По слухам, это был филиал Бухенвальда по обслуживанию подземных заводов, где изготавливались летающие снаряды ФАУ. Оттуда в лагерь никто никогда не возвращался (кроме трупов для сжигания в крематории, но и «через трупы» подпольщики имели друг с другом связь). По прибытии в лагерь заключенных стригли наголо. Когда волосы немного отрастали, машинкой от лба (посередине) через всю голову простригали полосу — называемую заключенными Hitlerstrasse¹. Еще через некоторое время обстригали обе половины головы, оставляя посередине «гитлеровскую автостраду», выделявшуюся теперь хохолком. И так продолжалось снова и снова.

Провинившихся по радио вызывали к воротам (поляки объявляли: «Хлопаки, кто не мае нумерку... до брамы, два деща пенч на голу дупу»²), где стоял специальный станок. Заключенного на него клали, привязывали вниз лицом и давали 25 ударов специальными плетями из бычьих жил. Но это было все же лучше, нежели попасть в «институт» или крематорий.

¹ «Улица Гитлера» (нем.).

² «Парни, у кого нет номерков... к воротам, двадцать пять ударов по голой жопе».

В конце января 1944 года Малофеев был направлен на транспорт «К» в город Кельн. Его друзья — Бибилов, Квашко и Фриз остались в Бухенвальде, и об их судьбе до 1958 года он ничего не слышал. (В 1958 году Малофеев встретился с Бибиловым и Фризом, а с Квашко они обменялись письмами.)

Филиал Бухенвальда в Кельне располагался в здании международной автомобильной выставки на берегу Рейна. Квартал был оцеплен густой сетью из колючей проволоки. Часто расставлены предупреждающие знаки: «Запретная зона». (У ворот ежи, надолбы.)

Недалеко от ворот — красивый цепной мост через Рейн — Гогенцоллернбрюкке. За широким Рейном напротив лагеря выделялся величественный, красивый кельнский собор, поврежденный в 1943 году авиацией союзников. (Одна бомба пробила крышу здания, и немцы в прессе завопили: Terrorangriff¹ на памятники истории. А что сами делали в других странах?)

В Кельне Малофеев встретил двух земляков — военнопленного Василия Курбатова (он был взят в плен у Кантемировки) и угнанного в Германию Николая Майорова, оба были из Лисичанска. Большинство заключенных работали на расчистке улиц, разбомбленных в мае 1943 года. Рабочие кварталы Кельна были очень сильно разрушены. Там, где раньше были улицы, лежали сплошные груды кирпича, редко в таких кварталах остались стены. Видимо, бомбы были большого калибра. Прошло 10 месяцев со дня большой бомбежки, а на развалинах было еще много воткнутых сосновых веток, это указывало, что под ними находятся трупы. Часть заключенных (Bombokommando) ездили извлекать неразорвавшиеся авиабомбы в окрестностях Кельна и других городов.

Интересно, что автозавод Форда союзники не бомбили и на его территорию попали лишь несколько случайных бомб. Завод «Гумбольдт, Колькнер, Дейтц» был повреж-

¹ Террористическая атака (нем.).

ден частично. Малофеев первое время работал на расчистке улиц.

Впервые здесь он испытал на себе сочувствие гражданского населения к заключенным. Проходя мимо работавших заключенных, немцы оставляли хлебные карточки и показывали, где они их кладут. Денег в развалинах домов заключенные находили много. Подвалы со съестным также были их трофеями. Находили и драгоценные вещи, но уничтожали их или выбрасывали, так как все равно при обыске на воротах их обнаруживали и принесших избивали. В магазинах они бывали только тогда, когда их охраняли солдаты ПВО (Luftwaffe).

Несколько раз Малофеев работал в команде по расчистке разбитого мясокомбината. При подходе к комбинату по бетонированному туннелю под железнодорожным полотном первый раз увидели большими буквами надпись: «Rot Front»¹. Здесь под обломками в цехах иногда удавалось находить баки с жиром, внутренностями, а иногда и с салом. Эсэсовцы из охраны сами часто посылали заключенных по подземным туннелям в цеха, где под обломками, как они знали, было сало, брали его и прямо необернутым прятали на голом теле под мундирами. В этих случаях на воротах лагеря обыск был не строгим. Среди эсэсовцев было много югославских немцев, но были и югославы (например, Бондаренко — видимо, русский эмигрант). В Кельне ели в нижнем зале за длинными столами. Здесь за столом Малофеев подружился с Андреем Оленичем, который и взял Малофеева в команду на мясокомбинат.

Однажды в Кельнский филиал привезли пополнение из Бухенвальда. Из этой группы Малофеев подружился с немцем по имени Рихард (его прозвали Гришей). Он был механиком на транспорте на Балтике. Команда готовилась к побегу на своем судне в Англию. Кто-то их предал, и вся команда была арестована. Рихард был в это время в

¹ «Красный фронт» (нем.).

отпуске, его арестовали в Берлине и из тюрьмы отправили в Бухенвальд. Сильно избили.

Однажды, работая по расчистке города, солдат-зенитчик взял Малофеева и одного поляка и повел их к эвакуированному из Познани, где заставил очистить колодец. Беженец хорошо говорил по-польски. Видимо, хорошо угостил солдата, потом солдат стал у ворот наблюдать за улицей, а заключенных позвали в дом и хорошо накормили. Малофеев был такой иссохший, что не верили, что он военнопленный, считали, что он угнанный с оккупированной территории подросток. Малофеев в разговорах с охраной стал говорить, что он гражданский, попал в концлагерь за побег. Этим он старался усыпить их бдительность: за военнопленными они наблюдали более строго, так как прежде всего от них ждали побегов.

Лагеря в Северной Франции. Гесдин и Доуленс

В марте 1944 года в Кельн прибыл эшелон заключенных из концлагеря в Нойгамме около Гамбурга. К ним присоединили часть заключенных бухенвальдовцев и отправили во Францию. С этой группой увезли и Рихарда. Через несколько дней, 19 апреля 1944 года, из Кельна туда же направили еще один эшелон заключенных, и Малофеев попал в эту группу. Французов и владевших французским языком во Францию не брали.

Пока эшелон маневрировал по железнодорожным путям Кельна, пьяные эсэсовцы упражнялись в стрельбе из движущихся вагонов по электрическим лампочкам на столбах. Упражнялись в стрельбе и по вагонам, тогда жертвами их жестокого самодурства становились заключенные. Эшелон следовал через Голландию и Бельгию. В Голландии на равнинных лугах было много скота,

особенно рябых коров. Красивая местность, много ветряков. Вокруг видно на десятки километров. Железные дороги на высоких насыпях. Привезли в Северную Францию в местечко Гесдин в департамент Па-де-Кале. Ближайшие города — Аррас и Амьен. Встречалось очень много кладбищ с черными мраморными крестами — там были похоронены немцы, погибшие в Первую мировую войну.

В Гесдине заключенных поместили в лагерь в казармах бывшей французской наполеоновской кавалерийской части. На вторых этажах были жилые комнаты, на первых — конюшни. Большой плац. Все огорожено густой колючей проволокой. У ворот находилось небольшое здание для эсэсовцев из охраны, слева во дворе — длинные двухэтажные казармы, справа — плац. Здесь уже были заключенные, привезенные из Кельна ранее. Очень высокие стены заборов с надстроенным колючим ограждением. В задней части двора находился большой гараж.

Прямо к казармам примыкали дома французов. Окна вторых этажей казарм находились на уровне чердачных окон и крыш французских домов. Иногда это было удобно для перебрасывания записок и даже переговоров. Связи с внешним миром наладил белорус Фома (Томаш) Кириллов, который до 1939 года жил во Франции в этом же департаменте, где его отец работал на шахте. Когда Западная Белоруссия стала советской, семья вернулась на родину, и до начала войны он учился в 7-м классе. Из соседнего чердака ему отвечали две девушки, Симона и Одетта. По заданию подпольного центра Малофеев подстраховывал его.

Отлично владея французским языком, Кириллов бежал из команды, которая работала во дворе у бургомистра (или мэра). Говорили, что сам бургомистр помог ему бежать. Когда Малофеева привезли в Гесдин, то французам объявили, что привезли заключенных уголовников и бандитов со всей Европы и общаться с ними строго запрещалось.

Но французы скоро узнали, что они за «бандиты», и всячески им помогали: когда заключенных проводили по местечку, то из окон бросали булочки и разные свежие продукты. Старшим в лагере (Lagerältester) был Ганс Шефер, руководитель Кассельской областной коммунистической организации. В лагерях с 1933 года. Среди капо — бандит с зеленым треугольником, Эмиль, и бывший военный летчик, Эрих. Сидел более 20 лет. Правительства менялись, а он продолжал сидеть.

В первый же день Малофеев встретил Рихарда. Люки — его друг. Здесь он Vorarbeiter¹ команды «гараж», которая ремонтировала автомашины. Рихард взял к себе Малофеева, объявив коменданту, что Малофеев хороший автоспециалист. В команде был танкист старший лейтенант Яша Лебедев, который и обучал Малофеева автоделу.

Рихард же научил Малофеева, как в случае необходимости быстро вывести из строя мотор уколom иглки в бобину и пр. В команде был и поляк, хороший товарищ. Однажды эсэсовцы взяли Рихарда в Гесдин и предложили отремонтировать маленький «оррел», Рихард сказал, что сможет его отремонтировать только с помощью Лебедева и Малофеева. С тех пор они втроем ремонтировали этот «оррел» под охраной только одного эсэсовца.

Решили бежать на этой машине. Когда машина была готова, предложили охраннику ее опробовать без капота. Заранее договорились, что за руль сядет Рихард, а с охранником сзади сядет Лебедев, как самый сильный. Охранник согласился. Рихард сел за руль, рядом Малофеев. Сзади эсэсовец с Лебедевым. Конвоир автомат держал за чеку. Выехали из гаража и помчались по хорошему шоссе к побережью. В пути Лебедев должен был схватить конвоира за автомат и вместе с Малофеевым на ходу прикончить его. Машина открытая, без капота мчалась по шоссе в сторону моря.

¹ Бригадир (нем.).

Километрах в двадцати им встретился комендант лагеря оберштурмбанфюрер и его помощник штурмбанфюрер Кокущинский, ехавшие навстречу на бронемашине. Они потребовали остановить машину, накричали на конвоира и приказали ехать обратно перед ними. Теперь, под охраной телохранителей коменданта, о побеге не могло быть и речи.

Вернулись обратно, сдали отремонтированную машину. После этого случая их за пределы лагеря не выводили. Ночью 20 апреля 1944 года в лагере отпраздновали день рождения Тельмана, выступил Ганс Шефер, потом пели «Интернационал» каждый на своем родном языке.

Однажды ночью в начале мая Ганс Шефер позвал Малофеева к себе в отдельную комнату. Была темная-темная весенняя ночь. Привел Малофеева молодой парнишка-переводчик из Львова, Иван Карняк (он был расстрелян в Доуленсе 1 июля 1944 года), сын львовского врача (расстрелянного немцами в 1941 году). Ганс распахнул окно, обернулся к Малофееву и спросил: «Александр, ты хорошо понимаешь по-немецки?» — «Да». — «Тогда мы останемся вдвоем», — и Карняк вышел. «Ты морской офицер?» — «Да». — «И коммунист?» — «Да, я считаю себя коммунистом, хотя до плена я был комсомольцем!» — «Я к тебе присмотрелся и верю тебе, но знай, что если наци узнают о сегодняшнем разговоре, наша с тобой жизнь будет оборвана. Я не пугаю тебя, но предупреждаю».

Малофеев не знал, о чем будет речь, смутился и ничего не ответил. Но Ганс сразу же приступил к разъяснению, зачем он его позвал. Начал он с высказываний Энгельса и Ленина по военным вопросам, хорошо знал историю Компартии СССР. Хорошо разбирался в военных делах, особенно в уличных и баррикадных боях.

Он рассказал, что в концлагере хотят создать военную организацию, к руководству которой необходимо привлечь имевшихся среди заключенных офицеров, что союзники скоро откроют второй фронт на атлантическом

побережье, что немецкое командование усиленно готовится к отражению вторжения союзников: везде на перекрестках строят железобетонные бункеры, на равнинных участках против парашютистов в землю вбивают острые колья, подводят резервы. Надо быть готовыми к тому, чтобы в нужный момент взять руководство лагерем в свои руки, разоружить охрану и выдержать бой с малочисленным гарнизоном Гесдина.

Здесь будут действовать французские патриоты (*маки*¹), с которыми необходимо связаться. Основное ядро уже есть. Военный руководитель организации — Александр Некрасов, политический — Ганс Шеффер. Малофееву, дружившему с поляками и югославами, Ганс поручил вести работу среди них. Ганс сообщил Малофееву, что русские против использования польских офицеров в организации и спросил его мнение об этом. Малофеев никого из польских офицеров не знал, но знал некоторых пэпэсовцев (членов Польской социалистической партии), пользовавшихся авторитетом среди русских и поляков, например Марьяна Кубицкого (он познакомился с ним, занимаясь ремонтом, тот обыкновенной скрученной тряпкой делал красивый покот² в комнатах. Еще он делал фокус с яйцом — находил его во внутренних карманах эсэсовцев, оно падало ему в ладони и из носа, если он по носу стучал палочкой). Кубицкий был бывшим редактором газеты ППС³ и разделял взгляды коммунистов. Но большинство поляков были националистами, о чем Малофеев и сказал Гансу, и добавил, что в целом разделяет мнение русских товарищей, но считает, что в последний, решительный момент на поляков можно будет положиться.

¹ Маки (от *фр.* *maquis* — заросли вечнозеленых колючих труднопроходимых кустарников) — одно из названий отрядов французских партизан в годы Второй мировой войны.

² Чердак. Здесь, предположительно, украшения на потолке.

³ PPS, Polska Partia Socjalistyczna — Польская социалистическая партия (см. выше).

Ганс Малофееву сообщил, что он назначается помощником командира батальона «шустера» Василия, работавшего в мастерской по починке обуви, через которого Малофеев должен держать связь. Больше никого из членов организации Малофеев не знал. Малофеев поклялся весь разговор держать в тайне и на следующий день встретился с Василием. Василий объяснил ему его задачи.

Личный состав батальона находился в комнатах левой части казармы, они и не подозревали о своей принадлежности к военной организации. Среди этих людей Малофеев должен был завоевать авторитет, чтобы в решительный момент они пошли за ним на все. После работы в этих комнатах всегда можно было видеть Малофеева или Василия, беседовавших то с русскими, то с поляками, и сообщавших незаметно фронтовые новости.

Вскоре гаражную команду разогнали, и Малофеева сначала послали на строительство бункеров, а потом немецкие товарищи устроили его уборщиком лагеря, что было удобно для работы в подпольной организации. 6 июня 1944 года союзники высадили в Нормандии свою армию вторжения. Заключенных из Гесдина перевели в средневековую крепость Доуленс. Крепостные стены крепости были высотой 15–20 м из красного кирпича, обросшие в некоторых местах вьющимися деревьями, кое-где разрушенные временем. Крепость была окружена глубоким каналом без воды. С поселком крепость соединялась подъемным мостом, но им не пользовались, в стене имелись еще одни ворота, сделанные в проломе крепостной стены на дне канала, туда была проложена шоссейная дорога.

Заключенных поместили в казармах, примыкающих к стене со стороны поселка. В остальной, большей части расположилась немецкая мотомеханизированная воинская часть. Рядом с казармами для заключенных, у ворот, находилась часовня с надписью «год построения 1240».

Малофеева с командой водили строить доты на огородах и улицах поселка. Старик-югослав с большой шишкой

на голове, по профессии каменщик, учил команду, как сделать, чтобы дота недолго простоял.

Начальство лагеря в чем-то заподозрило Ганса Шеффера, сняло его с Lagerältester¹. Лагерным старшим назначили «гауптмана» — пожилого глухого немецкого политзаключенного капитана.

Ганса послали в бомбокоманду. 14 мая 1944 года команда отрыла невзорвавшуюся бомбу. Команду увели в укрытие, а Ганс с солдатом-фейерверкером остался, чтобы подготовить бомбу к взрыву. Вскоре раздался взрыв. Когда подошли к месту взрыва, там не оказалось ни Ганса, ни солдата — оба они погибли.

Однако на месте взрыва не было найдено ничего, что бы подтвердило их гибель. На следующий день на месте взрыва уже валялись куски обмундирования. У заключенных сложилось впечатление, что Ганс вместе с солдатом скрылись. (В 1958 году Малофеев встретил в Москве бывшего заключенного Бухенвальда, немца Вальтера Бартеля, бывшего тогда директором Института современной истории при ЦК СДПГ в Берлине, который подтвердил гибель Ганса Шеффера.)

Вскоре после гибели Ганса Шеффера из лагеря бежали электрик Толя Бандолетов с чешским врачом Юзефом, советским моряком и еще с двумя товарищами. Они по крепостной стене спустились на телеграфном проводе в обводной канал. Последним спускался моряк. Провода оборвались, он упал и повредил ноги. Успел с помощью товарищей отползти в сторону от крепости, но днем был обнаружен и посажен в карцер. Был пойман и чешский врач Юзеф, который принял яд, как только его схватили. Через несколько дней из карцера бежал наш матрос с перебитыми ногами, проломив стену карцера. Говорили, что ему помог эсэсовец-югослав вместе с поляком-кузнецом Эдиком. На месте взлома были найдены инструменты, в изготовлении которых обвинили поляков,

¹ Старейшина лагеря (нем.).

работавших в лагерной кузнице. На самом деле эту помощь ему оказала подпольная организация, в которую входили и польские товарищи. Потом арестовали Павлика Потоцкого — очкарика-студента Киевского университета, поставили на целый день под водосточную трубу, целый день шел дождь, а вечером, как говорили эсэсовцы, повесили.

В сентябре 1978 года в Ленинграде на встрече защитников Моонзунда Малофеев у своего товарища по Моонзунду Л. С. Михейкина (брата писателя-мариниста Е. Юнга) случайно увидел и прочитал книгу «Люди, победившие смерть». Автором одного рассказа о французском филиале Бухенвальда оказался П. П. Потоцкий, проживавший в Ленинграде. Товарищи помогли с ним встретиться. Потоцкий рассказал, что тогда ночью его с больными заключенными отправили в Бухенвальд. От него Малофеев узнал и адрес Томаша Кириллова, который жил в Польше. Так через 34 года возродилась дружба, начавшаяся в подполье Бухенвальда.

Еще поймали товарища из Руанского филиала. Он бежал в группе из 20 человек. (В Англии участники этого побега — каракалпак Хаджимуратов, Андрей Оленич, Соколов, Алдонин — рассказали Малофееву, как было дело.)

Из лагеря в Руане на сооружение артиллерийских зенитных позиций зенитчики брали 20 заключенных. Старшим команды был лейтенант Хомутов, знавший немецкий язык. В свою команду он постепенно подобрал смелых русских ребят. Кончали работу они в 5 часов вечера, а в 4.30 за ними уже приезжала машина с унтером. Договорились разоружить охрану. Для этого Хомутов выделил пять наиболее сильных человек (по числу охранников), которые по команде «время» должны были одновременно подойти к охранникам и попросить прикурить. Долго репетировали, чтобы приучить охранников к тому, что к ним одновременно подходят с просьбой прикурить несколько заключенных, и усыпить их бдительность.

Выдался удачный момент. По команде Хомутова «время» пять заключенных с сигаретами подошли к солдатам, чтобы прикурить. Солдаты к этому уже были приучены, переложили автоматы из правых рук в левые и полезли за зажигалками. В это время натренированными движениями заключенные схватили солдат, стянули в котлован, раздели и связали. Охранников не убили (и даже сунули им в зубы сигареты), так как за каждого убитого солдата в лагере вешали 40 человек. 5 человек оделись в немецкую форму, сели на места солдат, а заключенные продолжали работать, поджидая автомашину. В 16.30 подошла машина. Хомутов подошел к ней и сказал унтеру, что они приехали рано. Унтер открыл кабину и полез за часами. Хомутов схватил его за шею и рывком выбросил из кабины. Унтер крикнул «Posten!», но «часовые» уже подбежали с автоматами к машине и окружили ее. Связали унтера и шофера и присоединили их к лежавшим в котловане. Андрей Оленич сел за руль, а Хомутов в форме унтер-офицера рядом, остальные, как обычно, расположились в кузове и выехали на шоссе.

Поехали в противоположную от Руана сторону. На шоссе было сильное движение, но никто не обращал внимания на ехавших под охраной солдат заключенных. В одном месте наскочили на ограждающие столбики и повредили крыло. Солдаты соскочили и выправили его. (У солдат из-под шинелей выглядывали полосатые брюки.) Поехали дальше. Свернули в сторону, вывели из строя машину, разделились на группы по числу винтовок и разошлись.

Одна из групп оказалась в лесу недалеко от Доуленса. Двое на одну винтовку. Один из них отдыхал, другой брел по лесу. Вдруг встретил двух солдат с офицером. Ошарашенные внезапной раздавшейся из куста командой «руки вверх!» солдаты подчинились. Заключенный забрал оружие и бросил его в кусты, солдат он отпустил, а офицера повел вглубь леса, в чащу. Он решил застрелить его. По-

¹ «Часовые!» (нем.).

ставил к дереву, прицелился, но выстрела не произошло. Пока перезаряжал, офицер выхватил браунинг (он сдал только «парабеллум»), выстрелил и ранил беглеца. Его привезли в лагерь в Руане, мучили, добиваясь, чтобы он сказал, где остальные, но он своих товарищей не выдал, и его повесили.

Во дворе лагеря в крепости вырыли много щелей, куда прятались во время воздушных налетов. Как-то команда, в которой работал Малофеев, возвращалась в лагерь. Американский самолет снизился над крепостью и начал обстреливать территорию, где находилась немецкая воинская часть. Все из команды бросились в щели у ворот концлагеря. Малофеев прыгнул и упал прямо на голову эсэсовца, который сидел в щели. Тот не предпринял ничего, пока длился обстрел, и он был защищен сверху телом Малофеева. Но когда самолет улетел, эсэсовец расхрабрился и избил Малофеева ногами в сапогах.

Вечером из лагеря бежали Александр Некрасов и Максим Хлебников (русский из Латвии, до 1938 года учился в университете в Кенигсберге, оттуда и был заключен в концлагерь). Из руководителей созданной Шеффером и Некрасовым организации остались немногие. Тогда руководство организацией взял на себя «центр 12», состоявший из заключенных в концлагере в Нойгамме.

Однажды в лагерь приехал какой-то проверяющий эсэсовский чин. Охрана встретила его с почестями. Было время вечерней проверки. Ротенфюрер Шлебина (так прозвали одного эсэсовца), как обычно, командовал: «Mutzen ab! Augen rechts»¹, и все повернули головы направо.

От ворот шло лагерное начальство, а впереди шествовал проверяющий. Он подошел к заключенным и стал с ними беседовать на немецком, польском и русском языках. Спрашивал, кто за что избит, как тот или иной попал в лагерь. Лагерное начальство держал от себя на удалении. Через час после его отъезда в лагерь приехали несколько

¹ «Снять шапки! Равнение направо!» (нем.).

грузовиков с эсэсовцами на поиски посетившего лагерь «инспектора». Охранники говорили, что это был английский шпион.

Провинившихся заключенных в крепости расстреливали или вешали. Многим на лбу купоросом выжигали слово *Bandit*, которое оставалось на всю жизнь. На воротах обыскивали и забирали все.

Брали заключенных и на работу по восстановлению разрушенных авиацией союзников стартовых площадок для запуска ФАУ-1 и ФАУ-2. Несколько раз из любопытства пытался пойти туда и Малофеев, но каждый раз из тех команд его выгоняли. (Он был слабым, невзрачным доходягой.)

Товарищи, которые там бывали, говорили, что площадка представляла собой бетонированный круг радиусом 7–10 метров, по краям которого масляными красками были нанесены градусы. В центре площадки стояла катапульта. Сама ФАУ-1 — это снаряд в виде самолета с маленькими крыльями. Состояла из двух свинчиваемых частей, их привозили автомашинами. Собиралась она на тележке, в заднюю часть заливался бензин из бочек. Замер горючего производили деревянной рейкой с делениями. Цвет светло-коричневый, с желтоватым оттенком. Собранный снаряд вместе с тележкой помещался на катапульту. Зажигалось горючее, и снаряд с тележкой катапультировались в заданном направлении. Тележка метрах в 30–50 отделялась и падала на землю, а снаряд продолжал лететь уже своим ходом. Из его задней части вырывались снопы искр. Летел он со скоростью истребителя (500–700 км в час) и с роко-чущим звуком.

В середине июля 1944 года большую часть заключенных перевели на фосфатную шахту в Бувале, вблизи крепости Доуленс. В одной из штолен оборудовали нары и там разместили заключенных. Днем они работали на шахте, а на ночь их запирали в штольне. Небольшая группа работала и в ночную смену.

Ночью убежать из штольни было невозможно. Массивные двери закрывали ее вход, а у входа стояли часовые с пулеметами. Мастерами на шахте были немецкие солдаты из саперных частей. Фосфат из шахты вывозился маленькими паровозиками, которые обслуживались гражданскими французами. Шахта представляла собой огромный котлован, на его дне было несколько штолен, в которых и работали.

Первое время Малофеев работал в команде, разгружавшей вагонетки с породой на дне котлована. Там был интересный мастер — ефрейтор Отто Беккер. Сначала он ничем не отличался от других, кричал, иногда даже на виду эсэсовцев бил.

Но вот он на несколько дней съездил в Берлин в отпуск, и после этого его нельзя было узнать. Он привез фотографии разрушенных улиц Берлина, где-то на востоке пропал его сын (Отто Беккер дал Малофееву свой Берлинский адрес: Berlin. Ost-17. Großefrankfurter straÙe-71). И его отношение к военнопленным резко изменилось. Когда вблизи не было эсэсовцев, он сам предлагал «работать мало-помалу». Часто разговаривал с молодым русским парнем (по-моему, его звали Виктор Солдатов, курсант ВМАУ им. ЛКСМУ), немного говорившим по-немецки.

Однажды он удивил Малофеева. Разговаривая с Виктором, он подозвал Малофеева и сказал: «Алекс, я спросил Виктора, кто победит в этой войне, он мне ответил, что русские. А я ему говорю, что мы, а он не соглашается». Малофеев опешил: «Кто это — вы?» Беккер улыбнулся и сказал: «Мы все, рабочие», — и обвел рукой шахту.

После этого Малофеев его не опасался и всегда узнавал от него все новости. Беккер сообщил ему и о том, что эсэсовцы на островах Ла-Манша, отступая, уничтожили заключенных бухенвальдовцев, приколов их кирками к деревьям. Сообщил, что такая же участь может постигнуть и заключенных в Бувале, эсэсовцы при отходе в Германию могут их всех уничтожить. И даже как-то туманно намекнул, что они, солдаты, этого эсэсовцам не позволят.

Этим намеком он дал понять, чтобы мы готовились к самозащите. Это был ценный сигнал.

На шахте Малофеев сдружился с майором Иваном Доценко. Доценко был одним из руководителей подполья.

Однажды ночью из ночной смены бежали Яша Лебедев с маленьким цыганом Мишей. Работали они в штольне с уклоном в сторону котлована. Наклоненные вагонетки из штольни вкатывались в котлован на тормозах. Вход в штольню охранялся несколькими эсэсовцами. Яша с цыганом забрались в крайнюю от выхода вагонетку, сели в нее, отпустили тормоза и вихрем помчались к выходу. Охранники шарахнулись в сторону, а вагонетка по колее свернула на террасу, уступом выдававшуюся по всему полукругу котлована на середине его высоты, и умчалась в противоположную сторону. Там они выскочили, поднялись по откосу вверх и скрылись в ночной темноте. Пока была поднята тревога, они благополучно скрылись.

Днем вокруг котлована стояло много часовых. Они помещались в часто расставленных перевернутых набок вагонетках (шульдах), а ночью охранялись только штольни, так как в котловане ночью не работали.

Вскоре Малофеева перевели в бригаду, которая разгружала вагонетки с фосфатом на поверхности. В бригаде работало шесть югославов и четверо русских. Югославы были очень дружными ребятами. Очень уважали И. Тито и много спорили по вопросу, кто он — серб или хорват? Сербь говорили, что Тито серб, хорваты — что хорват.

Вагонетки из шахты вывозили паровозиками. Молодой машинист по имени Леон Бланшард всегда сообщал заключенным новости. Однажды он спросил у югославов: «Кто из вас Малофеев?» Югославы указали. Выбрав момент, когда Малофеев у паровоза был один, машинист сказал ему, что Доценко и Малофеев должны приготовиться к побегу, а его способ и время он сообщит им в день побега. Доценко в «кипкомандо» работал непостоянно.

Прошло несколько дней. Больше никаких разговоров с французами о побеге не было, и Малофеев, сообщивший Доценко о своем разговоре с машинистом, посчитал, что это было сказано не в серьез и непонятно с какой целью.

Однажды Доценко сказал Малофееву, что его берет к себе в команду капо, который руководил погрузкой фосфата в вагоны на железнодорожной станции, где французские женщины находили способы передавать заключенным продукты. В этот же день, за полтора часа до окончания работы (работа наверху кончалась в 17.00), француз знаками показал Малофееву, чтобы тот подошел к паровозу.

Выбрав момент, Малофеев подошел к паровозу, делая вид, что он отбрасывает куски породы, попавшие на рельсы под паровоз. Когда Малофеев был напротив кабины машиниста, тот спросил его на немецком языке (он был в плену у немцев и сбежал), где Доценко. Малофеев ответил, что Доценко на станции. Тогда Леон сообщил, что в этот день (это было 16 июля 1944 года) они должны бежать: «Раз нет Доценко, беги один. Заходи в котельную, полезай в правую топку, пробирайся в правый угол и становись в дымоходную трубу. Ночью, когда караульные посты будут на ночь сняты, выходи и пробирайся вон на ту ферму на возвышенности и постучись в маленькую калитку около ворот. Три резких удара и после этого частые удары. Там тебя встретят. Все».

Рядом, где разгружались вагонетки, находилось помещение, в котором когда-то была паровая машина, ее использовали, чтобы тросом вытаскивать вагонетки из карьера. Машины в это время там не было. Помещение было свободное. В правом дальнем углу были сложены мешки с цементом. В крайнем правом углу находилась яма, в которой были две топки, закрытые железными дверцами. Пол был устлан железными плитками. В дальнем левом углу часть плит была снята и там обнажена обсадка глубокого колодца, из которого, по-видимому, качали воду для паровой машины. Диаметр кирпичной обсадки был больше

метра. Рядом было вырыто углубление и в обсадке пробито маленькое отверстие, по-видимому, кто-то интересовался, что это за зацементированный купол.

Малофеев уже успел исследовать это помещение, заглядывая в топки, бросал камушки в колодец. Обдумывая способ побега, он не находил никакой возможности там надежно спрятаться. В топку ведь не пролезешь, прикидывая на глаз. «В топку я не смогу пролезть!» — заметил он французу. «Пролезешь», — авторитетно заявил тот. «Ну что ж, рискну!» — подумал Малофеев, возвращаясь к своим товарищам и вагонеткам. Времени для раздумий осталось мало, риск был большой, а Малофеев был уверен, что в топку он не пролезет.

В это помещение ходили оправляться. Малофеев волновался, нервничал. Он не курил, но попросил у югославов сигарету («Дуван залулу») и пошел к самому вредному эсэсовцу попросить прикурить. Эсэсовец обозвал Малофеева «Schweinehund¹», но прикурить дал.

За полчаса до конца работы Малофеев направился в котельную. К своему изумлению, там он увидел русского заключенного Сашку-сибиряка. Тот сидел и обрабатывал кольцо. Он был замечательным мастером по изготовлению колец из серебряных монет, которые он делал для немцев за хлеб и сигареты. Что делать? Бежать можно было только сейчас. Ночью Малофеева будут ждать на ферме. Эх, была не была: «Саша, бежим сегодня со мной!» — «Как?»

Малофеев указал на топку и объяснил как.

«Ты что, жить не хочешь? Нет, я рисковать не хочу. Если уж бежать, так наверняка, надо все предусмотреть. Здесь уверенности в благополучном исходе всего 1 % из 100».

«Продашь?» — со злобой спросил Малофеев.

«Нет, я сибиряк и солдат. Во мне можешь не сомневаться. Прости, но я рисковать боюсь. Вот тебе на доро-

¹ Сволочь, собака, собачье (нем.).

гу», — и с этими словами он достал из сумки кусок хлеба, вручил его Малофееву, пожал руку и вышел.

Малофеев спустился в яму к топкам, открыл правую дверцу и посмотрел внутрь — узко. Делать нечего, он быстро наклонился к топке и сначала ногами, а потом и всем корпусом задом наперед втиснулся в топку. Прикрыл руками дверцу и пополз к дымовой трубе, оба хода соединились, и ползти стало совсем свободно. Невдалеке дымоходной трубы правой рукой Малофеев нащупал ответвление туннеля направо и решил его исследовать. Туннель шел вдоль помещения. Малофеев теперь полз головой вперед. В лицо подул свежий ветер. Малофеев прополз, видимо, через все помещение, и туннель завернул налево. В конце туннеля виднелось светлое пятно. Когда он подполз поближе, то увидел через пролом в стене колодца просвет. У колодца был еще один ход, снова влево. Малофеев прилег за уступом. Если будут в пролом светить фонарями, то его не увидят. Отчетливо были слышны разговоры работающих рядом югославов.

Первое возбуждение прошло, и Малофеев начал успокаиваться. Все стихло, рабочий день наверху был окончен, и все спустились вниз. Мысленно Малофеев стал отсчитывать время. Вот собрались все команды. Проверка. Полчаса считают. Одного Heftling (заключенного) нет в строю. Проверяют в штольне нары. Там никого нет, больных вынесли на Appelplatz. Отсутствует № 37117.

Сейчас первую пощечину получит капо Эрих, потом достанется его товарищам по команде. Ужина, наверное, не будет. Эсэсовцы в ярости. Сейчас всех с боем будут загонять в штольню или примутся за поиски, а заключенные будут стоять на проверочной площадке (Appelplatz). Вот группа эсэсовцев поднимается для поисков на место нашей работы. Осмотр в глыбах породы. Вот уже Малофеев явно слышит их голоса, приближающиеся к помещению бывшей паровой установки. Сердце тревожно забило, в груди тоскливо заныло. А что, если обнаружат? Малофеев твердо знал, что в лагере нет собак-ищеек, но

все может быть. Если обнаружат, то здесь же избыют до полусмерти, а завтра утром на проверке придумают какую-либо казнь перед выстроившимися на проверку заключенными. Сжался в комок.

О железные плиты пола загремели кованые ботинки, загалдели солдаты, разбрасывая сложенные мешки цемента. Унтершарфюрер кому-то закричал: «Эта собака могла бежать только с помощью часового, я видел, как за час до конца работы он разговаривал с часовым».

Малофеев даже позлорадствовал, ведь он попросил прикурить у одного из самых жестоких эсэсовцев, и тому теперь не поздоровится. Лязгнули дверцы топок. Малофеев замер, не дыша. Сейчас — конец, сейчас — обнаружат. И вдруг в нос ударил едкий запах дыма, сперло дыхание, и он конвульсивно «задергался».

И тутгодились занятия в училище по противохимической защите. Когда-то преподаватель говорил, что когда немцы впервые применили боевые отравляющие вещества в Мазурских болотах против русской армии в Первую мировую войну, солдаты смачивали платочки мочой и через них дышали. Но это вспомнилось потом, а сейчас Малофеев сорвал инстинктивно с шеи шарфик, помочился на него, вложил в бескозырку (Matzen) и приложил ее к лицу. Дышать стало легче.

Но стало еще тревожнее. А вдруг там наверху услышали, как он здесь дергался, и сейчас его извлекут из его убежища. Эсэсовцы сожгли в топке несколько бумажных мешков и находившийся в яме различный мусор, переворошили все находившееся в помещении и удалились. Сколько прошло времени, неизвестно. Отверстие в стенке колодца растворилось в темноте. Видимо, уже стемнело. Наступила тягостная тишина.

Малофеев до боли в ушах напрягал слух, но не слышал ни звука. В трех километрах от этого укрытия его ждут. Но как выбраться отсюда? А вдруг шахта оцеплена, он вылезет и сразу попадет в руки палачей. Нет, в эту ночь

он никуда не пойдет отсюда, страх пересилил все. Побег удался и вдруг все пропадет? От волнения даже голода он не чувствовал. Долго лежал в мучительном полубытии и не заметил, как уснул. Проснулся. Пролом в колодце светился. Снова стали слышны голоса работавших югославов, но слов разобрать было невозможно, по-видимому, они разгружали вагонетки далеко от сарая. Съел часть хлеба и снова уснул.

Видимо, после нервного перенапряжения он долго и крепко спал, потому что, когда снова проснулся, свет в проломе потускнел, и голосов работавших заключенных не было слышно. Появилась мучительная жажда. Подполз к колодцу, глубина которого была метров двадцать, и попил, наклонив над ним голову. Тогда еще больше захотелось есть. Отполз подальше и заставил себя не думать о еде. Наверное, французы, не дождавшись меня, встревожились: «А что, если бы меня поймали, и я бы выдал Леона?» Долго лежал, мысленно вспоминая все время в плену. Потом медленно, стараясь не издать ни единого звука, пополз к выходу к топкам. Открыл дверцы, высунул голову и долго прислушивался. Тишина, ни единого звука. Снял колодки, взял их в руки и потихоньку вылез из топки. Выбрался из ямы и на цыпочках медленно пошел к выходу.

Каждые 3–5 шагов останавливался и прислушивался. Пересек дорогу, перелез через колючее проволоочное ограждение, которым был обнесен фруктовый сад, осторожно прошел по нему, потом быстро (откуда взялись силы?!) пробежал сад и некоторое время бежал по полю. Потерял всякую ориентировку и быстро пошел в неизвестном направлении. У какого-то ручейка напился воды и снова пошел по полю. Было темно и даже по звездам нельзя было сориентироваться. Вошел на сжатое пшеничное поле, сел на копну, доел последний кусок хлеба и, подумав, лег спать, зарывшись в копну. Снова крепко уснул. На рассвете проснулся и осмотрелся.

На свободе. Французское Сопротивление и английские лагеря

Ферма на возвышенности, куда должен был добираться Малофеев, была видна в стороне от его пути. Днем туда в одежде узника не пройдешь. Его полосатая форма после путешествия по туннелям топки котельной стала совсем черной, да и все лицо, руки, все открытые части тела были черные, как у негра. Он протер лицо, руки шарфиком, пошелушил зерна, поел и стал дожидаться вечера. Как только стемнело, двинулся на ферму.

Постучал, как было условлено, в калитку. Ее открыла женщина. Леона дома не было. Через несколько минут пришел Леон. Он действительно испугался отсутствия Малофеева, думал, что его поймали, и не выходил на работу — болел и прятался с перевязанной щекой. Малофеева помыли, дали чистое белье и комбинезон. Он предложил сжечь концлагерное обмундирование, но женщина объяснила, что их правительство, находившееся в Лондоне, сбрасывает листовки, в которых говорится, что за каждого спасенного заключенного или военнопленного оно будет выплачивать вознаграждение 40 000 франков, а это будет вещественным доказательством. Леон усмехнулся, но ничего не сказал.

Малофеев на немецком и русском языках написал свой адрес, звание, фамилию, имя и отчество и отдал француженке. Очень поздно ночью пришел француз, владевший русским и польским языками, и спросил Малофеева, что он намерен делать: бороться с «бошами» или отдыхать? «Конечно, бороться!» — ответил Малофеев.

По желанию беглецов их по эстафете переправляли в Швейцарию, где интересы русских военнопленных защищал английский посол. Это делалось так: заключенному давали пароль и указывали деревню, в которую он должен

явиться с сопровождавшим его французом. В деревне его с рук на руки передавали другому сопровождающему — и так до самой границы, через которую военнопленных проводили группами.

Малофеев предпочел сражаться в отрядах Сопротивления. Утром за ним зашел молодой француз, вручил ему какой-то документ, в котором Малофеев значился поляком французского подданства, и они двинулись на юг. На какой-то попутной жандармской машине проехали километров 50 в сторону Амьена. Остановились в каком-то поселке и еще долго шли по проселочной дороге направо. В другом поселке зашли в дом, куда вскоре пришли француз в жандармской форме и поляк. Малофеева долго расспрашивали, каким образом он оказался во Франции. Немного позже привели бежавшего из концлагеря белоруса Леню Безбородько, молодого парня, вывезенного на работы в Германию из Белоруссии. Он узнал меня, и все пошло на лад.

Малофеева зачислили в отряд ФФИ¹, именуемый mille (тысяча). В нем были итальянцы, поляки, австрийцы и, конечно, французы. Действовал он в районе Аррас — Амьен. Командовал отрядом французский капитан Руссо, начальником штаба был поляк, бывший в отряде со своим 16- или 17-летним сыном. Бойцы-французы днем работали в полиции, жандармерии, продавцами и так далее, а ночью участвовали в операциях по порче связи, путей сообщения, делали налеты на склады горючего, на проезжавшие к побережью на фронт автомашины.

Партизаны других национальностей прятались на фермах и в малочисленных лесах, садах и рощах. Однажды Малофееву дали задание: спрятаться утром в скирду соломы в 100–120 м от шоссе, идущей в сторону Атлантического побережья, и наблюдать за количеством автомашин, двигавшихся в сторону фронта, и

¹ В начале 1944 года в оккупированной Франции была создана объединенная военная организация всех участников Сопротивления — Французские внутренние силы (ФФИ).

вечером обо всем сообщить. По дороге на запад двигались автомобили, танки, подводы. Там были слышны приглушенные взрывы. В середине дня началось движение в обратном направлении, правда, редкое, больше было фургонов с красным крестом. Начали двигаться в обратном направлении и группы солдат.

Вот два автоматчика свернули с шоссе и направились к скирде. Подошли, обошли ее вокруг и залезли на кучу соломы, в которой лежал Малофеев. Малофеев замер. Они легли прямо на него. Хотя он и был глубоко зарыт, но тяжесть почувствовал. Нельзя было ни шевельнуться, ни тяжело вздохнуть. Немцы оживленно разговаривали. Они были ранены, только утром вырвались из боя. По их разговору Малофеев понял, что союзники прорвали фронт на побережье и находятся в 30 километрах.

А что, если немцы вздумают поджечь солому, подумал Малофеев. Если бы они были не на нем, их можно было бы прикончить. У Малофеева был «парабеллум» и несколько обойм, но ему нельзя было и пошевеливаться, чтобы сразу же не обнаружить себя. Немцы полежали несколько минут и снова ушли на шоссе. Вечером с запада пошли танки, автомашины с пушками. Авиация союзников почему-то бездействовала. Малофеев вернулся на хутор и доложил обо всем.

Немцы отступали. На хуторе человек 30 партизан сели в грузовую автомашину и, получив задание, уехали в сторону Амьена. Около Амьена спешились, там уже было несколько сот партизан. Ночью 30 августа они с нескольких сторон ворвались в Амьен и почти без потерь овладели городом.

Утром освободили лагерь с русскими военнопленными. Это были два барака, обнесенные колючей проволокой, где находилось 40 человек русских. Они были заперты в бараках уже два дня. Бараки были заминированы, но в спешке немцы не успели их взорвать. Днем 31 августа партизаны вели бои с отступавшими в беспорядке немецкими частями. Вступив в перестрелку, немцы сворачивали и обходили город стороной. Их бегство

было паническим, они серьезно даже и не пытались выбить партизан из города.

Вечером 1 сентября в город вступили американцы. Американские части расположились за городом в палатках. Французы начали наводить в городе порядок. Партизаны поселились в каком-то большом не то гараже, не то авторемонтном заводе. Французы расправлялись с предателями, служившими немцам. Девушек стригли и водили по улицам, называя их именами, которые они заслужили при немцах. На улицах было полно народа, люди приветствовали партизан и союзников. Американцы тут же открыли торговлю сигаретами, шоколадом и печеньем в больших жестяных коробках.

В отряд прибыл французский журналист Павленко, сын белого эмигранта, теперь коммунист. Рассказал, как начиналось партизанское движение во Франции. Первыми, оказывается, начали сражаться с немцами марокканцы.

После капитуляции Петена марокканские части были расформированы (французов увезли в Германию), марокканцы стали жить в казармах, немцы их использовали на различных работах, а каждую субботу они регистрировались в их комендатурах. В 1942 году марокканцы начали с ножами нападать на отдельных немцев. Если по улице двигался патруль из 2–3 человек, то марокканцы их разили насмерть ножами с расстояния 30–40 метров. От убийств перешли к поджогу складов. Их поддерживали французы, они прятали марокканцев. В 1944 году движение Сопротивления стало массовым. Отряды маки делились на деголлевские с красно-бело-синими повязками и деголлевским крестом на них и коммунистические (с социалистами вместе) с красно-бело-синими повязками, но без креста. Оружие добывалось при налетах на склады, с воздуха его доставляли англичане.

Отряд «тысяча» с наступавшими частями союзников не пошел, а занялся вылавливанием немецких солдат, рассеявшихся в районе Амьен — Аррас. С фронта пошли машины с пленными немцами. На улицах городков стояли

толпы французов, которые бросали камни в эти машины и скандировали «Retour, retour!» («Назад, назад!»).

Вскоре генерал Делотр де Тасиньи объявил мобилизацию французов в деголлевскую армию. Партизанские отряды были расформированы. Сдали оружие, французы тепло проводили партизан в Шербург.

В Шербург двинулись на автомашинах. Около Шербурга все обочины дорог были завалены немецкой и союзнической техникой. Танки, автомашины, пушки, повозки. Большие автокраны стаскивали их с шоссе и ставили рядом. Сплошной забор из техники.

Из Шербурга на прицепах автомашины везли танки, пушки, боеприпасы. Шербург был сильно разрушен. Подъезжая, видели остатки «атлантического вала» Ромеля. Немцы передавали, что во время высадки союзников они уничтожили 200 000 союзнических солдат. Причалы были разрушены. Порт бездействовал. Десантные суда разгружались прямо на берег. Берег был пологим, ровным, песчаным. Во время отлива автомашины по дну пролива подъезжали прямо к десантным кораблям с откидывавшимися кормами, служившими сходнями для выезда и въезда.

Малофеева с товарищами опять поместили в гараже. Сюда же прибыла группа партизан из 14 человек. Командовал группой капитан Василий Иванович Потапов. Неожиданная встреча! Малофеев спал с ним рядом на нарах в Саласпилсе и дружил. Там Потапов был с бородой в гражданском пиджаке, подпоясанном веревкой (он бежал из Саласпилса, переоделся, но был пойман и снова доставлен в Саласпилс) и был похож скорее на бедного старого крестьянина, чем на военного. Здесь Потапов выглядел уже военным. Трогательная встреча, воспоминания, поделились воспоминаниями о том, как жили со времени расставания в Саласпилсе. Оказалось, журналист Павленко был у них в отряде, их группа воевала в партизанском отряде длительное время.

13 сентября к ним неожиданно подъехали английские автомашины, погрузили их и под охраной увезли в немец-

кий лагерь. Несмотря на протесты, их поместили вместе с немецкими военнопленными за колючую проволоку. Шел сильный дождь, а одеты они были легко. Никаких вещей и без оружия. Немцы же устроились капитально. Шинели, плащ-палатки и палатки, в которых они прятались от дождя (лагерь — участок ровного поля, обнесенный проволокой, с вышками и часовыми с пулеметами на них). Бывшие партизаны расположились в углу около вышки, сбились все 18 человек в одну кучу и прикрылись, кто чем мог. Все продрогли и на чем свет стоит проклинали своих союзников. Малофеев с Потаповым, посоветовавшись, решили сыграть на служебной дисциплинированности немецких солдат и экипироваться за их счет. Вечером Малофеев подошел к воротам, где обычно проходила перекличка немцев, и, как это делали сами немцы в лагерях для русских военнопленных, заорал: «Alle deutsche Kriessgefangenen: zum Appell antreten! Aber schnell, schnell! Los, los verdamnte Boschen!»¹

После такой грозной команды немцы стремглав повыскакивали из палаток. Фельдфебели и унтеры стали строить людей для проверки. Англичане всполошились. Пока шло выяснение причины этой тревоги, товарищи Малофеева прошлись по палаткам, взяли одеяла, шинели, плащ-палатки, которых у немцев было в излишке. А Леня Безбородько захватил даже рюкзак, в котором кроме продуктов и белья было десятка три серебряных ложек различной величины. Где-то нагребил фриц.

Вернувшись в палатки, немцы обнаружили отсутствие некоторых вещей, двинулись с ругательствами в сторону партизан, но англичанин на вышке (которому сказали, что немцы хотят с ними расправиться) пригрозил открыть по ним огонь, и они успокоились.

Через два дня в Шербурге разгрузилась колонна десантных судов, и немцев вместе с партизанами погрузили на них и отправили в Англию.

¹ « Всем немецким военнопленным: на перекличку выходи! Ну, быстро, быстро! Проклятая немчура!..» (нем.)

Крутые меловые берега Южной Англии. Около Саутгемптона встретился громадный плавучий док. Выгрузились в Саутгемптоне. Порт был разрушен немецкой авиацией. Вокруг сплошные развалины. Их вместе с немцами окружили англичане, которых было очень много, чуть ли не сплошной коридор. Погрузили в вагоны и повезли на север. В Ньюкастле выгрузили и поместили в палаточный лагерь для немецких военнопленных.

Через несколько дней, удовлетворив протесты русских, их отделили, погрузили в вагоны и возвратили на юг Англии. Поселили в каком-то лагере отдельно и только для советских граждан, но под сильной охраной.

Прибыл член советской военной миссии капитан III ранга Храмов и поставил перед англичанами вопрос о снятии охраны. Англичане предложили снять охрану тогда, когда по всей Великобритании будет снята охрана. Храмов заметил, что советские граждане тогда даже не заметят смены обстановки. Необходимо снять охрану немедленно. Позвонили в Военное министерство, и охрана была немедленно снята.

Некоторые советские граждане сохранили в мешочках родную землю и целовали ее. Храмов предложил советским офицерам выйти из строя и взять командование лагерем в свои руки, а военнопленным высказать свои претензии к англичанам. Вышел из строя старшина Василий Зенин (из Баку) и пожаловался, что у него при обыске капитан Бентли отобрал зажигалку, и, когда он к нему обратился с протестом как союзник к союзнику, тот ударил его стеклом и зажигалку не возвратил.

По настоянию капитана III ранга Храпова англичане собрались в отдельной палатке и устроили Бентли суд чести. Англичане настаивали, чтобы Бентли вернул зажигалку и заплатил штраф. Советские офицеры предложили запросить мнение потерпевшего. Пригласили старшину Зенина. Он сказал буквально следующее: «Я не жалею зажигалки. Я слесарь и сделаю себе лучшую. Но мне обидно, что меня ударил офицер союзной армии, не немец. Я прошу, чтобы господин Бентли извинился передо мной».

Не только Бентли, но и остальные англичане-офицеры были недовольны. Но суд есть суд, он учел пожелание советского старшины, и Бентли извинился. Позже он мне говорил, что лучше бы он уплатил любую сумму штрафа, чем это «унижение перед солдатом».

Здесь же были сформированы четыре роты и направлены в военный лагерь Бромхем-1, около Лидса, покинутый высадившейся на материк армией вторжения.

Военной миссией СССР в Великобритании Малофеев был назначен старшим офицером (начальником штаба полка) лагеря. Начальником (командиром полка) был назначен капитан В. И. Потапов. Вскоре в Бромхем-1 прибыли еще четыре роты. Началась военная подготовка.

В феврале 1945 года на транспорте «Дачес оф Бедфорд» Малофеев с товарищами вернулись через Одессу на родину. В летних лагерях Южноуральского военного округа Алкино-2 (Башкирия) они прошли государственную проверку и влились в 12-ю прорывную дивизию, в апреле направившуюся на фронт в Венгрию.

«Человек, воочию увидевший все ужасы войны, никогда не будет к ней стремиться», — сказал маршал Франции Фош.

Я верю, что собранный, организованный человек, попавший в особые условия (плен, концлагерь, пустыню, тайгу), как талантливый конструктор, сосредоточив все свое внимание на одном — вырваться, выжить — придумает тысячу вариантов побега, дерзких до невероятности, непонятных человеку в нормальных условиях, и выживет. Надо только иметь сильную волю, не теряться, не паниковать, быстро ориентироваться (иногда секунды требуются для продумывания тысяч вариантов, чтобы выбрать из них один, правильный).

*Октябрь 1944 — январь 1945 г.
Англия. Графство Йорк.
Казармы полка Бромхем;
10 ноября 1982 г.
СССР. Луганск*

Содержание

Павел Полян

Беглецы из плена 5

Владимир Тутов

Воспоминания танкиста.

22 июня 1941 г. — 22 апреля 1945 г. 11

22 июня 1941 года, Пятигорск 13

Пленение 18

Первый побег 30

Ржевские приключения 41

Вязьма 50

Лагерь в Польше 54

Шталаг в Ламсдорфе и штрафное отделение
в Кройцбурге 71

В госпитале 84

Снова в Ламсдорфе 91

Побег из Ламсдорфа, октябрь 1944 г. 111

А мне наука — не трепись! 114

Конец свободе 121

В тюрьме в Ягендорфе 124

В тюрьме в Терезине 146

Побег в пути 158

«Интернационал» в Вайдене и освобождение
22 апреля 1945 г. 171

На свободе 175

Postscriptum 184

Юрий Тутов об отце	185
------------------------------	-----

Александр Малофеев

Воспоминания морского артиллериста, узника концлагерей и французского партизана. Май 1941 г. — февраль 1945 г.	189
До войны	191
На войне. Батарея Малофеева, первое ранение и госпиталь	197
На войне. Битва на островах, окружение	206
В плену. Лагерь Саласпилс	228
В плену в Германии. Цигенхайн, шталаг IX А	246
В плену в Германии. Побег	257
В немецких концлагерях. Бухенвальд и Кельн	266
Лагеря в Северной Франции. Гесдин и Доуленс	275
На свободе. Французское Сопротивление и английские лагеря	293

Володя Тутов. Пятигорск, 1917 г.

Родители Владимира Тутова –
Семен Михайлович
и Инна Васильевна.
Владикавказ, 1920 г.

Владимир Тутов с отцом. Ставрополь, 1930 г.

Х а р а к т е р и с т и к а

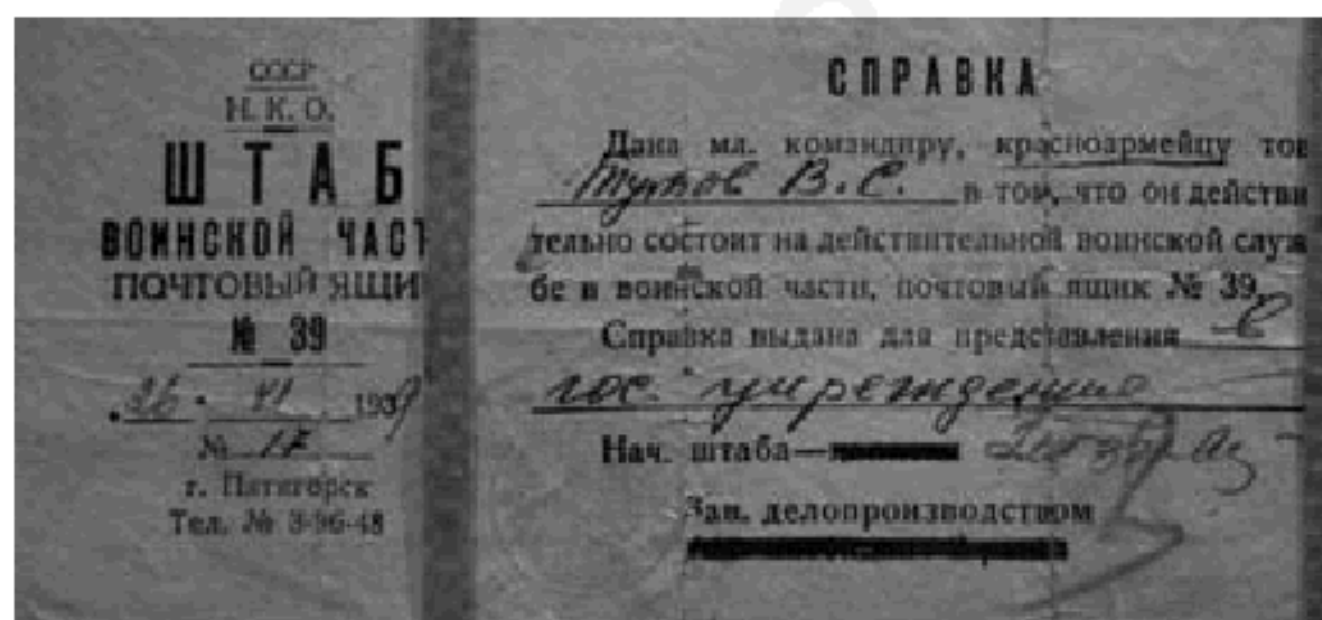
Фамилия Тутов Имя Владимир
 Отчество Савинович партийность б/п
 стхановен, ударник нет
 Домашний адрес Заинтересации 52
 Место службы Асфальт.
 Служебный стаж 3 лет, квалификация: высокая, средняя, низкая.
 Участвует в соцсоревнованиях, нет. Дисциплинирован, нет. Целеустремлен, нет. Участвует в общественной жизни, нет.
 Взаимоотношения к окружающим (с администрацией, товарищами) с товарищами хорошо

Подпись: { Администрация
 Местной И. М. Волосинский

1936 год. Тбилиси

Характеристика Владимира Тугова, выданная для поступления в техникум. Тбилиси, 1936 г.

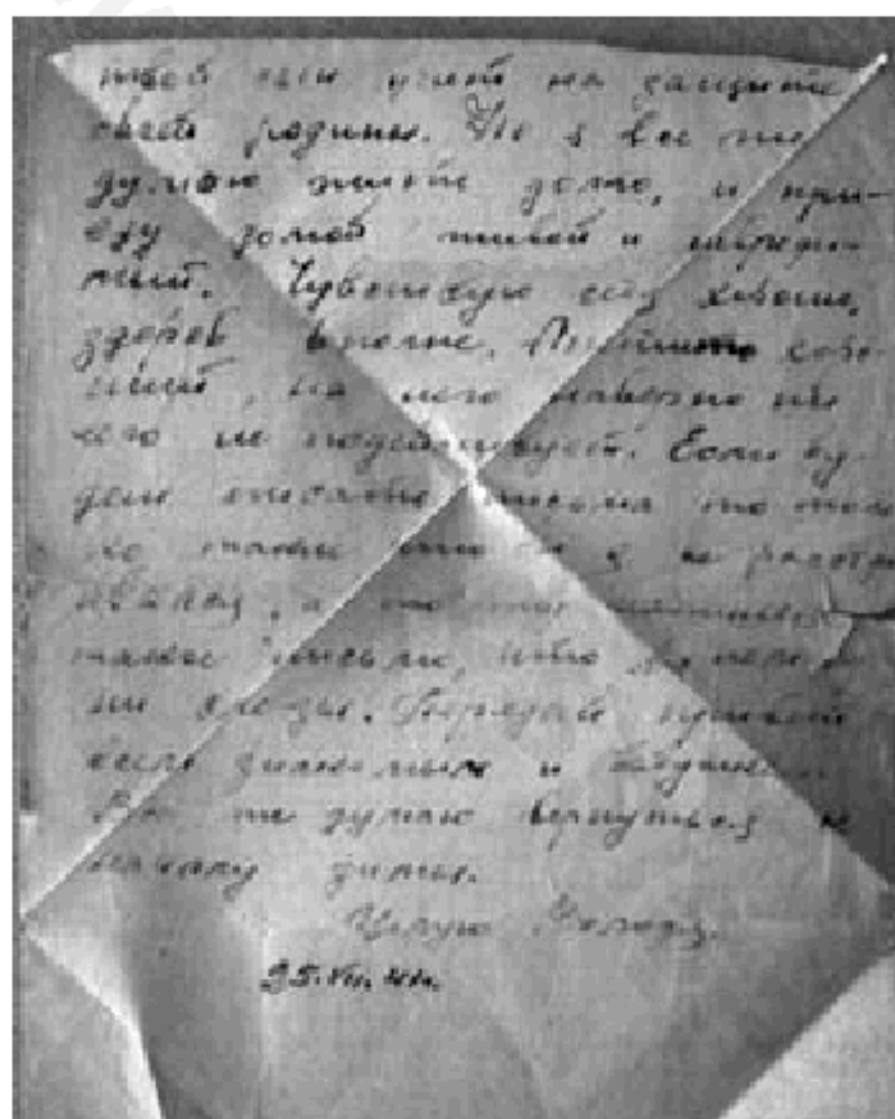
Красноармеец
Владимир Тутов.
Пятигорск, 1939 г.

Справка о воинской службе Владимира Тугова.
Пятигорск, 1939 г.

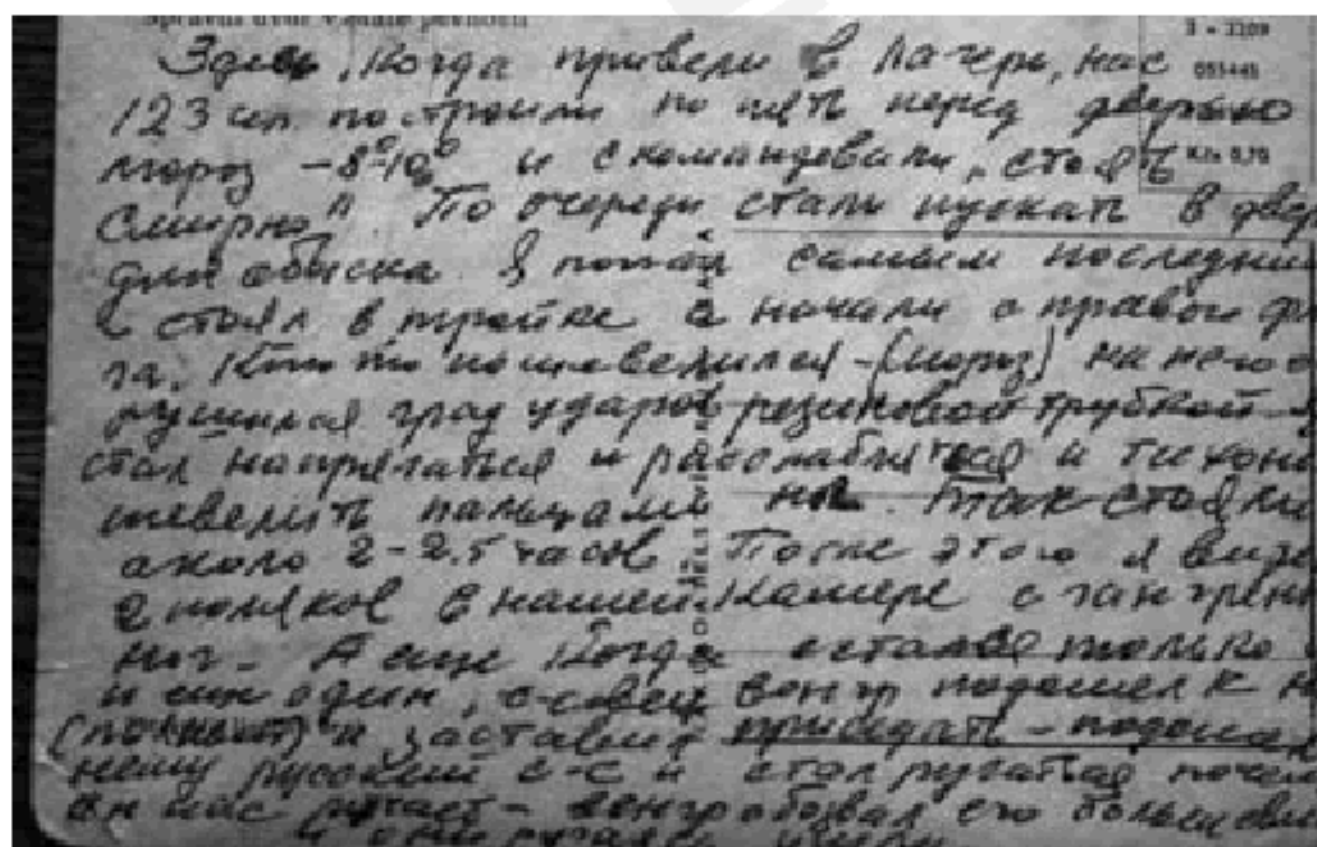

Письмо младшего
командира
Владимира Туова
с фронта.
25 июля 1941 г.

Лагерь для военнопленных Терезин в Чехословакии.
Послевоенная открытка. Справа в глубине камеры, в которых
в 1943 г. сидел военнопленный Владимир Тутов

Письмо Владимира Тутова родным, написанное на оборотной
стороне открытки из Терезина

Владимир Тутов (слева) с другом по плену крымским татарин Дмтрием Эюповым, впоследствии репрессированным. Госпиталь в Братиславе. 25 июня 1945 г.

Госпиталь в Братиславе. Владимир Тутов
первый слева во втором ряду.
25 июня 1945 г.

Владимир Тутов с женой Тамарой. Москва, 1948 г.

Николай Гурьев –
товарищ
Владимира Тугова
по плену, нашедший
его после
освобождения.
1960-е гг.

Неожиданная встреча.

Собрав остатки сил, с трудом я выбрался из товарного вагона и изнемогая от усталости после трудного пути лег на спину возле нашего эшалона. Нас освободили американцы в западной Германии, немного подкормили, чуть подлечили и отправили к своим. Были слухи, что в СССР нас всех загонят по шахтам и рудникам, но мы все-же решили /многие убедились в ошибке/ вернуться.

Лежу почти без сознания. Вечерело. Вдруг возле меня стоит лейтенант и ругает немцев "ах сволочи, до чего довели людей!" Прислушался - знакомый голос! Когда повнимательней посмотрел - да ведь это Коля Гурьев! Мы учились в институте физкультуры в Питере только я был в школе тренеров.

Дохлым голосом я спрашиваю:

-Коля! Это ты? если бы я мог описать Колину реакцию, его изумление, когда я назвал его имя. Он нагнулся поближе, узнал меня:

-Володя! Откуда? Как? - речь его не была красноречивой, да и о чем можно было говорить с полуживым доходягой. Таких как я дохлых было человек 30-40 и нас переносили на носилках. Николай работал в госпитале методистом лечебной физкультуры. Он назначил меня своим

помощником, но фактически я ничего не делал, целыми днями болтался по городу ухаживал за девушками. Нашел гребную станцию там катался на байдарках. Моего друга татарина, замечательного кулинара, назначили личным поваром двух раненых героев /госпиталь был в окрестностях Восточного фронта/ конечно Дима кормил меня до отвала. Когда мы немного окрепли нас отправили на фильтрацию. Николай скончался в Минске в 36 году. Несколько раз встречались с ним в Москве на соревнованиях

Николай - слева

Курсанты Военно-морского артиллерийского училища.
Александр Малофеев второй слева. Севастополь, 1940 г.

Курсант Военно-морского
артиллерийского училища
Александр Малофеев.
Севастополь,
октябрь 1939 г.

Выпускник Военно-морского артиллерийского училища младший командир Александр Малофеев. Севастополь, 1941 г.

А. С. Малофеев на курсах усовершенствования
комсостава Черноморского флота.
Измаил, май 1959 г.

Тетрадь
и страница рукописи
воспоминаний
А. С. Малофеева

[illegible]

В. Время, место и обстоятельство появления Ястреба окончатого был за
остров Эзен (Савромат) на рыбачьей лодке ушел
на восток - моротуро безу сего в Фатландия Хонко.
То пути восточа и таскен двукта нечелукиши
тожостевиши кораблями.

2. Корда, В. В. Введение в теорию, историю и философию права. М.: Юристъ, 2004.

Дата прибытия в лагерь	Название и местонахождение лагеря, филиала, команд	Личный номер, под какой фамилией, известен был известен
12-10-1941	Лагерь для военнопленных Саламатла	Малосергев Д. С.
Октябрь 1942	в 18 км от г. Рыбоз, Латвийская ССР	Д. С.
ноябрь 1942	Лагерь в/ч 1ХА, Цигенхайм, около гор.	№ 45845.
ноябрь 1942	Кассель, Германия.	Малосергев Д. С.
ноябрь 1942	Работа в колонии (германская) - 2595 в ко-	— " —
12 декабря 1942	от лагеря 1ХА в г. Пильсене	№ 37117.
15 декабря 1942	Концлагерь Бухенвальд	Малосергев Д. С.
17 декабря 1942		— " —
19 декабря 1942	Филиал КЗ Бухенвальд Мессе - лагерь	— " —
19 января 1943	в гор. К. Ф. Л. М.	
19 апреля 1944	Филиал КЗ Бухенвальд в Эдмунде, депар-	— " —
16 июня 1944	тамент Та-де-Кале, Франция	
16 июня 1944	Филиал КЗ Бухенвальд в Эдмунде,	— " —
16 июня 1944	департамент Сольме, Франция	

Учетная карточка узника концлагерей с указанием мест пребывания Александра Малофеева в плену с октября 1941 по июль 1944 г.

10. Когда, где и при каких обстоятельствах освобожден В июле 1944 г. Бомы с помощью французских патриотов из филиала КЧ Вухенвайг в Вуланс (Франция)

11. Участие в антифашистском сопротивлении, в том числе в партизанском движении и подпольных группах западноевропейских стран В апреле - июле 1944 г. в подпольной военно-политической организации (интербригады восточной) в филиалах КЧ Вухенвайг в С. Франции - от. ад. командир колонизации батальона. В июле - сентябре 1944 г. в партизанской отряде Французского Сопротивления родовых.

12. Участие в побегах (когда, откуда, с кем) 18 декабря 1941 г. из тюрьмы Вирто-роме Сиренны из Советского Гроз. Звезда задержания освобожден 2.16 сентября 1943 г. из ст. лейтенанта О. Г. Лобан Я. Я. лейтенанта Квасня В. Я. ст. лейтенанта Фриц Г. Я. из родовых колонизации 1.2.50. Бомы 3. В июле 1944 г. из филиала КЧ Вухенвайг в Вуланс (1 сентября 1943 г. из швейцарии Губекс (Франция))

13. Ранения, контузии, инвалидность, группа В сентябре 1941 г. ранен и контузии в. на Ойссарский вокзал на С. Вуланс (Франция) на Филиппе Инвалид III группы

14. Почетные и ученые звания, ученые степени, участие в выборах органов Н. Я. Инвалид

15. Правительственные, иностранные и др. награды Один орден, три ордена, ордена, почетный знак Звезды ССР, две трудовые медали и шесть почтовых медалей (13 правительственных)

16. Семейное положение, состав семьи две дочери и двое внуков

17. Должность, место работы Пенсионер. Не работает с 1987 г.

18. Домашний почтовый адрес, телефоны 348020 Вуланс-восток 3-й Ракетный Б

20 июля 1983 г.
(авто)

С. Я. Инвалид
(подпись)

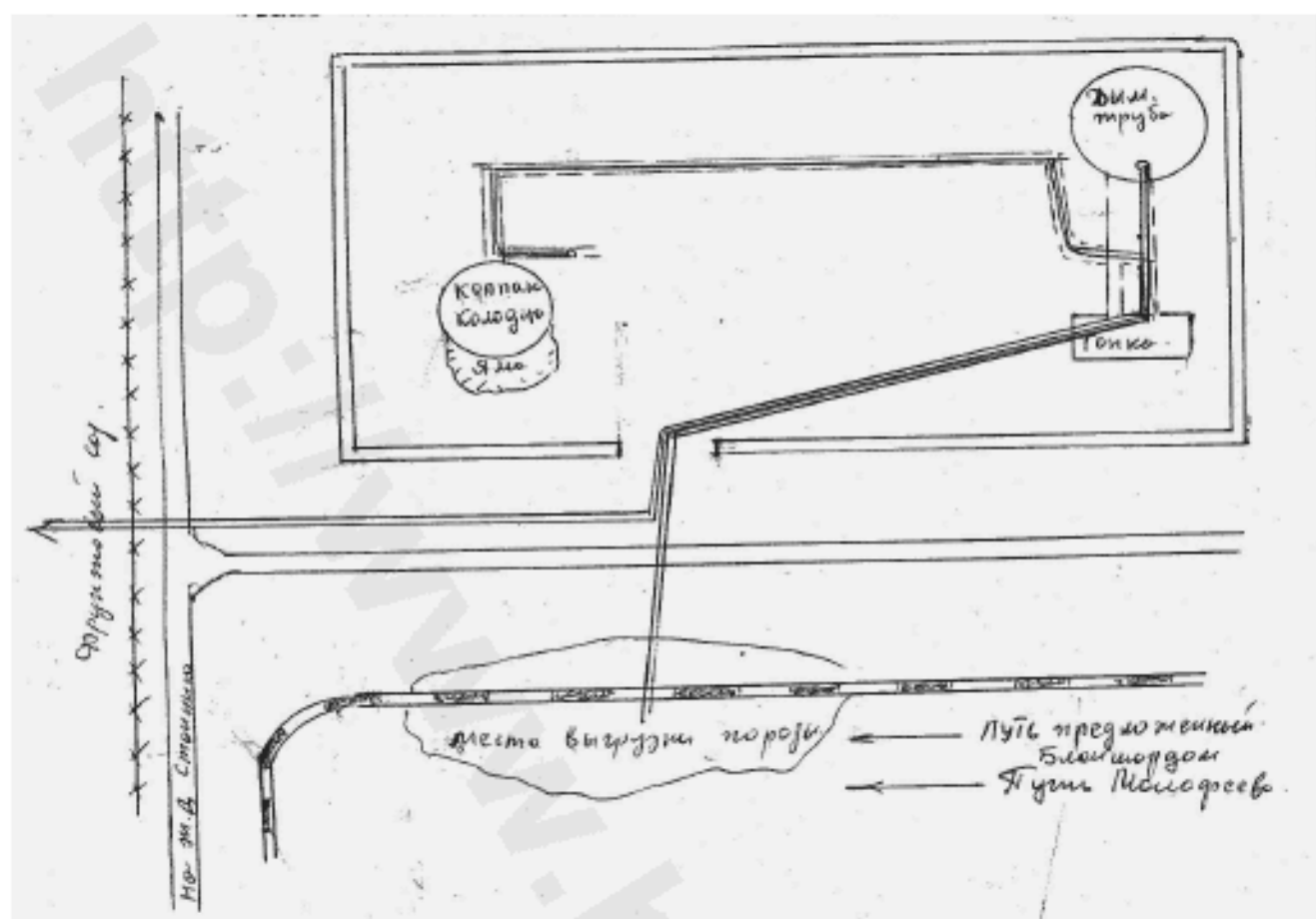

Схема побега А. С. Малофеева из каменоломни
в Северной Франции

Научное издание

Человек на обочине войны

Тутов Владимир Семенович
Малофеев Александр Сергеевич

Беглецы из плена

Воспоминания танкиста и морского артиллериста

Редактор *Н. П. Зимарина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Корректор *Н. П. Голубцова*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *С. А. Хромцев*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.03.2010.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 1000 экз.
Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

**В издательстве «Российская
политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)**

в серии
«Человек на обочине войны»

ВЫШЛИ КНИГИ

Нам запретили белый свет... Альманах воспоминаний военных
и послевоенных лет

Софья Анваер. Кровоточит моя память

Петр Астахов. Зигзаги судьбы. Из жизни советского военно-
пленного и советского зека

Игорь Синани. В поисках мира. Повествование по следам писем.
Воспоминания. Этюды

Сквозь две войны, сквозь два архипелага... Воспоминания со-
ветских военнопленных и остовцев

Солоухина-Заседателева Р., На задворках Победы. Карпов Н.
Маленький Ostarbaiter

Юрий Апель. Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и во-
еннопленного

Дмитрий Чиров. Среди без вести пропавших. Воспоминания со-
ветского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф.
1941–1945 гг.

Беглецы из плена. Воспоминания танкиста и морского артилле-
риста

Ирина Дунаевская. От Ленинграда до Кёнигсберга. Дневник во-
енной переводчицы (1942–1945)

Окупированное детство. Воспоминания тех, кто в годы войны
еще не умел писать